

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Владимир Бутенко

Стихотворения 3

Елена Иванова

Стихотворения 89

Валентина Нарыжная

Стихотворения 99

Константин Ходунков

Стихотворения 103

ПРОЗА

Владимир Кожевников

Батарея-120

Повесть..... 11

Игорь Берег

Сеньорита

Глава из романа109

Идиллия Дедусенко

Когда цвела черемуха...

Повесть143

Станислав Подольский

Слуга

Рассказ 197

КРАЕВЕДЕНИЕ

Лилия Жидкова

Старая мельница 95

**БРАТСТВО КАВКАЗСКИХ
ЛИТЕРАТУР**

Эльбрус Скодтаев

Стихотворения225

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Петр Чекалов

Литература Ставрополя 231

**Главный редактор
Владимир Бутенко**

*Литературное
Ставрополье
№4(2019)*

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2=411.2)64
УДК 821.161.1-8
Л64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**A72 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2019 г. — № 4**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и вёрстка: С.Е. Стефанова

Корректор: Н.А. Шулик

Сдано в набор 15.10.2019. Подписано в печать 31.10.2019.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10.0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 311019. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Мир»:

394033, г. Воронеж, Ленинский проспект, 119 А, литера Я, офис 215.

Тел.: 8-958-649-53-31.

ISBN 978-5-6043713-5-0

Позвольте мне предсказывать
Любовь.
Хотя, конечно,
Я не предсказатель,
А странник и неистовый
Мечтатель,
Ценитель звезд и птичьих
Голосов.

Позвольте мне предсказывать
Любовь.
Ведь столько одиночества
На свете,
И с детством разлучились
Наши дети
Под грузом интернетовских оков.

Позвольте мне предсказывать
Любовь,
Чтобы на смену бедам и
Ненастьям
Людские души озарились
Счастьем
И собрались друзья под милый
Кров.

Чтоб красота заморозила вновь
И даровал Господь покой и
Милость,
Чтобы всем сердцем пелось и
Любилось! –
Позвольте мне предсказывать
Любовь...

**ВЛАДИМИР
БУТЕНКО**

Поэзия

У ограды высокого храма
Ряд калек и ворчливых старух.
Синева – над золотыми крестами,
Суета и смятенье вокруг.

Век двадцатый простился навеки,
Унеся груз побед и утрат.
Обездоленные человеки
На прохожих призывно глядят.

И взыванья, и слезы, и пени –
Ради жалкенького гроша...
Но царит лихометное племя,
Лжесвидетельствуя и греша.

Бог забыт. Только крестики в моде.
И стонает душа в темноте:
Может, дело не в русском народе,
А в бескрайней его доброте?

Всё отдать! Даже с тела рубаху.
Всё пропить, прогулять, прокутить.
И судьбу свою бросить на плаху,
Чтоб затем – подаянье просить.

Покаянья бояться не надо.
И лишаться не стоит надежд.
Может, здесь, у церковной ограды,
Наш последний
российский рубеж...

Твои плечи мне голову кружат!
Грудь под кофточкой тонкой – туга.
Околдуй мне, красавица, душу,
Помани за собою в луга...

Но молодка шарахнулась мимо,
Навсегда расставаясь со мной,
И блеснула едва уловимо
Своей древней червонной серьгой.

Я приеду на закате.
Наберу короткий номер, –
И услышу в домофоне
Осторожный голос твой.
Я отвечу: «Добрый вечер!
Я пришел к тебе с повинной...
Я пришел к тебе с повинной
И открытою душой».

Ты откроешь тихо двери, –
С очень грустными глазами, –
Ну а я, признаться, плакать
Разучился уж давно...
И без лишних слов дежурных
Обниму тебя за плечи,
И замрем с тобой надолго,
Счастье чувствуя одно.
Ты прости меня, родная!
Без тебя весь мир мне тесен,
Без твоей улыбки светлой
На Земле мне не прожить!
Ты одна пленила сердце,
И богиней стала песен.

Ну, скажи, как это можно
Взять тебя да разлюбить?
Мы повенчаны с тобою
И мечтою, и бедою,
Безоглядную весною
И красой степных широт!
Мы живем в чудесном мире,
Где с тобой нас только двое,
О котором мы лишь знаем
И закрыт всем прочим вход...
Мы его храним с тобою!
Он так хрупок и так нежен.
Даже криком, даже смехом
Можно вмиг разбить его...
Я люблю тебя безумно!
И хочу к тебе, как прежде...
Не солгал я и не предал,
И не скрыл я ничего...

Ты глаза поднимешь молча
И опять вздохнешь украдкой.
И в лицо мое взглядишься,
Улыбнешься снова ты!
– Эх ты, радостная горесть!
Эх ты, горестная радость!
Без тебя нельзя мне тоже...
Заждалась я...

Чай остыл...

Мужской удел – сражаться и терпеть,
Идти вперед сквозь годы и ненастья,
И – возвратиться по крутой тропе
К любимой, постигая цену счастья.

Вдруг осознать: за что ты так любим
Прекраснейшей из всех на свете женщин.
Той, что нежна, как лепестковый дым
Над Доном полыхающих черешен!

Той, что поймет тебя в печальный час
И никогда не упрекнет за слабость,
И отогреет светом добрых глаз,
И поцелуев вновь разделит сладость.

Пристало ей судьбой повелевать,
Рожать детей, очаг хранить нетленно.
И верить в сокровенные слова,
Когда пред ней встаешь ты на колена!

Пока мне силы и желанья
Господь всемилостив дает, –
Встречаю песней утро ранее
И глажу шелк озерных вод.

Храня в душе воспоминанья,
Всю ночь за книгой не усну.
И, зная цену расставаньям, –
Жду с верой каждую весну.

Среди людей не слыл я паинькой.
Судить об этом – небесам!
Всего себя до капли маленькой
Любимой женщине отдам.

Пускай она, моя хорошая,
Поймет, что в мире нет нежней
Цветов под первою порошею
И света верности моей...

БАТАРЕЯ - 120

*Светлой памяти фронтовиков
посвящаю*

Просыпаясь ночью, Вениамин часто не мог понять, где он – на войне или дома. Вроде только что была передовая позиция, окопы, беспросветная стрельба, свист пуль, вой снарядов и бомб, от которых бойцы тыкались головой в углы окопа, как кроты, старались вдавиться в землю, чтобы не погибнуть и не быть ранеными немилосердными осколками, не быть разодранными на куски, что нередко случается при атаках. Вот и его второго номера так исковеркало, что не узнать. И он, здоровый молодой мужик, плакал без стеснения над его останками, которые дрожащими руками собрали в плащ-палатку и опустили в общую могилу, когда атаку удалось отбить.

От этих навязчивых и неприятных дум в его голове что-то перемыкало, скребло, будто крутилось тупое сверло. И он, стараясь избавиться от боли, крепко сжимал ее сильными руками, что нередко помогало и успокаивало боль.

Полежав так какое-то время,

**ВЛАДИМИР
КОЖЕВНИКОВ**

Проза

Вениамин сознавал, что вокруг была деревенская тишина, что он находился не на передовой, а в своем собственном доме и на своей скрипучей от времени кровати. Улавливал кислый запах от влажной постели. Рядом с ним сопела в две дырки супруга Стюра, сжавшись, как котенок, в маленький комочек. Ее фигурка являла полную противоположность высокому мужу. Голова не доставала даже до его плеча. Не случайно на станции их звали Пат и Паташонок.

Наконец, поняв, что он не на фронте, а в родном доме и на собственной кровати, сделанной еще до войны своими руками, Вениамин успокаивался и пытался снова заснуть или хотя бы подремать до утра, до работы, которая требовала немало усилий. Он вроде уже начинал тонуть в легком тумане подступающего сна, как вдруг за печкой заводил скрипучую мелодию надоедливый сверчок. И бывалый солдат, совсем очнувшись, понимал, что больше не уснет, что скоро вставать.

– Мать твою за ногу, не спится тебе, бишкильский бродяга, – ворчал он, поворачиваясь на другой бок и чувствуя, как снова подступают навязчивые думы о недавней войне, которая, словно плугом, прошла по его судьбе. И не только по его, а по судьбе каждого россиянина, если он даже и не был на ней. По судьбам самых малых и безгрешных детишек, сделав многих сиротами и бездомными.

Вскоре начинало светать, и до него доносилась возня на печке. Это с кряхтеньем поднималась его старая мать, Арина Алексеевна, и собиралась доить корову. Топала в больших солдатских ботинках во двор, гремела подойником. Выгоняла из стайки пеструю и норовистую Буренку, у которой конец

одного рога был обломлен. Видно, с кем-то бодалась, и он был со следами запекшейся крови. Она то и дело мотала длинным грязным хвостом, отгоняя нахальных мух и оводов, доставая до лица доярки, словно и ее норовила стегнуть за что-то. И та беззлобно ругала ее:

– Стой, холера травниковская! Глаза мне не выхлещи. Без тебя плохо видят.

Сноха Настасья, а по-местному Стюра, еще спала, она любила поспать. Но старуха старалась ее не тревожить, ведь она чувствовала себя иждивенкой и старалась по силе возможностей участвовать в трудовой семейной жизни, чтобы не корили лишним куском хлеба. А Вениамин уже бодрствовал. Обдумывал план на целый день. Он работал на дистанции контактной сети столяром-плотником. Ремонтировал полы и вязал рамы, делал столы, верстаки и прочие предметы и работы, которых в ЭЧКа было всегда много.

А после работы шабашил. Одним сруб дома или бани рубил, как дятел, стуча топором дотемна. Другим столы, табуретки делал. От гробов не отказывался и напряженно строгал рубанком, аж с легким визгом кудрявилась спиралью и отлетала пахучая сосновая стружка. Стеклил окна, когда просили, умело чиркая алмазом стеклореза. В работе он был неутомим и силен. И душа в это время радовалась и пела. А с его крупного античного лица, с которого можно ваять скульптуру, не сходила довольная улыбка. Без усталости широким длинным фуганком, он забывал про все: про фронт и ранения, про бытовые лишения гражданской жизни, про нехватки и бедность, которые, как петлей, беспощадно стягивали его и семью. И как он ни старался, не мог высвободиться из этой

трагической петли. И ему было обидно и стыдно, что такой здоровый мастеровой мужик, вынесший фронтовые лишения и ранения, не может вырваться из лап обуявшей его действительности и бытовой невезухи. Но когда, не жалея себя, он пластался на работе, то походил на молодого неутомимого бога. И со стороны казалось, что вокруг него собиралась и трансформировалась электрическая или какая-то другая энергия, которой опасно коснуться постороннему, будто она может крепко ужалить.

– Сегодня после вахты надо Новожениным курятник доделать да размеры косяков снять у сруба Васильевых, – вставая с кровати, намечал Вениамин. – Ох, мать твою за ногу, Злобихе табуретку не забыть сделать...

Окинув взглядом спящих вповалку сыновей, он надевал брюки, выходил во двор, умывался из кумгана, азиатского рукомойника, неизвестно, как к ним попавшего, висевшего на цепочке за сенцами. И проходил под навес к верстаку, доставал инструмент, заготовки, работал, пока не позовут к чаю. А там и на работу пора бежать. Чем не белка в колесе? Но белке легче – рубить топором и строгать не надо. И перед начальством оправдываться.

2

На дистанции целый день не было возможности присесть. Даже курил на ходу. Ремонтировал платформу дрезины. Навесил дверь в душевую, где еще и прогнившую плаху заменил. А начальник ЭЧК Мельников все подгонял.

– Ты поторапливайся, Вениамин Алексеич, надо еще форточку в моей квартире застеклить – разби-

ло ветром.

– Торопится голый в баню. А я делаю с чувством, мыслью, расстановкой и на совесть, чтобы десятилетия стояло, – парировал он с усмешкой, не отрываясь от дела. И строгий начальник уходил, чтобы не разгневаться мастерового. Не отвлекать от работы.

После смены Вениамин садился на высокий скрипучий велосипед и давил на педали, выкручивая в сторону стройки Васильевых. Достав блокнот, карандаш, метр, определял и записывал размеры косяков. Не забывал и о просьбе супруги.

– Вен, денег-то нету, хлеба не на что купить, – слезно канючила она.

– А я тебе Сбербанк, что ли, или Рокфеллер? – спрашивал он недовольно. – Ведь недавно получку принес.

– Дак вон пальтишко Вовке купила. Продукты берем. Даже на хлеб, соль не осталось, – оправдывалась Стюра, отводя в сторону взгляд.

Такой просящей, униженной она ему не нравилась, как и материальное положение семьи. Не умела она бережно тратить деньги, считал он.

– Ты ведь сам последние отнес за вино, – не сдавалась она. – Потерпел бы уж, говорила тебе.

– Ждать да терпеть – ума не иметь! – не сдавался и муж. – Зачем мне давала деньги?

– Не дашь – ты снова крышу начнешь разбирать или еще какой фокус-мокус устроишь. Чтобы дом залило? И ходишь там с ломиком, будто аджатаровская цапля.

– А ты не ублажай меня, не велик барин, как тактыбайский татарин.

Вспомнил он этот душевный разговор и думал, как подкатиться к заказчику, чтобы аванс

выпросить.

– Сделаю – будь здоров будут косяки! До третьего колена всех василят переживут! Не печалься, Сидор Иванович. Да ссуди небольшой авансик.

– Знаем мы вас, шабашников. Не взялись за дело, а уже расчет просите. Коня-то с головы, а не с хвоста запрягают. Пропьете, а потом ищи-свищи ветра в поле, – возразил хозяин. Он был лет пятидесяти, с лысой, грушеобразной головой, зелеными кошачьими глазами, что почему-то вызывало у столяра неприятную улыбку.

– Не суди, да не будешь судим, в Библии-то сказано. Разве фронтовик может обмануть, тем более – артиллерист? Батарея – 120. Артиллерия – бог войны! Мать твою за ногу... На хлеб детям прошу. Венка-бондарь в тылу не отсиживался, как некоторые фрукты...

– Ну, коли так, то немного ссужу, – вытаскивал тот смятые рублики.

– Вот и ладушки. Фронтовики всегда договорятся. Это не тыловые крысы. Готовь материал и привози. Или тележку дать?

Он сел на велосипед и, выбрасывая длинные колени выше руля, заспешил дальше по кочковатой дороге, поднимая серую и горячую пыль. И тревожа дворовых псов.

Технику Ильин любил. Даже трофейный патефончик привез из Германии. Электрический. Не то, что старотипный у его сестры и зятя, по которым он почему-то старался равняться. Надо было то и дело накручивать ручку пружины. Но в трудные годы, а они легкими для него никогда не были, его пришлось продать, ведь семья быстро росла – к довоенному Володьке прибавились Петька и Колька.

– Зачем нам электрический патефон, когда и электричество-то еще не провели. Да и мы не немецкие буржуи, – оправдывался Вениамин. – Вон у меня русская гармозель. Лучше патефона сыграю и спою вместе со Стюрой и матерью. Ансамбль, понимаешь.

Обзавелся и мотоциклом – трофейным «харлемем». Навялил по пьяной лавочке ловкий стрелочник – спекулянт Никифоров за то, что срубил ему баню.

– Мотик немного не на ходу, – убеждал он, – не хватает аккумулятора. Но купишь и поедешь и на покос, и на охоту, и на рыбалку. Ты ведь мастеровой. Да и Пашка Краснов наладит в случае чего. Как король, помчишься и станешь по бишкильским улицам рассекать.

Закатили они железную махину под навес, поставили к стенке рядом со столярным верстаком. И сколько лет потом ни возились с ним вместе с Пашкой Красновым, мастером железнодорожной связи и местным Кулибиным, он так и не завелся, не выехал за ворота. И ржавел от сырости и мороза бесполезным грузом, пока не сгнил и не пошел на металлолом.

– Рулевой, погоняй мерина-то хорошенько! – добродушно смеялись Настасья и Арина Алексеевна.

– Он говорит, запрягай в корень мать-казачку, а в пристяжные жёнку и погоняй кнутом. Лучше мотоциклета повезут! – не без саркастической улыбки парировал Вениамин.

– Какой из меня, старухи, коренник? Я уж в пристяжные-то не гожусь, – отнекивалась старая мать, которая тоже за словом в карман не лазила. – Мне уж только на перроне огурцами да грибами

торговать. Я ведь самому Ленину ровесница... А за грибами ишло хожу.

В молодости она считалась очень сильной женщиной. В праздники с мужиками боролась, и ее многие побаивались. И когда, убрав свой хлеб, вместе с мужем нанималась молотить к другим, ей платили, как мужику – сорок копеек в день. Они жили в Травниковской станице. Держали хозяйство, нескольких лошадей, коров, овец, не считая птицы. Обрабатывали поля, сеяли хлеб, овес и пшеницу. В страду нанимали работника. А после нее сами подрабатывали у соседей. Со временем срубили хороший дом из толстой сосны. Родили дюжину детей, из которых выжили четверо.

Но настали трагические времена. Сперва Первая мировая война, с которой муж Арины вернулся раненым. Потом – Гражданская. При отступлении адмирал Колчак снимал казаков лежащих по пути станиц и уводил с собой в Сибирь. Из нее не вернулись муж Алексей и старший сын Василий.

Отступающие белые и наступающие красные забирали со дворов лошадей, реквизировали – вместе со сбруей, телегами. И остался в некогда зажиточном хозяйстве Ильиных из тяглогового скота один хромой мерин. Да рубленый дом, удобно стоявший в центре станицы. За это и раскулачили Арину в годы лихолетья. Хотя сказывали вернувшиеся из Красноярска казаки, что Алексей Васильевич и его старший сын уже воевали за красных.

И пошла вдова, которую, правда, не выслали на Соловки, наниматься на любую работу, батрачить, ведь казачка ее не боялась. Приходилось и побираться, искать угол для ночевки. А потом зять Иван устроился на железнодорожной станции путевым

обходчиком, перевез туда свою семью, а также тещу и семью шурина Вениамина. Подальше от греха и станицы, как говорили.

3

С возвратившимися с войны фронтовиками жизнь на железнодорожной станции заметно преображалась. Постепенно, будто от зимней спячки лес, просыпался и молодец Бишкиль. Об этом потом напишет в своих книгах самый младший племянник Вениамина. Зимой сорок шестого года на станции появились незнакомые люди. В тупике уместили состав теплушек, где жили монтажники. Они жгли костры на бровке полотна, отогревали промерзшую землю, рыли котлованы под опоры контактной сети. Вскоре по перегону вытянули гусиные шеи консоли деревянных опор, поддерживая нескончаемые нити контактных проводов.

У маленького железнодорожного моста выросли здания тяговой подстанции, дистанции, куда и устроился мастерской Ильин. Преображался и поселок. Ждали подачи электричества с тяговой подстанции, чтобы зажечь долгожданные лампочки Ильича и навсегда похоронить тьмутараканский образ жизни. Не портить глаза у подслеповатых огоньков керосиновых ламп и свечей.

– Все старое уходит в прошлое вместе с царской Россией! – радовались селяне. – Советская власть заботится о людях труда. Вон и столбы для освещения тянут по улицам!

Поселок преображался на глазах. На всех улицах, то в одном, то в другом краях, потянулись к небу высокие стропила новых домов. По утрам и вечерам далеко слышно, как тюкают на стройках

изголодавшиеся по дереву топоры. Тук-тук-тук, весело перекликаются с ними плотницкие молотки. Ряд за рядом растут светлые срубы – будущее счастье бишкилян. И они откровенно радовались наступившим переменам и своему будущему.

Многие не вернулись с войны. Но те, что пришли, не хотят жить по старинке. Насмотрелись в Европе, и им теперь подавай хоромы. И вот растут по еще недавно безлюдным улицам дома, блестят тесовыми крышами на ласковом солнце.

Вениамин Ильин, признанный столяр и плотник, тоже рубил дом, на что направлял все свои средства. Навозил бревен, надрал на болотах моху, поставил у ворот здоровенные козлы. На них пилит с мужиками бревна на доски: один вверху, двое – внизу. Тянут вверх-вниз широченную продольную пилу. На глазах очки, как у трактористов или летчиков. Опилки дождем сыплются прямо на голову, лицо, за шиворот.

– Шир-шир, – звенит пила, – шир-шир.

– Наддай, наддай, Иван! – кричит хозяин на зятя.

А тот и так весь в натуге, будто струна. Рубахи на спинах пильщиков белые от соли.

– Встань на мое место да наддай, длиннобудылый черт, – беззлобно отмахивается Иван. – Себе полегче выбираешь, служивый, леший тебя возьми...

– Да тебя хоть в корень запрягай, туды ее за ногу, за троих попрешь, – улыбался Вениамин. – Наел холку-то на гражданке.

Сруб намеревался срубить сам. До темноты методично тюкал топором, аж щепки испуганными птицами отлетали во все стороны, укрывали землю желтым покрывалом. Но сроки поджимали. Пришлось не раз собирать помочь, созывать родных и

знакомых. Зять Иван приходил с сыном Сережкой, который постоянно крутился вокруг дяди-фронтовика, злостного охотника и рыболова. Учился у него и столярно-плотничьему делу. Учеником парнишка был старательным, и Вениамин поощрял его привязанность, собирался сделать из него мастера.

За одно лето поставили дом. Осенью собирали сруб, конопатили мхом, стелили пол, клали печку. Две комнаты, сенки – картинка, не дом! Справили впадины. На другое лето Ильин пошел по стройкам – мастер. Кому косяки врежет, рамы свяжет. От сруба не откажется. Казалось, жизнь в семье набирала силу. У Арины Алексеевны и Стюры рождались оптимистические надежды на будущее. Но не зря говорят, что люди полагают, а бог располагает. Сказалась фронтовая привычка, когда выдавались перед боем наркомовские сто граммов. И эта привычка батарейцу уже вошла в кровь и нервы. А тут еще шабашки подвергивались и кружили над ним неумолимыми черными воронами, от которых у мастерового не было отбоя. И эта привычка все больше требовала времени, все больше отвлекала от семьи и ее проблем.

И он все чаще приходил домой поздно и навеселе. Да еще и бутылку или солдатскую фляжку доставал. Дополнительную порцию наливал. От этого все раньше пьянел. Его крупное красивое лицо бурело, и прямой античный нос походил на красный парус. Он взмахивал руками, похожими на шуфельные лопаты. В порывах страсти бил по столу, аж трещали столешные доски. Что-то бормотал невнятное. Видно, с кем-то внутренне спорил или дрался и воевал. И громко выкрикивал:

– Батарея – 120! Артиллерия – бог войны!

В другой раз сажал с собой сына Петьку, не по годам крупного мальчишку с широко распахнутыми голубыми глазами. Тот испуганно моргал ими и взглядывался в ставшее вдруг незнакомым лицо отца, не шутит ли он, что случалось нередко?

– Есть хочу, – заявлял Петька.

– Ты же хочешь быть бойцом? – вскрикивал отец. – А бойцы днями могут без пищи. А артиллеристы только курят папиросы «Пушки». На вот, потяни, – протягивал горящую папиросу.

Мальчишка совал ее в рот, зятягивался дымом и кашлял.

– Говори: «на-аши приехали». Привыкай к испытаниям, воин. Чтобы ничего в жизни нас не могло вышибить из седла.

Мальчишка тянул до одури и кашлял. Глаза его быстро соловели. Видя такое издевательство, Стюра из горницы и мать с печки кричали:

– Что ты творишь, перестань мучить дитя!

– Цыц, мокрые курицы, пока мужики курят «Пушки»! – взмахивал он пудовым кулаком и обрушивал его на стол, будто бил им врага.

Утром поднимался нервный, помятый и молчаливый.

– Как тебе не стыдно? Сливаешься и сыновей учишь! – набрасывались мать и жена.

– Чему ты научишь их, пьянь беспробудная?

Но он, опустив чуть не до коленей голову, стойчески молчал, будто набрал в рот воды. Ругал себя молча, клял последними словами. Потом, не коснувшись завтрака, уходил на работу. И с порога бросал:

– Простите меня, дурака. Больше в рот не возьму. Завяжу.

И наивные женщины в который раз хотели

поверить, ведь им ничего больше не оставалось, хотя еще долго не замолкали.

– Заливаешь свое хайло, а дети босы, голы. Вовке в школу не в чем идти. Продукты не за что купить.

– Вон, как немецкие овчарки набросились на мужика! Для этого я воевал, рисковал жизнью и бил фашистов? – уже на улице возмущенно говорил он сам себе и быстрыми шагами, словно боялся, что его догонят, направлялся на дистанцию, чтобы не слышать брани супруги и матери.

Через многие годы племянник Володька свяжет свою жизнь с литературой и в одной из книг попробует разобраться в причине пьянства родного дяди. И придет к выводу, что в этом больше всего виновата война. И он напишет о нем.

По этому крепкому мужчине немилосердно прошлась недавняя беспощадная война. Ему постоянно снился и вспоминался один из последних боев под Берлином, когда вели наступление. Они с Митькой Плешковым, своим вторым номером, обстреливали из-за небольшого леска фашистские окопы. Сквозь редкие деревья было видно, что мины ложились точно и плотно, поднимая окопные бревна и землю бруствера, сея панику среди неприятелей-фрицев, которые при разрыве мин выскакивали из траншей и с воплями отступали, убегая на закат солнца.

– Давай-давай, ребята, поливайте их, сволочей, огоньком! – то и дело вскрикивал командир батареи.

И минометчики, забыв про оборону и распалившись в ходе боя, «давали огонька». И никто не заметил, как справа, из-за леска и небольшой возвышенности, выскочило несколько вражеских

«тигров». Стреляя на ходу, они бросились вдоль леска, норовя моментально растоптать, уничтожить минометную батарею. Не ожидавшие такого поворота минометчики поначалу даже не поняли ситуации и растерялись. Одни бросились бежать. Другие начали поворачивать стволы орудий в сторону стремительно приближающихся танков и атаковать их противопехотными минами. Но те для толстой брони были комариными укусами, и осколки отскакивали от брони, как горох.

Вениамин и Митька лихорадочно шарили рукой по поясу, надеясь найти противотанковые гранаты, дружно бросились в маленький окопчик – небольшое углубление, в спешке сделанное ими на всякий непредвиденный случай. Ведь немцы уже не наступали, а только защищались, чуя свой крах. Но тут раздался близкий разрыв снаряда, и легкими пушинками понесли по воздуху ствол, опорная плита, лафет и другие механизмы их пострадавшего орудия. Оглушило батарейцев. Перед этим они, правда, успели бросить навстречу танкам по гранате. И один из «тигров» закрутился на месте с порванной гусеницей. А другой, еще больше поднимая пыли и дыма выхлопной трубой, помчался прямо на их окопчик, намереваясь превратить его в могилу для бишкильских минометчиков.

И все моментально смешалось в кучу: пыль, земля, люди, стоны, крики. Кто-то удачно подбил второй танк и расстрелял выскочивших из него фашистов. А третьего «тигра» уничтожили бронейным снарядом стоящие неподалеку с пушками артиллеристы.

Ильина и Плешкова вытащили из кучи земли и очистили от нее товарищи. Их лица были окровавлены. Из ушей просачивались кровяные струйки.

Но они быстро пришли в сознание, хотя взгляды еще были мутными и казались потусторонними.

– Живы, казаки? Тогда налейте им фронттовую норму за храбрость! Быстрее в себя придут! – бросил на ходу комбат, направляясь к другому расчету.

С тех пор что-то в организме или характере Вениамина Алексеевича изменилось. Нет, он, старый фронттовой волк, не стал бояться войны и боев. Просто заметил изменения в своем поведении, психике. Стал более вспыльчивым, нервным. Чаще стал тянуться к рюмке и неожиданно восклицать:

– Батарея – 120! Артиллерия – бог войны!

Завел много друзей, с которыми нередко заглядывал в чайную, где «остограмливались» и «ополитривались». Шумели, вспоминали фронттовые баталии и дороги. А порой и, не сойдясь на каком-нибудь утверждении, на чьей-то личной правде, начинали махать кулаками, а то и били друг друга физиономии. Вениамин, хотя был крупным мужчиной и мог сбить увесистым кулаком любого, обычно никого не бил, а махал для испуга. Он слыл недрачливым, но задиристым, шумливым и харাপужным. Ему и попадало чаще других.

Приходил домой с синяками и поцарапанной физиономией. Приставал к детям, чаще к старшему, Вовке. Доставал принесенную бутылку, садился за стол и сажал рядом сына, закуривая и пьяно спрашивая:

– Ты чо будешь – ужинать или курить со мной «Пушки»?

– «Пушки», – согласно отвечал мальчишка, подражая отцу. И тот протягивал ему зажженную папиросу. – Артиллеристы должны курить «Пуш-

ки».

Вскоре у сына начинала кружиться голова, слезились глаза, и Настасья не выдерживала, начинала шуметь:

– Чо ты пристал к мальчишке? Он уже позеленел от твоего курева!

– Пусть учится, мужик ведь! – не соглашался супруг. – Давай-ка выпьем с тобой, Стюрик, моя верная Настя, кто в глаза тебе настял? Ты же – семья репатриированных.

– Да вот, отец сказал на Сталина, что он усатый бес, его и упрятали за непочтение рыть канал! Спасибо тебе, Веник, что ты не отказался от меня, не испугался преследований. А то бы что со мной стало?

Потом он доставал гармошку, громко играл и пел:

Ты, моя супруга Стюра,
Не калека и не дура.
Но стреножила меня,
Как казачьего коня.

И жена, тоже выпив рюмку – другую, отвечала ему сулыбкой:

Муженёк мой – дылда Веник –
Много дури – мало денег.
Но не водится с тоской,
Когда трезвый, то баской...

Но гулянки гулянками, а семью надо было кормить. И он старался не упустить возможностей заработать, сходить на рыбалку и охоту. Верный пес Жан ждал этого момента с нетерпением. И в

этот раз он почуял нутром, только увидел лицо хозяина, услышал запах ружейного масла.

Ружья уже стояли в сенцах, чтобы не пахли домом, людьми. И никакие силы и приступы голода не заставляли пса покинуть крыльцо и прозевать самую счастливую минуту в жизни – выход на охоту.

О нем не особо заботились, ведь волка ноги кормят, а Жан был тоже кобелем рослым, сильным и, как всегда, голодным. Конечно, что-либо перехватить мог достать, выйдя со двора. Заглянуть в соседскую ограду и спереть, что плохо лежит, отобрать мосол у пугливой шавки, завернуть на станционные пути, где после пассажирских поездов всегда чем-нибудь поживишься. Но уж так приучил себя пес, что в последнюю перед охотой ночь, кормил ли накануне хозяин, нет ли, не отлучался из дому.

Нет, он не боялся острых вил, кинутых вдогонку, грохота поездов, деревенских собак, голодных и сердитых – с ними он разберется и рассчитается после охоты. И все-таки не хотел рисковать, ведь завтра не какая-то там прогулка на рябчиков, а предстоит норная работа – самая тяжелая и опасная из всех, чему он научен. А научен многому, универсал.

Он дремал и во сне видел сетку с мясом, которую спер зимой из сеней деда Курепки. Оно было стылым, но пахло заманчиво. Кусок ладный попался, и пес предвкушал королевский обед. Но не успел он нырнуть в свою подворотню, как попался на глаза хозяину, нюх у которого был не хуже собачьего. Тот и отнял добычу, мол, тебе мясо вредно. На другой день из их дома пахло вкусно. Улыбались радостно дети, Настасья и мать Вениа-

мина. А Жана впустили в куть, и он валялся у самого очага, позволял играть с собой ребятишкам.

Пес повизгивал от удовольствия и – проснулся. Из-за двери доносились шаги и голоса. Скоро в путь, догадался он, решив стряхнуть с себя последние тени сна.

Загремел засов, вышел хозяин, лениво зевнул, поглядел на звезды, сходил за сарай. Вывел старый скрипучий велосипед, пощупал шины.

– Ну, как, Жан, добудем барина-барсука? Жирто нынче до тыщи рублей. От легочников отбоя нет. Лучшее лекарство тубикам.

И кобель понял, что предстоит здорово поработать. Повизгивал и мел хвостом, хотел встать на задние лапы и лизнуть человека в лицо. Но тот отстранил его, зашел в сени и, открыв дверь в избу, крикнул:

– Сережка, шевелись, едрена за ногу!

Жан бежал сбоку и немного впереди хозяина, уступая тому наезженную колею. Утро радовало его, хотя сентябрь уже кончался, шелестел отмирающими листьями берез, клочками соломы у дороги, оброченной с конных возов. От мельничного пруда несло туманом. Тут, на старых плесах, приходилось часто лучить рыбу. Попадались хорошие щурята, лини, но особенно плеса славились крупными карасями, желтыми, с золотым отливом. Жирными. Жан смиренно сидел в лодке, наблюдая за каждым движением рыбаков, особенно хозяина, ведь он в любом промысле был главным. Упаси бог кому-нибудь невзначай громко всплеснуть веслом, чихнуть и вспугнуть наживу – в гневе выкинет за борт родного сына. И пес, хоть наступи на хвост, молчал, словно рыба. И наблюдал, как на очередную жертву обрушивалась острая и беспощадная

острога.

Иногда, если у рыбаков была водка, кто-то один оставался на берегу, разводил костер, чистил рыбу. Она варилась в прихваченном из дому ведре. Над ведром клубился пар, в низине, до самых горелых камышей, разносился ароматный запах ухи, приятно щекочущий в носу. К рассвету, когда солнце еще за лесом выползло на мельничную гору, рыбаки приставали к берегу. Недалеко от огня сваливали в траву рыбу, выливали из сапог воду, выкручивали портянки. Их ноздри раздувались от исходящего из ведра запаха, отдающего лаврушкой и красным перцем, от чистого, сдобренного туманом, утреннего воздуха, от предчувствия выпивки. Тут же делили рыбу. Разбрасывали по ровным кучкам, сажали к ним спиной Сережку и спрашивали, показывая пальцем на одну из кучек:

– Это кому?

– Дяде Андрею, – говорил мальчишка.

– А это кому?

– Семену Семенычу.

– А это кому? – спросил однажды делящий, взяв себя за ширинку грязных после плеса подштанников.

– Дяде моему! – без сомнения ответил племянник Вениамина.

– Ах, ты, мерзавец! Для этого я тебя натаскиваю на охоту и рыбалку? – вскочил рассерженный Ильин и дал Сережке подзатыльник, аж тот свалился набок.

Потом, успокоившись, Венка откручивал пробку баклашки, отработанным на фронте приемом, не глядя, наливал ровную дозу в алюминиевую кружку, первым произносил:

– Суловом, ребята!

И опрокидывал кружку, будто выливал не в рот, а выплескивал за ухо. Потом доставал самую большую рыбину, студил и отдавал Жану.

Да, это были времена! Счастливая послевоенная юность. Время, когда псу отдавался последний кусок, и он не шакалил по улицам.

– Еще бы полазить, Вена, – говорил кто-нибудь азартно, – рыбы хоть пруд пруди. Может, завтра....

– Баста, ребята, надо и на развод оставить.

Это звучало законом. Долго сюда не придут мужики, да и других плесов немало, а у Венки собачий нюх: коль возьмет, вернешься с уловом.

Было дело. От воспоминаний Жан облизнулся. То ли прошли старые добрые времена, то ли на Венку напал недуг, только чаще он стал задерживаться у хмельного ларька, реже брать острогу, ружье, плести морды по вечерам, улыбаться и играть с детьми.

На небольшой плотине, забывшись, Жан подвернул под самое колесо, и хозяин крикнул сердито:

– Куда лезешь, шалавый!

Пес слегка обиделся, приотстал.

А вот тут, на мельничной горе, они часто травили по белотропу зайцев. Он быстро брал след, старался зайти с внешней стороны круга, чтобы короче получился гон, чтобы быстрее услышать глухие хлопки двустволки. А вечером, нализавшись из тазика заячьей крови, наевшись требухи, он лежал у порога. Разрешая хозяйским мальчикам целовать себя в нос и садиться верхом...

С мельничной горы покатили веселее, и Жан помчался галопом. Впереди гремел хозяин на своем допотопном скрипучем велосипеде, выменянном у соседа за новые косяки. Его длинные

ноги беспрестанно мелькали в темноте, выпрыгивая коленями выше руля. Сережка несся сзади, не лез, как говорится, поперек батьки, стараясь не отстать от горячего дядьки. Не дай бог разгневать – век не возьмет на охоту. Лопаты и кирка, привязанные к раме, то и дело громыхали на кочках. Длинная тульская одностволка образца двадцатых годов, купленная когда-то у Вениамина, подпрыгивала, больно ударяла по позвоночнику. Норовила ушибить прикладом холку. Но разве это испугает истинного молодого охотника, душа которого трепетала от радости предстоящей охоты, словно поющий щегол! А дорога уже пошла в гору, вновь метнулась вниз, запетляла между холмов, пока не выскочила на равнину и не потянулась вдоль поля, примкнувшего к недалекому лесу.

Километров десять отмахали охотники, пока не спешились у кривой осины, одиноко стоящей в березняке. Из-за леса уже показался край солнца. Охотники отвязали лопаты, кирку, повесили на сучок походную сумку с харчами, собранными Сережкиной матерью. Направились к небольшому холму. Место удачное, вокруг деревья, разнотравье. По ту сторону – небольшое болотце, где даже в жаркое лето между кудлатых кочек пряталась вода. В лесу гнездились птицы. На таких же холмах селились суслики, били подземные туннели работяги кроты. И это Жан уловил не только чутьем, но и связанным с годами опытом. Его мышцы, как у испытанного спортсмена, слегка напряглись, походка стала мягче. Он весь подобрался, будто вот-вот грянет стартовый выстрел. Пес непроизвольно подался вперед, но хозяин тихо и сердито прикрикнул:

– Стоять!..

Длинный, похудевший в последнее время, одетый в солдатские галифе, он осторожно переставлял ноги, плотно стянутые по щиколоткам обмотками. Его старые разбитые ботинки касались травы бесшумно, будто вели к передовой линии врага. Им тоже управлял охотничий инстинкт, и Вениамин чем-то напоминал натренированную легавую собаку. Хотя большой азарт еще дремал, но глаз стал зорче, проникновенней. Сверхчеловеческий слух улавливал каждый лесной шорох, звук, словно от этого зависело что-то жизненно важное.

Пес почти не обиделся. Обиды на потом. Сейчас только работа. Он усердно ткнулся носом в одну нору, другую. Раздувая ноздри и отчихиваясь, ловил кисловатый запах мха, сухой нынешней травы, листьев. От нор разбежались многочисленные тропинки, видно, барсук готовился к зиме, усиленно жировал и бегал на поиски корма. Нор оказалось четыре, но Жану больше понравилась западная, еще не забитая для спячки. И он пустил в ход широкие палевые лапы, отбрасывая далеко назад струи рыхлой земли. Сливаясь с ней своей черной спиной.

Сережка камнями, пнями забивал остальные выходы, а дядька уже взялся за лопату, налегал со всей силой, широким взмахом отбрасывая пласты. Жан, как часовой, сидел тут же, готовый в любую минуту кинуться вперед, навстречу ощеренной пасти и железным барсучьим клыкам, чьи следы навечно остаются на теле, а раны болят и долго не заживают. За это их ненавидел и безжалостно рвал сам, хотя помнил случаи, когда кое-как добирался до дому, неделями лежал пластом с ободраным до мяса загривком. Охота на барсуков стала для него

незатухающей местию.

Пес поглощен одним, и сейчас его глаза с желтыми фонариками глазниц смотрели туда, в темный раструб галерей и тупичков, где, полон злобы, притаился враг, чей топленный жир стоил до тысячи рублей за кило, больше месячной зарплаты, приносил деньги и радость охотнику.

Пес еще не видел его, но всем собачьим сердцем жаждал с ним встречи. Это из-за него негодует хозяин, из-за него Жан не пошел на вечерний промысел и остался голодным. Но скоро часть его внутренностей достанется верному другу хозяина.

– У меня не уйдешь, шалавый! – сквозь зубы цедил Вениамин. – Хорошо бы застучать пару. Сало возьмут с руками, а из мяса – махан. И Стюрке какая радость!

Барсучий городок был небольшим, и все же охотники проработали несколько часов, вырыв длинную траншею. Но нора уходила все глубже и глубже. У Сержки, когда взмахивал кайлом, виднелась лишь голова. Но он все махал и махал, хотя удары со временем становились редкими и несильными. Было тесно. Ход уже походил на окопный лаз, вырытый в спешке. И вдруг послышалось короткое рычание, щелчок челюстей, и кайло вмиг вырвалось из рук паренька, скользнуло в нору, чуть не затащив обессилевшего Сержку.

– У, квашня! – выругался дядька. А давно беспокойный Жан чуть присел на лапах, готовый к прыжку. Грубая шерсть на загривке поднялась дыбом, что густой ельник.

– Сидеть! – осадил хозяин.

Пес недовольно ворчал, а племянник замер наверху, нацелив в нору ружье.

– Убери эту дуру, едрена за ногу! Еще хлопнешь

по моим костылям.

Вениамин потянул за конец торчащей рукоятки, но она не давалась. Тогда взял лопату, стал шире обкапывать «котел». Кайло все больше выступало наружу, а он, поддавшись азарту, копал и бросал, не отводя глаз от белой рукояти. Со стороны казалось, будто он не к зверю подбирается, а просто, как бывалый землекоп, предчувствуя хороший заработок, вошел в раж и трудовой ритм. Наконец он отставил лопату, с силой дернул кайло и, чертыхнувшись, кинулся вдоль траншеи.

Барсук выскочил вместе с кайлом, бросился за человеком, полоснул клыком по тонкой ноге: серый, по морде, узкому лбу тянулись белые полосы, за ушами чем-то смахивающие на лысину. Шерсть с белой проседью на спине темнела и блестела. И струхнул бывалый вояка, пожалел, что отогнал племяша.

Жан метнулся стрелой, набросился со всего маху, вонзив зубы в жирный загривок, посадил зверя на зад. Вениамина резко дернуло за ногу, он упал, перевернулся на спину, дрыгая ногами.

А барсук уже вскочил на лапы, кинулся в сторону, но грянул выстрел, ударив его в белый лоб, опрокинув навзничь, а псиные сильные челюсти смертельной хваткой сдавили горло.

Ильин схватил кайло, бросился на помощь собаке, запутавшись в размотавшейся от укуса обмотке, снова свалился, матюгнувшись, вскочил, но быстро понял, что дело сделано и что старая солдатская обмотка спасла его ногу. Он для остротки ткнул добычу кайлом, потом отогнал пса и вылез наверх.

Уставшие, они присели возле велосипедов, стали медленно жевать черствый хлеб, запивая из

фляжки молоком. Половину харчей довольный удачной охотой Вениамин бросил собаке, которая преданным взглядом поблагодарила хозяина и принялась за еду.

– Умница, едрёна за ногу, – грубо ласкал он Жана.

А тот, забыв про голод, полз к нему на брюхе и мел по траве хвостом. Сегодня его не пустили первого в нору, и он вернется домой без шрамов. Первый удар принял на себя хозяин, но барсук не сумел тронуть его, лишь схватил за обмотку. Пес был на страже, пес выполнил свое собачье дело и благодарен хозяину за хлеб, ласку, удачную охоту. Нынешним вечером в их дом вернутся радость, смех, на кухне запахнет вареным мясом, барсучье сало перетопят на жир, который тут же возьмет легочник Федор с нижней улицы. Перепадет мясного и Жану – отбросы найдутся, хотя самое главное будет у киоска, когда пьяный Венка разрешит ему положить лапы на свои плечи, и они станут почти одинакового роста, долго будут обниматься, а ночью пес обойдет свои владения, гордый после удачной охоты, приструнит зарвавшихся деревенских собачонок, а спать будет непременно в доме.

И только один из всех останется в смятении от охоты – Серезжка. И не оттого, что не получит добычи и не увидит пользы, ведь он сам, за так, напрашивался у дядьки целый вчерашний день. Конечно, самому завалить пудового зверя – отрадно, чему не только мальчишки, но и бывалые охотники позавидуют, посмотрят с завистью на парнишку. Но в чреве зверя того окажутся четыре маленьких комочка будущей жизни. А дядя Вена когда-то был самым справедливым охотником.

4

Осень только начиналась, и день был полетному теплым. Рыжее солнце привычно плыло своим накатанным за многие годы путем, уверенно двигалось в сторону железнодорожной казармы. Просвечивая сквозь тополиные ветки защитной около путей лесополосы, осыпало землю светло-желтой рябью, и она напоминала Вениамину рябые перепелиные яйца. Этим вечером он собирался на перепелиную охоту. Пробежаться по полям возле мельничного пруда. Заскочить на спрятавшиеся за высокими камышами плёса, где часто прячутся дикие утки и даже гуси: крупные мясистые шипуны по несколько килограммов весом. Такой дичи хватит не на одно варево их немалой семье, чему Настасья и мать будут довольны. И с надеждой подумал: «Бог даст день – бог даст пищу». И бог нередко давал ему.

Плотник тешил себя надеждой на удачную охоту и привычно выполнял работу. А она в этот раз была заковыристой. Его заставили делать длинные лестницы к лейтеру – такому высокому приспособлению на маленьких колесах, наверху которого устраивается квадратная люлька, с которой электрики работают с контактной сетью. Оно передвигается по рельсам, и его толкают другие электрики «пердячим паром», как называл этот немеханизированный процесс бывалый батарец, сотни раз таскавший и толкавший на фронте разнокалиберные минометы.

– На хрена козе баян, когда два лейтера на ходу? На запас? – недовольно ворчал Вениамин, получив задание начальника дистанции. – С ними проша-рашишься целый день. А он стал заметно короче.

Так и на охоту времени не останется...

У красивого скворечника, когда-то в свободные часы с желанием сколоченного Вениамином и висевшего на ближнем дереве, завозились скворцы, и он, любитель слушать их пение, на секунду отвлёкся. Потом вспомнил о племяннике, освоившем профессию контактника, с теплом промолвил:

– Ла-адно. Наше дело топорное, топором тюкать да рубанком грюкать. А на новом лейтере, может быть, и Сережка будет лазить, как мартышка по веткам.

Кое-как дождался конца работы. Примчался со смены, сунул кусок хлеба в рот. И, жуя на ходу, снял со стены висящую над кроватью двустволку, надел патронташ, вещмешок.

– Я на охоту! – крикнул домашним и поспешил во двор.

Только успел распахнуть малые воротца, как из закутка выскочил большой и проворный поросенок. Догнал хозяина в узких воротцах, хотел проскочить между длинных ног, но сбил его и посадил себе на спину.

– Стой, мать твою перетак! – испуганно завопил бывший минометчик, крепко, по-кавалерийски обвив его тело ногами и одной рукой хватаясь за ухо, чтобы не загреметь на землю и не разбиться, другой крепко держа ружье, чтобы не уронить.

Но Васька, как звали поросенка, разогретый бегом, плохо понимал команду Вениамина. Только набирал ход, недовольно хрюкал и визжал, как резаный, словно подавал тревожный сигнал случайным прохожим. Выбежав на ближайшую полянку, он чуть не стоптал подслеповатую старуху Курепиху, несущую на коромысле ведра.

– Свят, свят, свят! Век прожила, такого не видала, чтобы немцы на свиньях с ружьями ездили! – заполошно шамкала она беззубым ртом, осеняя крестным знамением сидящего на поросенке в немецком кителе соседа.

Ведро свалились вместе с нею и облили ее холодной колодезной водой. Но она в коварном испуге не замечала этого. Только причитала вслед:

– То ли немец, то ли нечистая сила на рысаке! Наказание-то какое...

А «рысак», уронив старуху и крутнувшись возле нее, понесся к узкому переулку, продравшемуся между соседскими огородами Кузиковых и Осинцевых.

– Ширина переулка не больше метра, – думалось Ильину. – Угваздает он меня, как фашистская мина, и всю харю обдерет, что родная Стюрка не признает. Вон как плетень-то ощерился, словно злой ёж. Да я тебя, вражья пропастина, как Ганса, пристрелю!

Впопыхах он хотел направить в голову поросенка двустволку, но она билась стволом о ветки плетня и не хотела подчиняться. Наконец нечаянно выстрелила, окатив бекасиной дробью затрепавший плетень. И Васька с испугу поддал еще резвее.

Рядом с переулком оказался соседский мальчишка Ванька Кузиков. Он считался больным на голову, часто не замечал и не вытирал зеленых соплей, которые доставали до верхней губы. Увидев непривычную картину, мальчишка до смерти перепугался и бросился наутек. Мигом перевалился через поперечину ворот и завопил не своим голосом:

– Ма-ама, тя-атя! Фрицы скачут на свиньях! Всех

стреляют из винтовки...

– Где? – выскочил отец-тракторист и на всякий случай побежал в сарай за длинными вилами.

– Во-он у н-нашего п-пер-реулка, – заикаясь, показывал пальцем Ванька, и крупные слезы лились по его испуганному лицу.

Увидев Ваньку, поросенок понесся в левую сторону улицы, к железнодорожной лавке, распугивая бродячих кур, гусей и редких прохожих, которые тоже изрядно перепугались. Заскочили в помещение магазина и на засов закрыли за собой двери.

– Господи, спаси и помилуй! – закрестились старухи. – Нечистая сила налетела. Армагеддон пришел.

– Да это немцы прорвались, что в аджатаровском лесе прятались. Десант! – утверждали другие.

– Десант-то на танках да эропланах летат. А эти на свиньях.

– Все танки у них наши побили, маршал Жуков. Они и прикатили на свиньях, прости нас, Господи.

– Какие немцы? Сами вы пугливые немцы! Это Венка-бандарь на своем хряке рассекает! – утверждали третьи. – За сороковкой или поллитровкой в магазин поскакал. Да сбросил его рысак и ружье поломал.

– Вот, дьявол его драл, чо-нибудь да набедокурит. Беда с ним Настасье. Какой до фронта был скромный, видный, работающий. Война всю судьбу и душу его перепоганила. А кто деток-то поднимет? Трех настрогал бедный столяр.

– Но, – поддерживали говорившего. – Настрогал. Дурное дело нехитрое. А теперь-то что станется с ними?

Перемывали косточки лихому наезднику и

потомственному казаку. Только недолго он верхом скакал. Резко прыгнул в сторону его ретивый конь, и грохнулся батареец со всего маху на твердую землю, давно не видевшую дождя. Поднял облако горячей пыли. И пока столяр-бондарь поднимался и ощупывал ушибленные места, поросенок дунул в обратную сторону и исчез в переулке.

Колени, локти, бока Вениамина, само собой, были содраны и ныли от боли. А к лицу лучше не прикасаться, будто наждачкой прошлись. Посмотрел он на свое отражение в воде стоящей у колодца колоды и не узнал себя, дорогого. Из колоды зло смотрел на него не человек, а какое-то взлохмаченное чудовище. И ему так стало горько и больно, хоть утопись в этом колодце.

– Вон, какую войну выдержал, а тут чуть не погиб! – со слезами на глазах вымолвил фронтовик. – Свинячья смерть была бы. Курам на смех! Ни в дугу, ни в Красную Армию! Чо людям-то скажу? Засмеют. Да еще и приклад двустволки придется новый делать....

Оглядевшись и увидев недалеко селян, он быстро подобрал ружье и юркнул в переулок. Войдя во двор, заглянул в Васькин загон. Думал, убежал поросенок. Но тот стоял, как ни в чем не бывало, будто смеялся над хозяином. И чавкал, уничтожал в корыте пойло. И такая обида накатила на мужика, что он захотел разделаться с виновником за всю эту свинячью историю, за весь свинский позор, в который его вверг перед всей станцией родной поросенок.

Вгорячах он схватился за ружье, но у него был сломан приклад, да и заряжено оно было бекасиной дробью. Тогда вдруг вспомнил про топор, побежал к верстаку, где лежал инструмент. Но и

там не нашлось топора. Тогда направился под навес, где кололи дрова и хранился колун. Схватив его и повертев в руках, мол, тупым колуном едва ли зарубишь, только по башке дашь, направился к Васькиному загону. И аж вздрогнул, увидев у его дверей всю свою семью. Они выстроились, как неприступный забор, который ему уже не преодолеть. Во главе стояла испуганная и растрепанная Стюра в старых галошах на босу ногу. Рядом – мать в цветочном и дырявом фартуке. За ней босоногие дети – Володька в одних трусах, Витька с перевязанной ниже колена ногой и Колька, самый младший, которого отец с любовью дразнил конопатым, а тот соглашался и говорил: «Апатый». Милые дети...

Он обвел их взглядом: жену, мать, сыновей, и увидел, что они на ногах стоят крепко и неприступно. Лица напряженные, заискивающие, даже злые, готовые постоять за живность, которая зимой будет подана к столу, и дать отпор. И ему, бывшему фронтовику, их не одолеть.

С ободранными руками, страшным лицом, потерянным взглядом, он мало походил на родного человека, отца, мужа, сына. И казался им неизвестным, чужим, преступным. И вдруг на весь двор разнослись его громкие рыдания и плохо различные гоголевские слова:

– Это с-сила п-поб-бед-дила с-силу...

5

Жизнь в семье Ильиных шла своим чередом. Вениамин Алексеевич по-прежнему работал на дистанции контактной сети. А в свободное время, как и многие столяры и плотники, прирабатывал

ножовкой, рубанком, стамеской. В канун Крещения отдал Богу душу сосед Курепов.

– Вена, ради Христа сделай деду домовину, – пришла со слезами Курепиха. – Доски у нас есть в сарае, специально для этого готовили. Пойди и выбери, какие надо.

– Какой разговор! Сделаю, как картинку. Пойдем смотреть доски.

Сняв мерку с покойного и притащив на себе несколько плах, благо, Курепка жил недалеко, через поляну, он тут же принялся их пилить, строгать, сколачивать заготовки. Работа кипела, и к обеду гроб был готов.

– Покрасить бы чем-то надо, – размышлял мастер. – Некрашенный-то больно нехорошо.

Нашел в подполе банку старой красной краски. Старикан-то, хотя вредным был, но за красных воевал в Гражданскую. Как раз ему подойдет.

Но сколько ей надо сохнуть, столяр не знал. Тем более, что на дворе зима, крещенский мороз. До весны не высохнет. Добавил в нее чего-то вонючего, типа растворителя, чтобы быстрее высохла. Гроб затащил на кухню. Поставил возле самой печки, чтобы быстрее высох. Заставил женщин лучше ее кочегарить. Но пришел вечер, затем наступил день, а краска все не сохла. Курепиха уж не раз присылала гонца.

– Гроб-то когда будет готов? – как дятел, долбил тот.

– Гроб-то готов, загляденье, а не гроб. Так бы и сам в нем полежал да отдохнул от этой бешеной жизни, – расхваливал свой товар мастер, и ни один мускул не дрогнул на его лице. – Да краска не сохнет, – бессильно разводил он руками.

– Наряжать надо покойника, а домовины нет.

– Не я же, туды ее за ногу, заставил его сподобиться в такой лютый мороз. Жил бы да жил себе, припеваючи, чего не жилось? И так всех домашних перепугал, шарахаются они со слезами, обходя гробину. Всю кухню загородил. Хотел, как лучше, а получилось хуже. И гроб такой же вредный оказался, как был сам Курепка...

На третий день кое-как он подсох, хотя еще пачкал руки. Но Вениамин догадался вытащить его на мороз, чтобы краску слегка подморозило. Да и хозяева больше не соглашались ждать. Замечали недовольно:

– Там могилу кое-как вырыли, костры разжигали, чтоб землю отогреть. Теперь выброшенная земля застынет, и ее не возьмешь лопатой...

Кое-как отвязался от заказчиков, и Курепку с грехом пополам положили в гроб и схоронили. Даже помянули с белым вином.

Как-то Вениамин притопал домой подшофе. Но настроение было поганым. Что-то ему не нравилось. И покупатели в ларьке, и прохожие на улице, и свои домочадцы. Думал-думал он, искал причину недовольства и, наконец, пришел к выводу:

– Это от недопития.

Выходил во двор. Заглядывал в сарай, амбар, огород, видать, искал заначку, но покоя не находил и не мог остановиться. Потом обратился к супруге:

– Стюра, дай на сто грамм. Душа болит.

– Не болит, а горит. Откуда у меня деньги? Вчера ты поддатый пришел, позавчера...

– Венка, сколько можно, язви тебя? – поддержала сноху свекровь.

– Сколько нужно, столько и можно! – рявкнул он. Лицо его стало недовольным, порозовело. Глаза остекленели, словно перед боем. Он быстро

выходил из себя. – Ладно, коли так. Не дадите – шут с вами. Пусть погибнет Венка-бондарь без похмелки.

Он выскочил во двор, взял лом и полез на крышу. Стал отрывать им доски крыши и скидывать в ограду. Они беспорядочно падали, загромождали проход.

– Что ты делаешь, не надо! – кричали ему снизу.

– Не дури, Венка, а то залезу и сброшу тебя к чертовой матери вместе с досками! – пугал прибежавший на шум сосед Иван Худяков. И даже пригрозил ему костью.

– Боялись мы вас, пехтуру, – со смехом отвечал плотник.

– Не надо, дядя Вена! – просил и заглянувший к ним племянник Володька, когда-то сильно любивший и уважавший дядю-фронтвика. Но все было бесполезно.

Не выдержав пытки, Настасья со слезами на глазах вынесла две трешницы.

– На вот шесть целковых, подавись.

– Спасибо, мать, уважила аж на полтораста грамм...

Взяв деньги, он скрылся за воротами, и его голова поплыла выше плетня соседнего переулка. А на другой день, проснувшись чуть свет, он быстро скидал доски на чердак и приколотил на место, ругая себя последними словами. И даже немного порадовался, что не было дождя. Приколотил так, как будто они и не отрывались.

А однажды Вениамин находился под хорошим газом и оставил возле железнодорожного магазина гармошку.

– Где гармозель? – не успев утром протрять глаза, хватился он.

– Без нее ты явился, – невесело сообщила Настасья, предчувствуя неладное. – Все никак не напьешься. Разве все вино выпьешь?

Побежал в магазин, спросил впопыхах:

– Дуся, гармошку мою не видела?

– На крыльце ты ее бросил. Там спекулянтка Сонька все вертелась. Наверно, она и стибрила.

Далеко выкидывая длинные ноги, побежал на всех парусах в дом, где квартировала Сонька со своей косоглазой дочкой Стешкой. Она нигде не работала, спекулировала одеждой на городском рынке, торговала картошкой, мясом, выпрошенными у селян, водкой, которая в войну бешено подсакивала в цене, а после войны была свободно в магазинах и стоила двадцать рублей пол-литра.

– С первой электричкой уехала на базар, – сообщила ему хозяйка квартиры.

– А чо продавать собралась? – не выдержал Вениамин.

– Гармошку какую-то, што ли, – неуверенно ответила женщина. – Да мне это надо?

– Ах, мать твою за ногу! Мою родную гармозель умыкнула, лярва биргильдинская. Да я ее, суку спекулянтскую, на первом столбе повешу вместе с косоглазой крапивницей...

И участковый узнал, и завел дело. И вскоре состоялся суд, который признал Соньку виновной и присудил ей выплачивать за хищение музыкального инструмента деньги. У Соньки, конечно, таких денег не нашлось. И срок выплаты определили в полгода.

– Когда она отдаст! – сокрушался Ильин. -- У нее тут ни кола, ни двора. Она в любую минуту снимется с места и скроется. Тогда ищи ветра в поле. Наверно, Стюра, надо их с дочкой взять к нам

на постой, чтобы не смотались куда.

И взяли на квартиру. Спать клали на пол, больше некуда. Видели бедность квартирантов. И когда у них совсем было нечего есть, кормили своим обедом.

– Бит небитого везет, как в той сказке! – с сарказмом заявляла Настасья. Но стойчески терпела постояльцев-жуликов, которые, похоже, не собирались и с квартиры съезжать, где им не давали умереть с голоду. – Такой ты простодырый, что не только долг тебе не отдают, но еще и на твои харчи живут.

– А ты больно умная, вошкарка, – понурился виноватую голову, отмахивался супруг.

А дети их незаметно подрастали. Хорошие дети. Примерно учились в школе. Володька считался хорошистом. Усиленно занимался спортом. Бегал на длинные и короткие дистанции, прыгал через натянутую в огородных воротцах веревку. Участвовал в школьных соревнованиях и побеждал. А после окончания седьмого класса поступил в Челябинское железнодорожное училище № 2 на слесаря-паровозника. Он был высоким, в отца, и крепким парнем. И когда пьяный Вениамин начинал хорохориться и шуметь, уже мог его успокоить. А если надо, и скрутить, положить спать в сарае, чтобы не храпел и не буровил пьяную окоlesiцу, рядом со старым мотоциклом «Харлей», когда-то выменянным у знакомого стрелочника. Этот мощный мотоцикл без коляски долгие годы стоял и ржавел в сарае, так ни разу и не заведенный.

Племянник Володька часто приходил к Ильиным. Слушал с упоением рассказы бывалого фронтовика. А позже, когда станет писателем,

напишет о нем в книге. Вспомнит военные рассказы и изложит их в своей рукописи.

– Нас с Митрием мобилизовали не вместе. Его призвали позже. Это я с ним встретился после второго ранения и возвращения из госпиталя. Меня, бывшего пулеметчика, перековали в минометчика 120-миллиметровой минометной батареи. А потом и его к нам прислали, земляка моего. А земляк на фронте – ближе родни на гражданке. С ним делятся последним куском и бушлатом, как и он с тобой. Вытащит тебя, раненого, с поля боя, и ты его не бросишь, ведь он – земля. И последний глоток из фляжки отдашь. Однажды он угодил в болото. А уже зима начиналась, ледок. Перемерз весь, трясет его. Да и другие ребята не лучше. Отогреться надо, а негде. Ни спирта, ни водки ни у кого. И тут в одном дворе попался погребок. Поместье, дом сгорели, а погребок целехонек. Заскочили мы в него, а там бочки с вином, бутылки со шнапсом.

– Не отравлены? – подал голос Сережка Овчинников, заглядывающий дядюшке в рот и ждущий каждого его слова.

– Вот и мы боялись, может, гансы траванули, чтобы замерзающие русские окоchuрились. Стоим, мнемся на месте. А люди в ледяном болоте побывали, до костей промерзли. Ну, кому-то же надо продегустировать. Пришлось рисковать старшему.

– Я никому не должен, ребята? – спрашиваю.

– Никому, товарищ старшой, – отвечают.

– Тогда, Господи, благослови. И вы простите, ежели кого обидел...

И утянул кружицу. И ничего вроде, только тепло по жилам стало спускаться все ниже и ниже. До самых пяток дошло и обратно вверх устремилось, едри его за ногу!

– Ну, как, разведчик, не отравлено? – спрашивают.

– Да не понял, -- пожимаю я плечами. – Сорокните еще в кружицу.

– Не-ет уж, дудки! Пусть тебе жеребец сорокнет! Нам тоже сладенького хоцца. Плесни-ка в баклажку.

– И никто не отравился? – вновь спросил Сережка.

– Даже никтошеньки. Быстро согрелись, и ни один даже не заболел, не простыл. Как-то на фронте простуда легче переносилась. В сорокаградусные морозы неделями лежали в снегу. И ничего. Видно, сам Господь помогал, и организм чувал, что нельзя бойцу заболеть. Иначе хана. И воевать будет некому.

Увлеченно рассказывая, Ильин время от времени доставал пачку своих любимых папирос «Пушки», разминал, прикуривал и, видя, что его слушают с интересом, продолжал и, видно, немного приукрашивал для солидности и правдивости. На то они и байки солдатские, чтобы приукрасить и все сделать гладким.

– Конечно, война нас избаловала выпивкой. Боевые сто грамм не только делали доброе дело, придавали смелости, снимали усталость, помогали от простуды, но и приучали к этому зелью. Не каждый человек рождается смелым да боевым. Многие боятся идти в бой. Другие, особенно молодые, даже кричат порой, зовут маму. А выпьет человек спиртяшки или на худой конец «диночки» – денатурата, и море ему по колено. Сколько из-за него, проклятого, погибло народу! А вот был в Польше случай. Взяли мы местечко рядом с немецким аэродромом. Одна полячка пригласила

нас отужинать и налила что-то в рюмки.

– Прошу, паны, – подняла она рюмку.

– А что это, пани?- поинтересовался я.

– Самолетное палево. По-вашему, топливо.

– Авиационный бензин, что ли?- всполошились мы с перепугу.

– Нема, паны. Спирт такой, 125 градусов крепки.

У нас децок малых им от простуды поят. И то нечѐ.

Она подняла стопку и спокойно опрокинула. И тут уж мы разве могли ударить в грязь лицом перед какой-то пшечкой? Мы же – батарея – 120. Артиллерия – Бог войны! А перед Богом кто может устоять?

После войны в доме снова играла гармошка. С душой и громко пелись «Катюша» и другие военные песни. И неслись в ночную улицу слова:

– Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...

Их слышали соседи и завидовали счастью Ильиных. У них сын вернулся с фронта. Радость. Им здорово повезло.

Но вскоре это придуманное счастье стало блекнуть. И Володька догадывался, что причиной была война, которая не только дядю Вену, но и тысячи других научила, а точнее заставила пить спиртное и изломала судьбу многим семьям.

Иногда Ильин-старший приходил к сестре. Садился на приколоченную в углу лавку, загородив выход племяннику Володьке.

– Лѐля, займи денег. С получки отдам.

– Да нету у нас, – отказывала сестра, зная, что брату не хватает на бутылку.

– У вас, и вдруг нету? Добра-то напрятал Иван. А к нам в Травники пришел босяк босяком. Его

старая мерлушковая шапка до сих пор, небось, лежит на нашем чердаке!

– Да как тебе не стыдно, Вена! – пыталась образумить его сестра. – Он тебе помог стать столярным мастером, а ты его хаешь на всех перекрестках.

– А я прошу занять денег! Всего-то червонец, мать ее за ногу! – кричал он и с силой бил кулаком по столу, аж трещали доски. А маленький Володька с перепугу не знал, куда деться или спрятаться.

Он знал, что его двоюродный брат даже заикался оттого, что пьяный отец напугал его в детстве. А костистые кулаки дядьки, словно кузнечный молот, все взлетали и обрушивались на стол.

– Уходи вон, чего тут разбушевался! – говорил сердито зять Иван, если находился дома.

А когда тот не подчинялся, он хватал его за шиворот или волосы и выталкивал за ворота. Бить не бил, но слов неприятных не жалел. Выталкивал его и племянник Борис, сам бывший фронтовик, который в горячке мог и отходить дубиной. Однажды, оказавшись за воротами, шурин выломал две доски из палисадника, где потом лазили ребятишки, когда ворота были заперты на задвижку.

Мария Алексеевна сильно жалела брата. И, в конце концов, сдавалась, протягивала ему деньги. Она не могла отказать ни своим, ни чужим. Ей было жаль бедных людей, хотя сама была не богаче их.

С поступлением Владимира Ильина в училище Вениамин распоясался еще больше. И Стюра уже не могла с ним сладить. А однажды заявила:

– Давай, отец, уедем отсюда в Щапину к моей тетке Нюре.

– Этой бывшей помещице? – спросил он с подковыркой. – Это в честь ее богатых предков назвали село Щапиной? Да она же своей болтовней

и нравочениями все помороки нам забьет, всю душу вывернет наизнанку.

– Неважно, богатых или бедных, болтливых или молчаливых. Здесь, на станции, ты совсем сопьешься. А там, в колхозе, магазины днем не работают, водку не продают.

– Свинья везде грязь найдет, – возражал он.

– Да неужели ты уже хуже свиньи стал? Мы тут погибнем. Иначе я уеду с сыновьями одна. Оставайся тут сам. И нас не упрашивай, не вернемся. Володьки нет рядом, и некому с тобой справляться...

Со временем Вениамин согласится. И Ильины, продав дом, уедут в далекое село Щапино, которое находилось в километре – двух от его родины – Травников. А родина всегда притягивает к себе.

6

Подрастающим сыновьям и племянникам не раз приходилось сталкиваться на улице с пьяным Вениамином – уговаривать проводить его домой, вырвать из ругани и драки. Однажды сын Марии Алексеевны, Сашка, увидел борьбу двоих пьяных. Один из них оказался дядя. Его свалил с ног мастер приемного молочного пункта Паничкин, сел на лежачего верхом и колотил кулаками по ребрам. Сашка стащил его с дядьки, и тот обрадовался племяннику.

– Спасибо, Шурка! Родня все-таки, мать ее за ногу! – пытался он поцеловать парня.

– Дядь Вена, пойдем домой. Я отведу. Чо же ты поддался-то, такой большой? Его бьют, а он молчит да радуется...

– Да как же его бить, такого маленького, бить

живого человека? – наивно спрашивал былой батареец. – Мы ведь шутя-любя-нарочно. Водку-то вместе хлестали...

Несмотря на все, его не только сыновья любили, но и племянники. А уж что жалели, можно сказать, точно. Купил он мотоцикл К-125 и рассекал на нем по станции. На рыбалку и охоту гонял. С Пашкой Красновым сдружился, бишкильским Кулибиным. Тот был большим спецом по мотоциклетной части, и при поломках Ильин обращался к нему. Вениамин смотрелся на мотоцикле, как что-то инородное, большое и угловатое. И когда мчался на хорошем газу по улице, все живое разбежалось в разные стороны. Похоже, он был горд и рад покупке. Мол, вот он, казачий отпрыск, сменял вороного коня на железного! Расступайся, народ, разбегайся, село, когда бывалый фронтовик скачет! А то и до беды недолго.

Летом он эту технику хранил в сарае. А на холодную зиму загонял в дом, в самую горницу, под божницу, где она надежно стояла на ножках близ выходящего во двор окна. И ее зеленые бока отражали лучи заглядывающего в комнату солнца.

Мотоцикл, а вернее, езда на нем, особенно нравилась младшему племяннику Володьке. И он часто вертелся возле. Вытирал тряпками пыль и масло. Научился включать скорость, ведь Вениамин часто брал его с собой. И ждал, когда дядя посадит его за руль. Но его ноги еще плохо доставали до земли, и мальчишка с нетерпением ждал, когда подрастет и когда дядя доверит ему технику.

Но тут Ильины уехали в далекое село, и с ними родня виделась очень редко. Председатель колхоза принял мастерового с распростертыми объятьями, ибо работ в хозяйстве был непочатый край. Мужичи-

ков не хватало, повыбивало на фронте. А плотники и столяры ценились на вес золота. И не только в хозяйстве, а и в частных домах, во многих из которых жили с детьми вдовы фронтовиков.

– Я ведь на квартире у тетки живу, и мне край нужно свой дом построить, – поставил он условие председателю.

– Милый мой, о чем разговор? – удивился тот.

Он смотрелся невысоким подтянутым человеком в военном кителе с орденом Красной Звезды и наградными колодками, говорящими о нескольких боевых медалях. На одной руке отсутствовало два пальца, и посетитель сразу догадался, что перед ним тоже фронтовик. И смекнул, что это может пойти ему на пользу. Ведь два воина всегда договорятся, подумал с надеждой Ильин. Уж больно ему не хотелось квартировать у придирчивой и ворчливой тетки, которая без зазрения совести лезла в каждое дело и поучала, будто сельская учительница первоклассников.

– Да я тебе выпишу строевого варламовского леса, и строй хоть дворец. Выделим землю под поместье у самой реки. Будешь из нее огород поливать, рыбачить. Шуки метровые водятся в ней, желтые караси, как лапти. Ешь – не хочу! И зарплату хорошую назначим, трудодни. Даем мы на них хлеб, мясо, масло, молоко и многое другое. Деньгами доплачиваем.

Вениамин знал, что колхозные руководители в связи с трудным экономическим положением нередко привирали и обещали золотые горы, но щипинский с его интеллигентным лицом и добрым взглядом показался ему не таким. Да и разве может врать человек, который рисковал жизнью и шел в бой за свою Родину, свой народ, свой колхоз,

который теперь старается поднять на передовые позиции, сделать жизнь селян богаче и краше? Нет, не может, решил он и поверил в слова колхозного председателя.

– Твоя взяла, согласен. Ты и мертвого уговоришь, голова! У меня аж башка закружилась от твоих обещаний.

– Думаю, что сработаемся. Ведь участники войны должны сплотиться, как на фронте, быть примером и вести за собой сельские массы, чтобы сделать хозяйство одним из лучших в Чебаркульском районе. Такова наша задача и позиция на мирных стройках социализма.

Против социализма Вениамин Алексеевич вроде бы ничего не имел. Хотя и ни за что раскулачили когда-то его матушку в соседней Травниковской станице, но зла в нем на это уже не осталось. Не зря же хлестался с фашистами на самой жестокой мировой бойне, не жалея себя. Значит, отстаивал завоевания Октября. И теперь жизнь должна быть намного лучше, чем в довоенное время. А перед войной она уже набирала хорошие обороты. Становилась богаче.

– Заходи ко мне, когда надо, – прервал его мысли председатель. – Ключи от столярки возьмешь у завхоза. Завтра же и выходи, если не сможешь сегодня.

Село показалось приветливым, хотя и небольшим. И он быстро пробежался по его главной улице. Цепким взглядом отметил недалеко отступившие фермы и хозяйственные постройки. Вышел к запруде, куда впадала беспокойная Коелга. Поглядел на легкую водную рябь, из которой то и дело выныривали серебристые рыбешки. Прошагал вдоль берега до конца дерев-

ни. Прикинул, где ему дадут место под строительство дома, бани, стайки и огород. Приглянулось ему село. Ведь это, считай, родина! И на душе фронтовика потеплело.

– Может, Стюра права, что умыкала меня сюда, она ведь добра хотела? – спросил сам себя. – Места хорошие. За рекой густой бор. В нем дичь, грибы, ягоды. И, самое главное, колхоз не нищий, справный. И работы много. И заработок обещают ладный. Вот и приживись тут, как хороший дуб на высоком холме. Все будет путем, и счастье будет. Да мы тут такие развернем масштабы, что весь Бишкиль позавидует, мать твою за ногу! И завязывай ты с этой фронтовой дурью, с этой пьянкой, приносящей только одно горе. Неужели у тебя, фронтовика, не хватит силы и воли? Неужели ты против своего счастья и счастья семьи, ведь все можешь, все умеешь? И сам должен создавать это счастье для сыновей, Стюры, старой матери. Есть силы, и я все брошу! Господи, помоги! Не раз ты мне помог, когда, уходя в бой, просил тебя остаться живым. Спасибо тебе за это...

Он стоял на берегу и смотрел вдаль, как Петр Великий. И ему тоже казалось, что он прорубит окно. Пусть не в Европу, но в хорошую, нормальную жизнь. Со стороны он, крупный и ладный, с зорким соколиным взглядом, и в самом деле смахивал на Петра. И ему было даже легче, чем императору, ведь его не окружала завистливая Европа, враги, как окружали Великого императора и Россию. Да он сам недавно вернулся с полей боев, где отстоял огромный СССР и всю эту гнилую Европу.

– Неужели у проклятого зеленого змия силы и воли больше, чем у целой армии? Нет, мы еще повоюем и намылим кое-кому холку! – крикнул он

в сторону быстро бегущих волн. И скорым шагом пошел в село. Глаза его лихорадочно горели, а лицо смотрелось довольно-загадочным, будто он устремился на большие и ответственные дела.

– Крепись, фронтовик, работ в колхозе невпроворот! – настраивал его председатель Волков. – Надо гнилые рамы в коровнике менять, стеклить окна, двери в клубе поставить, свиарник новый рубить...

«Нашел, чем пугать! Да разве корову кормом напугаешь? – сменялся про себя Ильин. – Руки-то сами хорошей работы просят. Им разве откажешь?» И хлестался он на колхозных объектах целый день. Зарабатывал долгожданные трудовые. Руководство это видело и радовалось, что удачно приняли мастерового кадра. Строгает, аж гора кудрявых стружек окружает верстак. А между делом еще и каламбурил, напевал негромко:

Эх, путь-дорожка, фронтовая,
Не страшна нам бабёшка любая.
А кроме Тони, кроме Сони
Есть у нас еще дома жена,
Да не одна, а целых три,
И все с детьми...

За первый же месяц Вениамину выделили премию. А за квартал вместе с премией присудили переходящий Красный вымпел. Вскоре и портрет повесили на Доску почета. И смотрелся он, дебелий, гордый, каким-то загадочным, непривычным.

– Венка-то на настоящего помещика смахивает,

дворянина! – сказал кто-то, разглядывая портреты передовиков социалистического соревнования.

И Стюра, устроившаяся на молочно-товарную ферму, не могла нарадоваться. Она заметно поправилась, похорошела на вид, хотя вставала и ложилась спать затемно. Такая была беспокойная и тяжелая работа. И она, корявенькая, маленькая росточком, словно мелкий жучок, везде бегом да бегом, чтобы успеть, не опростоволоситься перед местными умелицами доильного мастерства. А силенок и умения не хватало.

И муж ее подобрел, стал еще более видным. Смотрелся не хуже председателя. Надень на него модный костюм да галстук, так и с самим Волковым спутают. Не случайно приезжие люди не раз спрашивали:

– Это вы председатель?

– Председатель сельсовета, председатель бедноты, разрешите, председатель, вашу дочку... звать на «ты», – с шутливой лукавинкой во взгляде декламировал тот. – Я – старший бондарь стройотдела по фамилии Ильин.

– А такой видный, импозантный! Ну, простите, маленько ошиблись, – извинялись те. – На вид-то на председателя тянете, в худшем случае на агронома....

И Вениамин, словно у него выросли крылья, не знал устали. Почти без перекуров хлестался. А после колхозной работы и в выходные дни спешил на свою личную стройку. Рубил сруб из сосны. Председатель сдержал слово и выписал строевую сосну, ровную, как свечка. Не толстую и не тонкую, одна к одной ложилась. А уж про запах не говори – сплошная смола и хвоя – здоровье вдвое.

– Как тут и была! – укладывая в сруб, восхищал-

ся мастер.

Ему помогали жена, мать, ребяташки, приезжавший на выходные старший сын, хотя ему надо долго добираться на электричке, а из Бишккыля на попутных машинах или по Уфимскому тракту на велосипеде. Он быстро вырос, набрался сил и смотрелся бравым парнем. Безбоязненно брал в руки топор, умело рубил им, только летела щепа, чем-то напоминающая жирных карасей из реки Коелги.

– Овес-то в коня пошел! – Нередко радовался отец, любуясь работой сына. – Тебе бы в плотники-столяры, толк бы вышел. И меня под старость заменил бы.

– Моя доля – депо, локомотивы. Вон, какие махины, не то что ваши казацьи кони! – не соглашался Владимир, легко играя мышцами. – И спорт в городе. Я же разрядник, в соревнованиях участвую. Бегаю, прыгаю. А в селе какой спорт – литробол?

– По Сеньке шапка, по едрёне мать – колпак, – недовольно резюмировал отец и продолжал привычную работу. – Вольному воля. А я думал, мне опорой станешь.

– Не сердись, батя, каждому свое, как говорили греки. Ты еще в самой силе, сто лет проживешь, если поддавать не будешь.

После этих слов Вениамин воткнул в бревно топор, долгим и изучающим взглядом посмотрел на сына, ладно управлявшегося с инструментом, и залюбовался им. Лицом он был в мать, а статью, силой в него. Хороший бы плотник и шабашник из него получился, с легкой гордостью подумал он. Только вот к рюмке этот мастеровой люд неравнодушен. Может, правда лучше быть деповским

специалистом и горожанином, чем всю жизнь тюкать топором, спорить с заказчиками и остограмливаться после шабашки? Может, там в большие люди выйдет? Институт кончит, заведет семью, получит квартиру? Чем не барин? Но все-таки проворчал:

– Вот, мать твою за ногу, яйца курицу учат...

Сруб ставили на высокий фундамент, чтобы от реки не подтопляло. Младшие сыновья надрали моху в болотце, сушили на полянке, помогали его стелить между бревен и конопатить, чтобы зимой не задувало в жилье, не проникал холод. Соорудили стропила, накрыли новыми досками. И дом смотрелся богатым, высоким и красивым, как молодой корабль, вышедший в море на испытания. Был виден издалека, из самых Травников. А с конька крыши, как с капитанского мостика, хоть обозревай далекие и обширные поля, леса, извилину реки, которая легко скользила и серебрилась, будто стремительная змея. И от этого вида земля казалась родной и доброй, как хорошая мать. И хотелось жить, работать, воспитывать детей и радоваться жизни.

Пыталась любоваться стройкой и уже плохо видящая бабушка Арина. И, вспоминая что-то, не раз с сомнением говорила:

– Не раскулачат нас вдругорядь, как тогда, в коллективизацию?

– Кто и за что раскулачит? – не соглашался Вениамин. – Тот дом был вон из каких толстых кулацких бревен. А этот из нормальных, рабочекрестьянских, скромных. За такие не раскулачивают. Ты ведь работника держала, а мы теперь колхозники, а не кровососы-эксплуататоры, не кулацкая вошь, едрёна за ногу. Батраков не дер-

жим. Мы – трудовое крестьянство, которое вместе с рабочими правит социалистическим возом, – то ли в шутку, то ли с сарказмом объяснял седой сын седой и слепой старухе и шаловливо подмигивал Стюре.

7

После влазин из оставшихся досок делал стайку для скотины. Сарай-мастерскую, где станет выполнять столярные заказы. А баню наметил рубить в следующем году. Осенью несколько раз сбегал на утиную охоту, отвел хоть немного душу. Даже не сбегал, а сходил вразвалку, или крался в конец своего большого огорода, который упирался в запруду. В нее же впадала Коелга. Высматривал уток. Они приплывали по речке или садились с шумом и казались ему реактивными самолетами. Внимательно целился и стрелял из обоих стволов. Быстро перезаряжал тульскую двустволку и снова стрелял, если птицы не успевали улететь. Был он метким стрелком и нередко приносил две-три кряквы, или чирков, которые были подвижными, легкими и быстро взлетали.

Дома охотника ждали с добычей. Мальчишки разглядывали дичь, растягивали на всю ширину крылья и пробовали с ними кружить, как прилетающие на воду птицы.

– Ж-ж-жи, – жужжали они по-шмелиному и просились у отца: – возьми нас на охоту.

– Еще чуток подрастете. Хотя я в вашем возрасте...

Он не договаривал, хитро шурился и замолкал.

– Вы пока хоть рыбу на удочку и блесну таскайте. Все польза.

– На удочку мало поймаешь, – не соглашались мальчишки. – Невод надо или сети.

– Мало? Сдери с попы сало. А ты, мать, ведь когда-то вязала сети, – спросил он старуху.

– Вязала в молодости. А чичас чо я вам навяжу, слепая-то? Такое навяжу, што не понравится ежу. Сами в них попадете, – отнекивалась Арина.

– А как же ты, слепая, носки вяжешь, варежки и не ошибаешься? – спросил сын со смешком.

– По привычке и на ощупь, – простодушно ответила та, поднеся свои дряблые руки к самым глазам, словно хотела их рассмотреть получше.

– Жрать-то все хотят. У нас ведь, как поется в песне, по заслугам каждый награжден. От каждого по способности каждому по потребности, как гласит Конституция. Всю зиму на печке сиднем сидишь. Вот и вяжи не только носки, но и сети для разнообразия. А мы с ребятами их весной будем ставить и метровых щук с карасями таскать. Мы ведь любим их запеченными с молоком и яйцами. И внуков научи сети вязать. Все помощь, как говорится, с дохлой овцы хоть шерсти клок. А я буду морды плести да в проруби ставить. И с рыбой будем, туды ее за ногу.

– На этой овце, – показывала бабушка на себя, – уж и клока шерсти-то не наберешь...

Он ездил в лес, рубил молодой тальник и брался плести морды. Вскоре несколько этих хитрых сооружений поставил в выдолбленные им возле впадения реки проруби. И каждый вечер доставал и вытрясал добычу на лед, собирая рыбины и толкая в мешок. Это было хорошее подспорье небогатой семье Ильиных.

Летом изредка приезжали на велосипедах гости племянники Борис, Сергей, Володька. При-

езжали проведать, а попутно собирали грибы, ягоды в камбулатском лесу. А то и заводили невод. Вытаскивали карасей и хороших щурят, даже крупных щук. Они быстро костенели, и им надо было ломать шейный лён.

– Дядь Вен, у вас тут не жизнь, а рай! – восхищался юный Володька.

– А мы райские яблоки, да? – спрашивал с подвохом Вениамин. – И нас надо хавать, чтобы согрешить? Мы и сами грешить умеем, вот только Стюра и председатель Волков не благоволят.

– И дай-то бог! Хоть на человека стал походить! – радостно подключалась в разговор Настасья. – Он ведь когда выпьет, всю ночь баламутит и что-то буровит. Никому спать не даст и сам измучится. Поэтому и в гости никто не приглашает. И к нам никто ночевать не идет. Никому покоя не даст и весь праздник испортит.

– Совсем завязал пить? – спрашивали племянники.

– Не совсем, но стал реже. Там тетка Нюра не давала и председатель. А тут дом строили, некогда было пировать и не на что. Может, так и успокоится, Господи, помощи! Может, работа его отвлечет.

Она скорбно покрывала себя крестным знаменем, и на ее лице появлялась, как черная туча, такая безысходная и страшная тоска, что приводила гостей в уныние.

А годы шли. Все так же текла неугомонная Коелга, разливаясь и выходя из берегов весной и возвращаясь в свое привычное русло после ледохода. Все так же плотничал и столярничал в колхозе Вениамин Ильин, охотничал и рыбачил. Даже смастерил хорошую лодку-плоскодонку, на которой плавал в свободное время, стрелял уток, ставил

и снимал сети. Нередко сбывал рыбу соседям и имел рублишки на курево и другие карманные расходы. Часто вспоминал первые месяцы по приезде в Щапино. Настасьина тетка Нюра встретила его с недоверием и подозрением. Все подглядывала за ним и подслушивала. И в это время, как казалось ему, сильно смахивала на очковую змею. Щапинской коброй он ее и нарек.

– Это не так делается, а навоз нужно вон в ту кучу кидать, – строго приказывала она. – И доску эту ты неправильно строгаешь. Надо с другой стороны.

– С другой стороны она будет задираться, пойдет выбоинами, – старался доходчиво объяснить он, беспомощно разводя руками. – Как говорится, против шерсти...

– Зато у тебя все по шерсти, вот и прокакал Бишкиль...

«Сраная умница, попадись ты мне по пьяной лавочке, я тебя научу блины печь!» – хотелось ему рявкнуть в сердцах, но он боялся, что выгонят с постоя и старался не пить. И не попадать ей на глаза. Реже заходить в дом. Устроил лежанку на сеновале, куда, приходя поздно, заваливался спать. Утром старался улизнуть пораньше, пока не доили корову. Работа в колхозе и на своем срубе оставляла ему для сна и восстановления сил не больше четырех часов. Это было невероятно тяжело, но ему так хотелось быстрее вырваться из тетки Нюриной опеки, из такой напряженной работы и действительности, что ни о каком другом счастье он не мог помечтать и во сне. И сам себя успокаивал:

– Терпи, и в аду люди живут...

8

Да, годы не стояли на месте. Они, в понятии Вениамина, походили чем-то на быстрокрылых уток. Ну как может на одном месте порхать дикая утка, рассуждал он серьезно, находясь под хорошим градусом. Ишаку ясно, что никак не может. Утка должна летать, не зря же ей природа дала такие замечательные приспособления, как крылья и хвост. При их помощи она взмывает в небо. И ищи-свищи ее потом. Никакая дробь или даже картечь ее не достанет. Никакое ружье, если промедлишь, и даже 120-миллиметровый миномет, которым он управлял в последние годы войны. Хотя начинал с малых.

– Минометы бывают нескольких марок, – не раз объяснял он своим детям и их школьным товарищам. – Самые маленькие – это ротные 50-60 калибра. Весом от 9 до 19 кило. Дальность боя почти до двух километров. Потаскал я их на себе. Батальонные до 82 калибра и до 60 кило весом. Тоже взваливал и таскал. Потом полковые – в четверть и более тонны, до 120 калибра. Эти не унесешь на горбу, хоть как кажилься. Но и бьют, заразы, до шести километров. Настоящая артиллерия. Не случайно богом войны называют, мать ее за ногу...

Ребятишки слушали с открытыми ртами и мысленно представляли эту чудесную технику, далекие полеты мин и разрывы, от которых гибли целые полчища оккупантов. А батареец вспоминал фронтовые эпизоды, и на его душе становилось невыносимо лихо, что невозможно было терпеть, будто полыхал пожар. И его нужно было срочно залить. А чем залить, естественно, спиртным

пойлом. Только оно в какой-то степени помогало. Хотя нередко заводило из огня да в полымя, когда нервы натягивались до предела и его тянуло на подвиги. Хотелось приложить к чему-нибудь силу. И он метался, как психопат, по дому, селу, искал место, куда ее приложить. Привязывался к людям, скандалил, лез в драку, харапужничал, как выражались местные. И бить толком никого не бил, только махал похожими на мельничные крылья руками и здоровыми кулаками. «Вот они, семь килограмм немоченых!» – устрашающе потрясал ими. И нередко нарывался на взбучку. Порой хорошую взбучку, что потом не один день носил на боках и лице болячки и «ползуны» и стеснительно отворачивался от прохожих.

– Вон Венка-бондарь опять корзину с кулаками уронил! – в открытую смеялись над ним селяне, и ему так становилось горько, хоть плачь или лезь в петлю. Но ничего не мог поделать с собою.

И кое-кто уже начал его сторониться. И в школу на встречу с учащимися не стали приглашать героя-батареяца: какую пользу принесет пьяница и дебошир, чему научит подрастающее поколение?

Он сам страшно переживал. Случалось, даже плакал тайно от семьи в сарае. Даже, грешным делом, высматривал поперечину, на которую можно привязать веревку с петлей. Но потом опаматовался, осенял себя крестным знаменем и сердито шептал:

– Покайся, старый дурак. Бог-то не микишка, за такое накажет, прости меня, Господи!

В Бога он верил. И, бывало, просил его перед каждым боем:

– Спаси меня и помилуй, Господи, от смерти и раны! Век буду тебе молиться...

– И Бог спасал. От смерти спасал. Правда, от двух ран не уберег, да и как в таком побоище уберезешь, когда сотнями, тысячами безжалостно косили людей, как баранов? Десятки миллионов положили только русского брата. Раны – это ничего, терпимо. Как милость. И за это спасибо, ведь не стал безногим или безруким инвалидом, – радовался теперь фронтовик. – К семье вернулся, к матери. Двоих сыновей еще народил. Будущих бойцов...

Он вспоминал про присланную матерью молитву, которую зашил в гимнастерку и которая, он считал, оберегала его в боях от смерти.

– Вернувшись на гражданку, ты забыл о молитве и потерял страх и совесть! – упрекал он себя и краснел лицом от стыда. – Вот и пошло все через пень-колоду. И не до молитвы стало. Теперь у тебя одна молитва – святая пол-литра. Вот и Кольку в тюрьму уpekли. Люди бают, что твое воспитание.

Его второй сын, Петька, последовал примеру старшего брата и подался искать счастье в город. Выучился профессии металлурга. Ростом большой, крупный, сильный, он, как и отец, тоже смотрелся породистым, видным и соответствовал званию уральских металлургов.

Подрос и младший, Колька. Тоже под метр восемьдесят выдурил. Кулаки не костистые, как у отца, но тоже крепкие, будто литые. Со дня на день ожидал повестки в армию. Да в колхоз прислали городских студентов на уборочную. После работы на полях они заявлялись в клуб. Одни вели себя скромно, спрашивали разрешения у девчат, когда приглашали на танец. Другие – развязно. Приставали к местным красавицам. Может, под хмельком находились.

– Пошли, бикса, сбацаем, – бесцеремонно схватил за руку девушку Николая долговязый парень.

– А что ты так некультурно? – подойдя ближе, вступился Ильин.

– Русиш культуриш? – неприязненно посмотрел городской парень, стараясь увлечь девушку в круг танцующих.

– Ты не слышал? – недовольно спросил Николай.

– Отвали, моя черешня! Я ведь боксер-разрядник.

– Выйдем на улицу, товарищ разрядник! – бросил Ильин и пошел к выходу.

Студент не струсил, и вскоре началась драка. И по-деревенски крепким кулаком засветил плотницкий сын городскому повесе и боксеру по физиономии и своротил ему челюсть. Впрочем, из-за него тогда накостыляли и другим будущим инженерам-механизаторам. А боксер оказался отпрыском какого-то областного начальника. И состоялся суд, и припаяли Кольке за храбрость и защиту девушки год исправительных лагерей, чтобы в следующий раз почтительнее встречал городских посланцев, как трактовал этот случай его батюшка-горемыка, которому записали это в очередной минус и у которого, кроме работы, плюсов и так не осталось.

Без того горе в семье. А тут еще сына посадили. самого младшего, Апатого. Не посмотрели, что отец – герой. За Родину кровь проливал. И пошло, и поехало: «Я – Венка-бондарь! Артиллерия – бог войны!» Беспощадно понеслось по судьбе фронтовика и его семьи. Покатило бесповоротно, что и остановить невозможно.

– Опять начал поддавать и харапужничать! Сыновей близко нет, так ты совсем обнаглел. Голым по двору вчера бегал, башку-то не мог сломить. К матери приставал, куском хлеба попрекал, – честила с утра Настасья.

– Ой, дурак я, дур-рак! Признаю и каюсь, Стюра! Прости меня, лешего. Прости, мать, не со зла я, с вина, ни дна ему, ни покрывки. Завяжу, ей-богу, завяжу...

– Ты чего, Вениамин Алексеич, распоясался? – строго спрашивал председатель колхоза. – Хороший столяр, а пьешь, как сапожник, бушуешь. Покой сельских тружеников и передовиков соцсоревнования нарушаешь. Никак войну не закончишь. Разве фронтовики так поступают? Их в колхозе-то раз-два и обчелся! Какой пример показываешь пионерам и молодежи? Хочешь, чтобы в милицию сдали? В один момент спроворим. Да ведь жалко тебя, бедолагу. Был уважаемым человеком. Хороший специалист, портрет на Доске почета висел. Слава. А в колхозе таких не хватает. Чтобы бросил мне немедленно свои загулы и выкрутасы. Иначе не пожалею твоих заслуг. Смотри у меня в оба!..

– Брошу, брошу, Артем Михалыч! Слово батареи даю, – клялся и каялся Вениамин, но удержаться уже не мог. Он выглядел сухим, как витый канат. И первая же рюмка подсекала и ловила его, как могучую щуку маленькая блесна.

Брел он однажды поздним вечером. Слегка пошатывался, перебирал в голове навязчивые мысли. Потом вспомнил старую песню:

В сто двадцатой батарее
Не раздолье гонорее.
Ей совсем не место тут,

Верность женам тут блюдут...

Шла уборочная пора, и водку в магазине не продавали. Но он знал места, где торговали самогоном. Ему даже в долг давали, если хорошо попросит. Прилично выпив, он уже направлялся домой. И вдруг встретил в проулке местных ребят. Он подобрался, подтянулся фигурой, чтобы не казаться пьяным. Но кто-то из них спросил:

– Это кто шарашится по кочегурам, не Венкабондарь?

– Он, сердешный, таракан запешный, – ответили тому.

– Чо он по ночам шатается? Давай, ребя, повесим его на забор, как немецкого фрица. Пусть просыхает...

– Давай! – дружно подхватила компания, давно ищущая приключений.

– Да вы чо, ребята, Венку-бондаря не узнали? Да я вас на фронте своей грудью защищал, собственной жизни не жалел, – начал было он, пытаясь их оттолкнуть. Но те быстро повалили его, машущего руками и ногами, подтащили к забору и повесили вверх ногами, которые застряли за плахи, и он не мог их высвободить. Так и висел вниз головой до самого раннего утра.

Он долго ворочался, ругался, дергался ногами и руками и все больше оседал. Кричал, звал на помощь. Глаза его постепенно наливались кровью и уже плохо видели. А тело деревенело и наполнялось свинцом. Но никто не слышал, пока доярки не пошли на ферму.

– Маруся, что это на заборе висит, чей-то мешок, что ли? – спросила одна другую.

– Что-то завязками вниз, а лямками вверх, –

вглядываясь в полумрак, ответила Маруся.

– Боже мой, свят-свят, да ведь это человек! Как его угораздило?

– Это же Венка-бандарь! Вверх ногами шел, что ли? Совсем допился, докеросинил. Ну и чудеса в решете! – чертыхались женщины, приходя в себя.

– Я, Венка, туды их за ногу! – подал он хриплый голос. – Оказывается, фашистов мы не всех перебили...

Его сняли еле живого. Пока бегали за колхозной фельдшерницей, он, старый солдат, оклемался, поднялся на ноги.

– Спасибо, милые дамочки, с меня магарыч, – виновато пообещал Вениамин и побрел в сторону своего дома. А на душе вместе с досадой проступала и робкая радость. Выдержал он очередное испытание. Не сдался. Выжил назло всем смертям. Правильно поется: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим»! Значит, есть еще порох в пороховницах! В который раз удалось заново родиться! Видно, ангел-хранитель очень добрый попался. И пожить еще можно. Только бы поосторожней, не рисковать. А то не ровен час, и на старуху бывает проруха, скорбно думалось ему.

9

– Вениамин живет войной и всё ей измеряет, – как бы оправдывая мужа, говорила Стюра соседкам, которые ее по-бабьи жалели и сочувствовали. – Хотя уже столько лет прошло после нее. До фронта был скромным, как красная девка, а на войне рассобачился, словно подменили его и вселили беса.

– А к врачам не обращались? – с пониманием

спрашивали подруги.

– Обращались, – безнадежно отвечала. – Да толку-то. Не один он таким психопатом стал. Их тысячи бывших бойцов, если не миллионы. Кто вовсе на колясках подшипниковых...

– А к знахарям не водили?

– Води-или, как же, да все без толку. И заговаривали, и колдовали, и деньги брали, натурпродукты. Ничего не помогло.

– А к бабке Запевалихе ходили?

– Ато...

– Болтают, Горбатка от всех недугов врачует. Даже дураков и паралитиков на ноги ставит.

– И к ней водила. Не действуют ее колдовские чары. Где ей, когда даже ненормального сына Кузиковых не могла вылечить?

– Вот что война натворила! – сочувственно вздыхали бабы и меняли тему разговора.

В гости супруги Ильины уже ни к кому не ходили, да задумал старший сын жениться. И тут хочешь – не хочешь, а ехать надо.

– Дай слово, что не будешь буянить, – обратилась Настасья к мужу.

– Честное слово, не буду, ей-богу! – клялся Вениамин и глядел такими преданными голубыми глазами, что трудно было не поверить. Такие глаза были у него в молодости, когда ухаживал за ней.

Да она и не верила, то просто была секундная слабость. Разве это в первый раз? Но ей так хотелось, чтобы мужнины обещания сбылись, аж засосало под сердцем. За такие муки и терпение ей, наверно, памятник при жизни нужно воздвигнуть. Да зачем памятник, на него не согласилась бы эта скромная женщина, ей и спокойной жизни хватило бы за глаза, без мужниных пьянок и дебоша, без

драк и выгона из дома.

– Там ведь совершенно чужие люди. Городские, образованные. Какое представление оставим мы о себе? Подумают, и сынок в папаню. И женитьбу расстроят, – козленком бляела и уговаривала она. – Все будущее ему испоганим...

– Не подведу, клянусь Господом Богом! Хотя 120-миллиметровым минометом, который не только меня, но и всю Красную Армию не подводил.

– Твоими устами бы мед пить. Хотя я верю не каждому зверю, но что делать? Христа ради прошу – не опозорь перед новой родней. На колени встану, если надо.

Добирались на перекладных. Не через Шахматовскую остановку, а через Бишкейл, где соединились с зятем Иваном, племянниками Сашкой, Володькой и их женами. Добирались электричкой, трамваем, автобусом. Познакомились с невестой, ее вроде бы приветливыми родителями, родственниками, гостями. Народу было немало, и столы стояли буквой «П». Говорили красивые тосты, высказывали сердечные пожелания, поздравляли. После третьей стали осваиваться, даже гудеть, как пчелиный улей. И Настасья вместе с бишкейлскими родственниками все чаще и внимательнее поглядывала в сторону Вениамина. Но он был спокоен и миролюбив, как молодой, доверчивый теленок, пил и ел вместе со всеми и не подавал признаков возбуждения. Не зыркал, как недовольный филин, что нередко случалось с ним по пьянке.

– Неужели выдержит? Господи, помоги! – то и дело шептала Настасья и подсовывала ему то одну, то другую закуску. – Ты ешь, Венчик, ешь. Вот колбаса домашняя, вот вкусное сало! А вот огурчи-

ки, грибочки соленые из нашего бора, которые ты любишь, рыба жареная! Ешь – не хочу. А то ты когда пьешь – не закусываешь.

На ее скорбном, рябом лице даже выступила легкая обнадеживающая улыбка, что напоминало Вениамину молодые годы, когда он, красавец, ухаживал за ней непривлекательной, серенькой мышкой, а она была веселой и беззаботной хохотушкой, умевшей поднять настроение, когда с желанием гуляли по вечерней станице и жизнь казалась голубой и прекрасной. И он только теперь понял, что не прогадал с ней, ведь только она могла выдержать такую адскую жизнь. И, чтобы угодить жене, старался что-то жевать. Запивал ядреным квасом из холодного погребка. Откровенно смеялся, то и дело заводил мирные разговоры с соседями. Прямо безгрешный ангел! И ничего не предвещало ни ссоры, ни драки, хотя и водка, и бражка казались хмельными. Но люди вроде подобались спокойные, что обнадеживало на мирный исход.

На следующий день, в воскресенье, свадебное гуляние продолжалось. На похмелье подали горячую лапшу с гусятиной, привезенной из Щапиной, салат, жареных уток, овощей, сладостей. Запивали спиртным и квасом. Хозяева казались гостеприимными и душевными. Радовались торжеству и гостям, которых уже было заметно меньше, чем накануне, и которые быстро перезнакомились друг с другом и заводили теплые разговоры. Хмелели от выпитого. Дружно плясали, пели под гармошку, шутили, смеялись. Играл Вениамин, широко растягивая меха и подмигивая плясунам.

Шла барыня из Ростова
Посмотреть на Льва Толстого.
Шла барыня из Мисяша,
Может, пьяна, может, наша.
Ба-арыня, ба-арыня,
Сударыня барыня...

Жизнь им нравилась, ведь стол ломился от яств.
А что может радовать человека больше хорошего
стола? Что еще нужно ему, тем более – хмельному?

Но, к сожалению, хороший стол, выпивка не
только возбуждают аппетит, но и нервы, пробуж-
дают таящуюся в недрах организма энергию,
нередко вредную. И ее нужно применить на что-то.
Этим и плохи бывают свадьбы и другие гулянки,
доходящие порой до мордобоя, где в ход идут
кулаки, а то и палки, табуретки, вилки и даже
ножи. А от поножовщины разве можно ждать
добра? Беду, а то и неповторимую трагедию может
принести она, трижды проклятая. Гармонисты
менялись, играли Сашка и Володька. Свадьба и в
самом деле пела и плясала, как говорил Роберт
Рождественский.

Но неизвестно, что побудило Вениамина занерв-
ничать – выпитое или бессонная ночь? Держал он
бокал из-под браги и то ли выплеснул невзначай,
то ли нарочно плеснул и попал на невестку. Послы-
шались недовольные вздохи, визг, ропот. Могла
разразиться драка. Но дружно вскочили жених и
племянник Володька. Стали успокаивать людей.

– Простите его, бога ради. Он невзначай. Выпил
лишнего. Не надо ему подавать, – просили они. И
шум вроде прекратился.

Но хорошее настроение кое у кого исчезло. И
хотя еще пели и плясали, но были уже возбуждены,

будто ожидали неприятного. А то и искали зацепку. Старший брат невесты, бывший зэк, тоже находился под большим хмельком и среди пляшущей толпы увидел свата Вениамина. Сначала они негромко говорили, потом разговор стал грубее, и брат невесты схватил старого минометчика за грудки.

– Ты знаешь Ильюху Косого, бывалого зэка? – придирался он.

– Не знаю и знать не хочу, – ответил недовольно Ильин.

– А Лёху Гафурова, лучшего контактника? – не отставал забияка.

– Из Бишкиля который? – спросил подоспевший Володька. – Да он же его бывший сосед. Если Леха узнает, то сам тебя отдубасит. Лучше, парень отстань.

– Да я вас в рот... На куски порежу! – размахнулся тот и хотел ударить. Но Володька умело увернулся, и кулак угодил в ухо Вениамину.

Володька прямым и длинным ударом вlepил задире в лицо, и тот мешком свалился под ноги пляшущих.

– Эй, стой! Берегись! Драка! наших бьют! Атас! – понеслось вокруг. – Выбегай во двор!

Упавшего с разбитым в кровь носом подняли на ноги, вывели на свежий воздух, начали утирать, успокаивать.

– Я же говорил: не лезь к моему дядьке. Он кто ни есть, но все ж родня! – крикнул ему вдогонку Володька и обратился к своим: – А нам надо сматывать удочки, пока до побоища и милиции не дошло...

Быстро собрались, попрощались с новыми родственниками, которых, может, больше и видеть

не придется. Обняли жениха с невестой и дружно подались на остановку автобуса. А когда добрались до электрички, хмель у мужиков почти совсем выветрился. Только Вениамин еще непримиримо смотрел посоловельми глазами, словно недовольная сова. Да традиционно вещал: «Батарей – 120. Артиллерия – бог войны». Может, искал, к кому придраться. Махал руками, зацепил ногтями и до крови расцарапал лицо зятя Ивана. И снова пришлось вмешаться самому молодому, Володьке.

Видя, что шурин никак не может успокоиться, Иван обратился к его жене:

– Стюра, вы в Бишкеке не выходите. Он тут никому покоя не даст, а там осталась моя больная жена – его сестра. Вези его до Шахматова... Ну, будьте здоровы. Слава богу – добрались живыми до дому.

10

– Годы летят быстро и подкрадываются незаметно, как лиса к жирующим в кукурузе перепелкам, – сам с собой рассуждал Вениамин. – Дошла, стерва! За полкилометра слышит мышиный писк и находит, хотя не особо зрячая. Нюх у нее военный, хрен ей с маслом! Только меня-то не обхитришь, у меня нюх покрепче, артиллерийский, и попадешь ты бабам на воротник, – хорохорился дед, присев ненадолго у верстака и закурив сигарку. Уставать стал.

В такое время почему-то часто вспоминалось травниковское детство, отец, которого смутно помнил, ушедший в Сибирь с войском адмирала Колчака и не вернувшийся в станицу вместе со старшим сыном, Василием. Кости их, как и других казаков, наверно, давно сгнили где-то под Красноярском.

Не забывалось и раскулачивание матери, с которой он уже не жил, а был отделенным от ее хозяйства, жил вроде бы своим. Хотя какое там могло быть хозяйство? Поэтому его и не тронули: он как бы за новую власть пошел. Приходили в мыслях и сестры Таисия, Мария, ее муж Иван, бишкильский железнодорожный путеец. Бывший сирота, батрачивший с детства, из-за куска хлеба прибившийся к ним работником уже в Гражданскую войну, когда мужики были на фронте. И, чтобы выжить, взявший в жены хозяйскую дочь-инвалидку. Жизнь его научила быть хозяйственным и скупым, беречь каждую копейку. Во время Отечественной войны он находился под бронью, и шурина почему-то это обижало и даже оскорбляло. Хотя знал, что жена его инвалид второй группы, что у них четверо сыновей. И неизвестно, как бы они выжили в суровые годы, уйди Иван на фронт. Этого он не понимал или не хотел понимать. По его личным соображениям, каждый мужик должен воевать и защищать Родину, ведь это святое дело. И он едва ли думал о том, что кто-то должен выращивать хлеб и картошку, кормить население и бойцов, изготавливать танки хотя бы на том же Челябинском тракторном и других заводах, поставлять их на фронт по железной дороге, работавшей, как часы, которую и содержал в исправности его зять Иван. Зять был трудяга из трудяг. Чтобы прокормить большую семью, держал солидное подсобное хозяйство: корову, бычка, телушку, овец, не считая кур и кроликов. Сколько разрешало правительство. Придя после двенадцати часового ночного дежурства на путях, не отдыхая после тяжелой вахты, брал косу, грабли и отправлялся на сенокос. Пластался там до потери сил. И росли копны и стога душистого летнего сена, которого на длин-

ную уральскую зиму требовалась уйма. Содержал огород с усадьбой в пятнадцать соток. Да еще в поле брал землю. И выводил туда сыновей, кто бывал дома, жена-то больная, на ней и так держится все домашнее хозяйство. Зимой отвезет излишки мяса, картошки на городской рынок, соберет кое-какие деньжата, чтобы детей одеть и семейные дыры подлатать. Про выпивку и не думал. Даже с получки не выпьет с мужиками. Да и с чего там выпивать – смех курам, а не зарплата. Лишь в редкий праздник осилит стаканчик бражки. Да отдохнет за многие недели, сперва управившись с домашним хозяйством.

И к пьяницам-выпивохам путеец относился отрицательно. К гостю Вениамину, когда он появлялся без приглашения и нетрезвый, когда бушевал и матюгался в чужом доме, пугал детей и сестру, он не мог питать уважения, ибо тот в любую минуту мог что-нибудь отчебучить, выбить стекло в окне, сломать калитку, бросить окурочек не туда, куда следует, и устроить пожар. Он часто вскакивал, словно ужаленный, махал пудовыми кулачищами, своими «семью немочеными килограммами», то и дело доставал ими и ударял в низкий деревенский потолок, аж летела штукатурка. И за ним нужно было постоянно следить, убирать, подметать. Кому понравится такой гостенёк?

И Иван не раз выталкивал его за ворота. А супруга жалела брата, несмело просила:

– Ты бы поласковее с ним, Ваня...

– Он не девка, чтобы поласковее, – не соглашался тот. – Своего сына сделал зайкой, а наш Вовка еще меньше него. Да и Сашка еще пацан... Что за разбой в моем доме? Кому это понравится? И ты не привечай его, не давай на выпивку денег, ведь это

медвежья услуга. Надо вкалывать до седьмого пота. Страну поднимать, семью кормить, а он бражничает да над детьми, стариками куражится. Кулаком меня называет. А не у них ли я в юности батрачил? И хомут до сих пор с шеи не снимаю. Буздаю за семерых и хозяйство держу. А за труд во время войны медали имею. Наверное, заслужил, коль сам товарищ Сталин отметил. Да не бряцаю ими на всех перекрестках. Кому-то надо было и Второй фронт держать... Нашел кулака в заплата-ных штанах. Это за триста рублей в месяц зарплаты я стал кулаком? Шабашки не сбиваю, как долговязый шурин. В пивной не торчу. Но и займы ни у кого не прошу. Больно совестно это трудовому человеку. И не стыдно ему клянчить: «Маня, дай десятку»?

Не церемонился с дядей-выпивохой и старший племянник Борис. Попав на фронт семнадцатилетним в конце войны, он был контужен. Стал очень нервным и получил инвалидность. Мог выйти из себя по любой мелочи. Даже запустить чем-нибудь, что попадет под горячую руку.

– Ты пьяным не приходи, бондарь, и не выёживайся тут перед инвалидами и детьми. Здесь есть свои психи!

Не раз он тоже прогонял разбушевавшегося дядьку из дома и ограды, и тот побаивался зятя с племянником, старался появляться, когда их не было дома.

– Маня, кулака нет с сыном-психом? – осторожно спрашивал через окно у сестры.

Та не раз уговаривала, чтобы не пил, не буянил, не выставял себя и близких на посмешище и не казался последним дикарем на станции. И тот слезно каялся, божился, крестился и обещал.

Только быстро забывал об этом.

А годы летели, как быстрокрылые утки, как ему казалось. Но уток можно было и сбить из ружья, благо, водоем рядом с огородом. А годы ни ружьем, ни палкой не собьешь, с неприязнью догадывался бывалый батареец. И так же с неприязнью смотрел на себя со стороны и говорил сам себе:

– Ты в этой глуши одичал, минометчик, как медведь в берлоге. Стал ниже ростом, осел. Растрепанный, нахохлился, как старый ворон перед ненастьем. Жизнь-то не за понюшку ли табака промотал? Или сгущаешь краски? Не нищенствуешь ведь, не собираешь по деревне куски и стекло-тару. Топор и рубанок еще не вываливаются из рук. Чего загрустил, заметался? Такое побоище выдержал, а гражданку разве не осилишь? Какая же ты батарея – 120? Какая же артиллерия, если не бог войны? Нынче хорошо порыбалил и поохотился. Заготовил сена на зиму скотине. Картошки накопал. Капусту вырастил, морковь, брюкву, лук с чесноком. Мясо во дворе ходит. Чего еще надо старому Венке-бондарю?

У него получалось не «бондарю», а «бондырю».

– Не умничай и не терзайся, – успокаивал он себя. – Тебе вредно волноваться. Хотя и причина есть. От такого примерного батюшки все сыновья в город подались. Никто не остался вас со Стюрой досматривать. Да и вы не стали собственную мать досматривать, отперли к сестре Таисии, вдове, которая сама четверых детей подняла. Зять Иван тоже не взял, мол, без того жена больная и сын инвалид. Спасибо Тасе. А все-таки ты взял грех на душу, оттолкнув от себя родную мать. Прости меня, Господи, грешника... А сена-то накопил! Вернее, заготовил. Собрался косить, а председатель отгово-

рил, мол, мы тебе колхозного сенца дадим, а ты за это ремонтом свинарника и подготовкой к зиме занимайся. Обоюдная выгода! И сдержал слово. Видно, Венка-бондарь еще что-то значит. Да мы, фронтовики, еще покажем себя, не лыком шиты. А вы, праведники, с наше повоюйте и испытайте, тогда поймете, сколько стоит фунт лиха!..

И он вспомнил неприятный случай на фронте, который чуть не стоил ему жизни. Время подходило к обеду. Пунктуальные фашисты прекратили обстрел позиций русских, и старшина послал Вениамина и бойца Безбородько за водой на находящийся недалеко ручей. Ильин даже оружия с собой не взял. Они уже наполнили котелки, негромко переговариваясь, повернули обратно и вдруг услышали, как кнутом ударивший приказ:

– Хальт! Хенде хох!

И увидели в двух-трех метрах двоих фрицев. Перепуганный насмерть Безбородько как бы механически поднял руки. А Ильин не растерялся, бросил оба котелка в сторону фашистов, облив их лица и форму. Не ожидавшие такого поворота, они тоже на мгновение растерялись, за которое Вениамин сумел энергично прыгнуть в сторону и скрыться в кустах. И вражеские пули в него не попали. Старшина послал нескольких солдат во главе с Ильиным на поиски бойца и захват вражеских лазутчиков, захвативших его. Но поиски не увенчались успехом. И боец пропал навсегда. Подними тогда руки Вениамин, сдайся фашистам, и от него бы не осталось следа. И водку бы сейчас некому было пить, вкладывать свои трудовые рубли в экономику государства, думал он не то с горестью, не то с радостью.

Упорно не забывался и случай, произошедший на

похоронах его старшей сестры Марии Алексеевны. На другой день после них пошла родня на кладбище, прихватив лопаты. Накопали дёрна на соседней полянке. Обложили могилу. Поправили венки. Простились с усопшей. Дома перед расставанием посидели за столом. После съеденного и выпитого пошли покурить. И чего-то не поделили Вениамин с миасским племянником Николаем, сыном сестры Таисии, мужиком хулиганистым, крепким, когда-то верховодившим в Старом Миассе.

– На кого ты тянешь, колхозный бугай? – приставал он к дядьке.

– А ты на кого, шантрапа миасская? – не отступал тот. – Я не таких, как ты, бил фашистов.

– А я бакланов городских молотил, только перья летели...

Ссора разрасталась. Николай не сдержался, наотмашь тыльной стороной ладони легко ударил по лицу дядю. И тут же на защиту отца подскочил младший сын Колька. Назревала драка, финал которой невозможно предвидеть. Но тут между ними оказался самый младший сын Ивана Владимир. Он прилетел с Северного Кавказа, где жил в последние годы. Человек мирной профессии, литератор и журналист, он до глубины души возмутился поведением родственников.

– Вы совсем ошалели, как последние бандюганы! Вас пригласили на похороны светлого, чистого человека, нашей мамы, а вы ведете себя поскотски, издеваетесь и кощунствуете над ее памятью. Немедленно прекратите, или я вас сам отлуплю! – устрашающе прокричал он.

Глаза его горели яростью, кулаки взбугрились, и Вениамину показалось, что они непримиримо закрипели и готовы были обрушиться на винов-

ников ссоры. К счастью, драки не случилось. И дальние гости засобирались к электричке.

Больше двадцати лет минуло с тех пор, а событие это врезалось в старческую память Ильина. И ему было стыдно за свое дурацкое поведение перед живыми людьми и перед памятью старшей сестры, которую он очень любил и жалел, которой в трудные минуты плакался на свою горькую судьбу и которая его понимала и тоже любила и жалела. Он очень сожалел об этом и корил себя. Но было поздно. И дела уже не поправить. И на душе становилось горько, хоть плачь.

– Господи, за что мне, грешному, такая мука, такая собачья жизнь? Забери ты ее и прекрати мои страдания! – все чаще просил старый минометчик, герой Великой Отечественной войны.

11

Все когда-то кончается – и детство, и молодость, и жизнь. Только водка всех переживает и никогда не кончается, не умирает, будто бьет ключом изпод земли. И ведет за собой смерть, словно ледокол ведет караван судов через Ледовитый океан. Нередко слышишь, что тот умер, этот гигнул, с соседней улицы известный товарищ отдал богу душу. И так далее. К сожалению, не все ушли в мир иной по естественной старости или неумолимой болезни. Кое-кто и от перепития и злоупотребления этим зловредным продуктом внутреннего заливания или сгорания. И многие из них в самом цветущем и работоспособном возрасте, оставив барахтаться в нелегком быту вдову и малых ребятшек, совершенно не заслуживших такой трагической доли. И все из-за этой проклятой и немилостивой

сердной жидкости, которая никого не щадит. И пить ее приучили советских мужиков на фронте.

А потом эта зараза, словно неумолимая чума, перекинулась на гражданских людей и принялась выкашивать их жизненное поле, как молодую траву, метать копны и зароды из пьяниц и выпивох. Забивать свежими могилами кладбища. И это последствия немилосердной войны, которая кроме разбомбленных городов, заводов, колхозов внедрила в массы бациллу алкоголизма. Порой истребляя целые семьи. Безжалостно сокращая население. А ведь в начале XX века в российских семьях рождалось больше детей, чем в любой стране мира, более, чем в Африке и Азии!

Из последнего тысячелетия мирная Россия воевала 700 лет. Вернее, отбивалась от нападков врагов, ибо сама ни на кого не нападала. И противники были серьезные. И татаро-монголы, и турки, и шведы, и поляки, и французы, и немцы, и Антанта, и гитлеровские фашисты, и другие господа, как жадные акулы разевавшие рот на богатства России. Не воюй она в XX веке, к его концу, утверждают ученые, ее население превысило бы 700 миллионов человек. А про взлет экономики, промышленности, сельского хозяйства, литературы и культуры говорить нечего. Всю жизнь мировые феодалы и капиталисты, как кровососы, терзали Россию и Советский Союз, миллионами уничтожали народ, который всеми силами, кровью и ценой своей жизни беспрекословно защищал ее. Ибо нет ничего святее защиты родной Отчизны. Защиты детей, стариков и всего населения.

Не остался в стороне и потомственный казак Вениамин Ильин. И вместе с миллионами других воителей дошел до самого Берлина, победил и

расписался на Рейхстаге. И ценой этой Великой Победы, кроме всего прочего, стала непреодолимая тяга к боевым стаграммам, переросшая в неистребимую привычку, которая не отпускает до самого смертного часа. И угодил в «полосу беспрепятствий», как он ее называл.

И диву даешься, откуда такие силы у уже немолодого человека, прошедшего невыносимые испытания? В суровые морозы и метели неделями лежавшего в глубоких снегах России, в ледяной воде европейских болот? Только одно этому объяснение: он фронтовик, у которого было единственное желание – выстоять, защитить родную Отчизну и победить. И болезни, как и враги, не выдерживали солдатского напора и отступали.

Судьба и в конце жизни его не щадила. То теленок картошкой подавится, то сети стащат в пруду в суровые 90-е годы разгула выдуманной очередными врагами «демократии», то лодку утонят, оставив заядлого рыбака и охотника без промысла. И болела его душа, когда садились утки на озерко – чуть ли ни в его огород, когда свечкой вылетали из воды серебристые рыбины. И он хватался за сердце, словно раненый, и шептал озлобленно:

– Довели, сволочи, народ и страну! За это я хлестался не на живот, а насмерть с фашистами? Освобождал Родину и поганую Европу? И достиг за все это одну награду – переходный период из живых в покойники? В общем, сдал позиции.

И слезы отчаяния и обиды катились по его крупному лицу.

В Бишкеке в последний раз его видели на похоронах племянника Сергея. За поминальным столом сидел молчаливо и нахохленно, как сдаю-

щий позиции старей ворон. Видно, что горевал. Но водки и грамма не выпил.

– Чего ты, дядя Вена, помянуть надо племяшато? – обратились к нему.

– Рад бы в рай, да грехи не пускают. Я свою намеченную цистерну уже одолел. И государственный план значительно перевыполнил, как и положено передовику окопного соревнования, за который столько упреков и тумачков получил, что за три жизни не сносишь, – не без привычной иронии отговаривался ветеран.

Он умер зимой на девятом десятке лет, когда особенно лютовали морозы и бушевали метели. Земля глубоко промерзла, и близкие кое-как добились колесного экскаватора. В такую погоду добраться до Щапиной – большая проблема, и родственников на похоронах было мало. Перед опусканием гроб стоял у края могилы. И провожающие в последний раз смотрели на его почти не изменившееся лицо. Оно казалось недовольным, будто спрашивало: «Что с вами, люди? Не бойтесь! С вами рядом Венка-бондарь. Батарея – 120. Артиллерия – бог войны!» Набежавший ветерок шевелил его поредевшие и поседевшие волосенки, пока гроб не накрыли крышкой. «Отмаялся, сердешный», – говорили старухи.

А годы летели дальше, не останавливаясь на земных событиях, будто были чужими Земле. Да и события в людской суматохе забывались быстро. Немногие вспоминали Вениамина Ильина, да и вспоминать-то уже было некому. Мол, был такой чудак-выпивоха и дебошир. Вроде как участник Великой Отечественной войны. Воевал и фашистов бил. Может, заливал по пьяной лавочке, кто его знает?..

И только через много лет внушка племянника Сергея Аня, жена офицера Российской Армии, копаясь в интернете, найдет этот материал.

Поиск людей и награждения

Ильин Вениамин Алексеевич

Год рождения: ___03.1914

Старший сержант. В РККА с ___ 1941 года

Место рождения: Челябинская обл., Чебаркульский р-н, с. Травники

Номер записи: 1376189177

Перечень наград: 1 – 13/н. 16.05.1944 – медаль «За отвагу»

НАГРАЖДАЮ командира миномета 9-й батареи ст. сержанта ИЛЬИНА Вениамина Алексеевича. В боях по прорыву Севастопольской обороны и в моменты окончательного разгрома пр-ка на мысе Херсонесе проявил себя отважным, стойким, отлично владеющим своей специальностью мл. командиром. В боях с 7 по 12.5.44 г., невзирая на шквальные артиллерийско-минометные обстрелы со стороны пр-ка и бомбардировку в ночное время с воздуха, его миномет, не прекращая огня, бил по укреплениям и живой силе пр-ка. На его счету имеется уничтоженных 1 мин. батарея, 2 пулеметных точки, 1 орудие ПТО, 1 зенитная установка и до 70 немецких солдат и офицеров

2 – 32/н. 04.04.1945 – орден Отечественной войны II степени.

Старшего сержанта ИЛЬИНА Вениамина

Алексеевича – командира минометной батареи 769 горно-артиллерийского Карпатского Краснознаменного полка. Командуя расчетом миномета в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Карпатах, показал себя смелым и инициативным младшим командиром. На его счету от огня миномета числится много уничтоженных огневых точек и живой силы противника. 19.2.45 г., участвуя в составе батареи в ведении огня по самоходным пушкам в районе с. Тшебиня, готовящихся к контратаке, благодаря самоотверженной и точной работе расчета, было подбито 2 самоходных пушки и убито 10 солдат противника. Контратака противника была сорвана.

Командир 769 горно-арт. Карпатского Краснознаменного полка

полковник МИЛЯКОВ

Начальник штаба полка

майор КОЛЕССА.

И остается добавить последние слова: Царство тебе Небесное, боец ИЛЬИН. Ты честно отдал долг своей Родине и народу. Пусть земля тебе будет пухом. А грехи простит Господь...

Поэт как гражданин

Как тень, печаль идёт за мною.
Удел поэта, знать, таков –
Жить между Небом и землёю,
Как зёрнышку меж жерновов.

Лишь только тем и уцелела,
Что мука мелется в муку.
Коль для поэта Слово – Дело,
Ложится всё, как есть, в строку.

Пусть заклеят меня презреньем
Завзятый сноб, и не один,
Близки мне жизни потрясенья,
Во мне живёт он, гражданин!

Пиит, ты всё о нежной страсти,
Которую воспел Назон?
Я – о народе и о власти,
О том, какие нас напасти
Давно гнобят со всех сторон.

Не кошка я, и слово злое
Легко снесут мои стихи.
Да, не французские духи,
Да, пахнут правдой и землёю.

И вдруг...Писать с таким вот
пылом
О прозе жизни? Горе мне!
Кастрюлю только зря спалила
На Прометеевом огне.

**ЕЛЕНА
ИВАНОВА**

Поэзия

На мелочи твой дар разменяю,
Ты это вспомни-ка, пиит:
«Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

А если жизнь такая сука,
Что для божественного звука
В душе покуда места нет?
Как, как поступишь ты, поэт?
Пегаса ты взбодришь ли прыть?

Спрошу себя и вспомню сразу:
«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан».

Лишь не пойму я до седин:
Где я поэт, где гражданин?
Другим пусть это не дано,
Во мне же эти ипостаси
В одно слились уже давно.

Улица Пикетная, рядом Эскадронная –
Вот куда под занавес жизни занесло.
Только не казачка я – старую вороною
У окна наохлилась, не гожусь в седло.

Каменной оградой дворик окороченный,
За оградой высятся не дома – дворцы.
А соседи наши-то умные, знать, оченно:
Жили так бояре лишь да знатные купцы.

Вкруговую зенками с каменными веками
Смотрится свечение настенных фонарей.
«Сплю ли я иль грезится?» – про себя кумекаю,
Говорю себе самой: «Ну, очнись скорей!»

Улица Пикетная, рядом Эскадронная,
Коммунаров улица тоже где-то есть.
И окно – бойницей мне. Словно оборону я
Всё держу, прицелившись в барствленную спесь.

А завоеватели... Кто они, которые
Под охраной стражников преспокойно спят?
Я умом ли тронулась иль сама История –
На дыбы – и с храпами повернула вспять?..

Что, когда случилось так? Словно бы в осаде мы,
Труженики скромные, тут и там – везде.
Скачет время тёмное безголовым всадником,
Кованой подковою звякнув по звезде.

Время Хама

Ремень затягивай потуже
Опять, российский наш народ!
Ведь аппетитам тем, хапужьим,
Не настаёт всё укорот.

И, на бесстыдство это глядя,
Уж в голос хочется кричать:
«Ну что же вы творите,
Дяди?!» –
Те, у кого в руках печать.

Печать, которая законы
Штампует, им давая ход.
Власть для народа не икона,
Уже изверился народ.

И ждут в тиши пустынной храмы
Под колокольный перезвон,
Когда изыдет время Хама
И Совесть возведут в Закон.

Дачники

Люблю я дачный наш народ!
Как обособленное племя,
Он города не признаёт,
Который давит лишь на темя.

Он волю вольную постиг
В пылу великого раденья
Не из мудрёных многих книг –
Из одного прикосновенья

К земле той, где как нигде
Хозяин он, в его всё воле!
Вон тётя Поля в борозде
Лежит ничком и лёжа – полет.

И раскапустившийся хрен
Не ведает, что там судачат
Политик или бизнесмен,
Он сам большой, а как иначе!

Пускай всемирный хоть потоп,
Народ наш пашет, сеет, косит,
И гордо зонтики укроп
Над огородом превозносит.

И хоть живёт он кое-как,
И ныне досыта не сытый,
Всё кормит брошенных собак,
И поневоле – паразитов.

И помнит, что его сыны
Мир оплатили щедро кровью,
И «лишь бы не было войны» –
На всё про всё его присловье.

Слепоупорный, аки крот,
Всё прозревающий, не глядя,
Люблю я этот наш народ,
Приверженный труду и правде.

Привычное дело

Как сладить мне с досадою?
Ну, до чего же мудрые!
Воруют – миллиардами,
Вывозят деньги – фурами.

Уже без осторожности,
Ведь дело-то привычное.
Страна больших возможностей,
Расеюшка, ты нынче им.

И сами-то правители,
Как будто бы не бедные.
Вот жаль, что старожители
Пошли такие вредные.

Казне в обременение
Живут, и внуков «ростят» всё.
И есть такое мнение –
Пора их снять с довольствия.

И в медицину вникни-ка:
Нужна оптимизация.
Зачем по «полуклиникам»
Зазря народу шляться-то.

И работагам нечего
Рот разевать на сладкое,
А горьким обеспечим их,
Они на водку падкие.

Пусть хмель выходит боком им,
Глаза закрыв, как шорами,
А нам барыш потоками
Течёт в моря офшорные.

Пируй, голь неудалая,
Да и в кулак посвистывай!..

Вот так, поди, и стану я
Под старость коммунисткою.

Старая мельница

На краю села Манычское за околицей притаилась вдали от людской суеты последняя на Ставрополье старинная каменная ветряная мельница. На вид она, как сторожевая башня, тянется к небу, и кажется, что мельник наблюдает за пришлыми сквозь небольшие окошки. Обветшавшая, но крепенькая. Жаль, не сохранились ветрила. Так и стоит одинешенька сиротливо. А вокруг неё только горькая полынь. Я смотрю на полуразрушенную мельницу, а воображение дорисовывает, как в давние времена крылья были ещё на месте и крутили без усталости жернова.

От разыгравшейся фантазии слюнки текут, хочется съесть корочку пышного сельского хлеба. Мы подъезжаем к местной пекарне. Манит аромат свежее испеченной сдобы.

На ступенях стоит низенькая бабушка, опершись на свой костыль.

– Чьих ты? Здешних бо пришлых? – спрашивает она меня.

**ЛИЛИЯ
ЖИДКОВА**

Краеведение

– И тех, и других. Здешние мои по фамилии Прудий и Новик.

Старушка всматривается в меня, будто пытается отыскать знакомые черты.

– Прудый... В старину прудом называлы водяну мельницу, а прудиём – мирошника, який знавался с водяным и нечистою силою... – шамкает она негромко и не торопясь спускается по ступенькам к дорожке.

– Не обращайтесь внимания, предрассудки старых людей, – успокаивает продавщица, стоящая в дверях магазина, и жестом приглашает вовнутрь. Эта крепкая женщина белозубо улыбается, ловко достаёт с полки совсем ещё тёплую булку хлеба и протягивает мне.

– А про мельницу я вам вот что расскажу. В то время, когда Маньчское называлось Киста, жил здесь один кулак. И наградил его Бог дочерью неземной красоты. Задумал отец построить мельницу и позвал каменщика. Работник тот оказался немым. И повезло же ему влюбиться в эту красавицу. Не ел, не спал, томился, глядя на дочку кулака. А чувства свои открыть не мог. В знак вечной любви выстроил он мельницу.

– А что же с ними стало?

– Кто ж знает... Отца вместе с дочкой наверняка раскулачили и сослали в медвежий угол. А работник исчез, только его и видели.

Заповедный Маныч

Долгая дорога закончилась. Мы на берегу солёного озера Малый Маныч, на границе Калмыкии и Ставрополья.

Кругом августовская выжженная степь. Холмы. Серебрится полынь на ветру. Вдалеке голубеет и сливается с небом озёрная гладь. Шумят камыши, и чудится, как здесь когда-то давно просторно царствовал океан, а озеро ныне – всё, что осталось от тысячелетий.

Сотню лет назад здесь гремела Гражданская война. Родные братья обагрили землю кровью, а степь по-прежнему цвела дикими тюльпанами. Земля эта приняла семьи выселенных казаков. В том числе, семью моей бабушки. Степь стала для них пристанищем. Лелеяли переселенцы мысли о скором возвращении домой, но думам этим не суждено было сбыться. Казаки обрабатывали скудную суглинистую почву, на судьбу не роптали. Соль из озера помогала выживать в лихую засушливую годину. Её собирали и отвозили на подводах, запряжённых быками, на родину, на Кубань, обменивая там на пшеницу. Пустил здесь корни и наш казачий род Прудий-Новик.

Крепко привязана я сердцем к горько-полынному краю, до боли родному и милому. На Маныче я чувствую себя не просто проезжей туристкой, здесь всё вокруг – мой дом. Хочу обнять степь, да бескрайняя она, вольная. Оседлать бы сейчас скакуна, да рвануть во всю прыть наперегонки с ветром... Всё мне здесь любо: и цветы, и травы, и солевые озера, и каждая птица – на особинку.

Заприметив пеликанов, не могу отвести взгляд. Птицы-великаны группками разбегаются по мелководью, взмахивая грузными крыльями, набирают небольшую высоту и стремительно падают, рассекают воду, окатывая брызгами. От

одних добыча ускользнула, другие же жадно заглатывают рыбёшек, щёлкая оранжевыми клювами. Пеликаны снова поднимаются в небо и – снова пикируют вниз с гортанным криком...

Порыв ветра налетел с противоположного берега Калмыкии. Донёлся перебоистый гомон: это кречетки делят речное пространство с чайками-хохотуньями. На Маныче поднимается небольшая волна. Неуклюже на длинных красных лапках убегают ходулочки от прибоя, вода отступает, и они вновь приближаются к кромке. Так и бегают от прилива к приливу. Эх, какой же здесь птичий рай! Гладь озера искрится от солнца – долго смотреть на поверхность воды трудно – слезятся глаза. А какие облака! Белые, нежные, они точно гладят небесную лазурь.

По всей долине разносится мычанье коров. Разливается звонко колокольчик, что на шее у одной из них. Стадо неспешно кочует по береговым холмам в колючем сухостое, вдоль солончаков, по речной луговине.

Горячий воздух таит легкий запах разнотравья – последний привет уходящего лета. Ни с чем другим не спутаю этот упоительный аромат целинной степи.

Как же не хочется уезжать! Я оглядываюсь назад и вижу большую руку изогнутого Маныча с протоками, которая по-дружески тоже тянется ко мне...

Русь

Умом Россию не понять...

Ф. Тютчев

Я тебе не устала в любви
объясняться,
Хоть и всю до конца мне
тебя не понять.
На ковыльных ветрах
не устала качаться,
Полевыми цветами
не устала дышать.

Не устала с тобою смеяться
и плакать,
Над твоею судьбою
колыбельную петь.
Над гусиною речкой
ведерками звякать,
И стихами тебя в дни
печальные греть.

И от этой, наверно,
не усталости светлой
Вековые стихают дожди и ветра.
И деревни, что стали,
как скворечники, ветхие,
Как могли, сохранили твои купола.
Я тебе не устала в любви объясняться.
Ты одна в моем сердце, Родимая Русь.
Как же больно с тобой будет мне
расставаться...
Ты открой мне объятья, когда я
возвращусь.

**ВАЛЕНТИНА
НАРЫЖНАЯ**

Поэзия

Затерялась моя родословная,
Как звезда средь безмолвных полей.
Но шумит ее ветка зеленая
У истоков России моей.

И над каждым распаханном полем,
И над каждой согбенной избой
Пролегла бороздой моя доля,
Словно луч золотой над стерней.

И хоть шлет мне судьба испытанья,
Терпеливо несу я свой крест...
Поднимается род мой, как знамя,
В пелене затуманенных лет.

Что там будет – туман или свет,
Или луч – прямо с неба под ноги?
Только знаю: за далями лет
Не свернуть со своей мне дороги.

Не уйти от просторов степных,
От зари, что стучится в окошко.
Хуторов, деревенок родных,
Где лучи собирают в лукошко.

Где курганы хранят тишину
И тропинки травой зарастают.
От порога там гонят войну,
Но сынов на нее провожают.

Где печаль и тоску – пополам,
И где радость предела не знает.

И где песни гремят по дворам,
Хоть метель за окном завывает.

Только здесь, отдыхая душой,
И рассвет наполняя стихами,
Поняла я, что лучший покой –
Это степь с полевыми цветами.

Где туманы плывут по утрам,
И на крыши домов оседают,
И где грудь подставляешь ветрам,
И где чувства предела не знают.

Тропы славян

Правое дело – святое!
Брат мой, остри свой меч!
Ангелы над тобою
Будут тебя беречь.

Дон берегов не сужает,
Батюшка-Дон зовет.
Брат мой коня седлает,
Брат мой в поход идет.

Нет, не остыли тропы
Там, где скрипит бурьян, –
Вновь обжигают стопы
Тропы славян!

Будто из Дона выйдут
Наши богатыри.
Копья лавиной хлынут
На вражьи главы...

Богом в боях хранима,
Вечен твой, Русь, Иван.
Есть в тебе божья сила,
Жив в тебе дух славян!

Не за горами чудо,
Время славян придет.
Жить будут в мире люди,
Словно один народ.

Поклон тебе, обитель русская –
Моя степная глухомань.
Поклон тебе, тропинка узкая,
И Божий свет – куда не глянь.

Поклон вам, старые скворечники,
Поклон тебе, мой дед Захар!
Поклон вам, ивушки у реченьки,
Поклон вам всем, кто мал и стар.

Из дальних странствий я вернулась
Не чужестранкой, а своей.
Как больно сердце встрепенулось
От крика русских журавлей.
И ноги будто подкосились,
И закипела кровь в груди!
И тополя, что часто снились,
Вдруг зашумели впереди.

О, милый край – моя судьбина,
Тебя от сердца не отнять.
Прости меня – твою детину,
Отца и мать позволь обнять.

Я родился, где цветут саранки

Я родился, где цветут саранки,
Где медунки сладкие, как мёд,
Где грибы, как скатерть-
самобранку,
Лес-колдун обильно подаёт.

Где от ближних хлеб и соль не
прячут,
Где плевать в колодец – тяжкий
грех,
Где не бьют убогих и лежачих,
Где невзгоды делятся на всех,

Где на ветер не бросают слово,
Не юлят, не ползают у ног,
Где не надо убеждать другого,
Чтобы тот в беде тебе помог.

Отчие гнёздышки

Низкие домики, снегом покрыты,
Будто кораблики, в далях открытых,
В небо струящийся сизый дымок
Сердце доньине сжимают в комок.
Милые, тихие, невыразимые,
Отчие гнёздышки, Богом хранимые!
Много я видел на свете мудрёного:
Волны кипящие, пальмы зелёные,

**КОНСТАНТИН
ХОДУНКОВ**

Поэзия

Виллы, дворцы и дома-исполины,
Но только к ним я прирос пуповиной,
К ним, да к бескрайним снегам этим
белым
Сердце моё навсегда прикипело.

Старая берёза

Я помню нашу старую берёзу,
Что в землю, словно жилами, вросла.
Я вижу, как она, роняя слёзы,
Согнулась у околицы села.

Её сечёт безжалостная осень,
Ей всё труднее стать свою хранить,
И хочется мне всё на свете бросить
И перед нею голову склонить.

Письмо маме

Здравствуй, мамочка, здравствуй, родная.
Пишешь ты: как живу я сейчас?
Не скучаю ли я, не хвораю,
Не забыл ли я в городе вас?

Ты права: я, как лист, что от дерева
Отлетел далеко-далеко,
Но душа-то к селу прикипела,
И поверьте, мне здесь нелегко.

Не забыл я, живя на чужбине,
Ни сельчан, ни родные края,

И пока моя кровь не остынет,
Не забуду, родная моя!

Ни того, как ты к Богу взывала,
Как в молитвах просила его
Пожалеть твоих деточек малых
И вернуть в дом отца моего.

Помню домик с «играющим» полом,
Угол наш, будто старая клеть,
Как босыми мы бегали в школу,
Как ты нам не дала умереть.

Как украдкой слезу вытирала
И, порой выбиваясь из сил,
Ломтик хлеба для нас добывала,
Помню всё, ничего не забыл.

Красоты земли

Жизнь наша безгранично хороша
В своём разнообразии широко:
У каждой песни есть своя душа,
У каждой речки – нравы и истоки.
Леса сильны сплетением корней,
Пустыни – непомерным тяжким
знанием.
Металла твердь рождается в огне,
В труде – таланты, гении, герои.
С лучом весны течёт берёзы сок,
Скользят на север птичььи вереницы.
Из почки пробивается листок,
Вбирает силу зёрнышко пшеницы.

Во всём есть жизни тоненькая нить –
Биение невидимого тока,
И дай нам Бог всё это сохранить,
Как сердце наше, как зеницу ока.

В пути

Четвёртый день стучат колёса.
Четвёртый день плывёт земля.
Бегут овраги и откосы,
Скользят осенние поля.

То тут, то там мелькнёт дорожка,
В окне вагонном задрожит,
То вдруг берёзка-белоножка
Перед глазами пробежит.

Как самобытные картины
Плывут, плывут передо мной
Ложбины, сопки да равнины –
Простор земли моей родной.

Жнивье чуть светит позолотой,
Качаясь, движутся стога,
Мелькают рыжие болота
И пожелтевшие луга.

Вот по заросшему увалу
Неторопливо, налегке
Копна к речушке побежала
И потерялась вдалеке.

Вот я уже среди скал зубастых,
Причудливых волшебных гор,
Вот вновь, стуча на перекатах,
Я вылетаю на простор.

И вдруг меня в тиски замкнула
Седых столбов немая рать.
Вот серым блюдцем промелькнула
Озёрная стальная гладь.

А вот, как мир замороженный,
Как будто чудо из чудес,
Созревший, полуобнаженный
Сибирский богатырский лес –

Плывёт загадочный, багряный,
Огнями осени горя,
Плывёт парчою златотканой,
Плывёт, как красная заря.

Плывёт краса тысячелетий,
Плывёт, как сказка наяву.
И я, забыв про всё на свете,
Куда-то вместе с ним плыву.

Мой взгляд легко скользит по морю
Зелёной бархатной тайги.
Душа, как чайка на просторе,
Стремится вдаль, за кромку мги.

В восторге сердце замирает.
Душа летит куда-то в рай.
Неужто есть, но где – не знаю,
Такой же необъятный край?!

Неужто где-нибудь на свете
Есть вот такие же леса,
Такой размах, такие реки,
Такая дивная краса?

Стучат колёса по Сибири,
Заснуть под стук их – благодать.
Моей земле, моей России
Конца и края не видать.

Сеньорита

(глава из романа)

Во время гражданской войны в Испании сбит советский летчик. От фалангистов его спасает девушка, оказавшаяся дочерью русского эмигранта. На родине pilota объявляют предателем, перешедшим на сторону Франко. Так для Дениса Вершинина, сына царского полковника, никогда не видевшего своего отца, начинаются невероятные приключения...

«Ишачок» сильно клюнул носом.

– «Чато», ты что делаешь? – заорал Денис, рванув ручку на себя.

Бросил взгляд направо и понял, что все, амба. В верхней плоскости были такие дыры, что самолет лететь дальше просто не мог, крыло почти отвалилось. Еще и внезапно задымил мотор, закашлял. Значит, и ему досталось.

– Прости, родной.

Он никогда этого не делал. Но раз приперло...

Попытался расстегнуть привязные ремни. Оба-на! А ни фига. Земля крутнулась еще раз. Да давай же! Он дернул

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

Проза

снова, теперь уже изо всех сил. Сработало, замок открылся. И он вывалился из кабины неизвестно куда, почти сразу же потянув скобу парашюта.

Ну, были у него три обязательных прыжка, знал, что это такое – прощальный толчок инструктора в спину, восторг после открытия купола, долгое висение на стропах и довольно жесткое приземление на полусогнутые ноги.

Но в этот раз было совсем по-другому. Визг воздуха, резкий рывок и спустя буквально несколько секунд удар, треск веток, свой крик. И темнота.

– Эй, ты живой?

Так хорошо было лежать на мягкой траве, ни о чем не думая, просто наслаждаться покоем. Вот только этот голос... Как же он мешал!

– В себя приходи! Да быстрее, быстрее!

Он приоткрыл глаза. Чистое голубое небо, в котором он только что летал на своем верном «курносом». Что-то потом случилось плохое. Но вот что именно?

Перед глазами появилось чье-то лицо. Пока еще размытое, непонятное. Он постарался сфокусировать зрение. Ага, женщина, нет, скорее – девушка с пышными рыжими волосами. И глаза, кажется, голубые. Точно, так и есть.

Незнакомка дотронулась до его лица и опять поторопила:

– Давай, быстрее приходи в себя!

– Отстань... – только и смог он прошелестеть пересохшими губами.

– Дурак! – разозлилась она. – Тут скоро фалангисты будут!

Фалангисты? Черт побери, он в Испании! Тогда почему понимает ее? Он же испанского языка почти не знает?

– Ты кто?

– Ольга! И хочу тебе помочь! Приходи в себя и вставай!

– Какая еще Ольга? Нет такого имени!

– Хрен с тобой, имени нет, а я есть! И если мы сейчас отсюда не уберемся, не будет ни тебя, ни меня! Не говоря уже об именах!

О, это уже по-нашему! Так она на русском говорит, а не на испанском? Интересненько...

– Помоги подняться.

Девушка ухватила его за шиворот комбинезона, напряглась, потащила вверх. Он оперся сначала на одну руку, потом на другую, сел, согнул ноги в коленях. Так, с ногами ничего страшного, а он-то думал, что переломал их, так неудачно приземлившись. Похоже, попал прямо на дерево, раскидистый такой дуб. Вон и парашют в ветках застрял. Удачно, выходит, приземлился. Высота была мизерной, купол только успел раскрыться. А он, значит, просвистел сквозь ветки и на последнем метре брякнулся о землю. Вот почему сознание и потерял.

Теперь надо встать, попробовать, не повредил ли позвоночник.

– Помогай!

Она тянула его за руки, а он поднатужился и... встал! Постоял, немного качаясь, потом утвердился на ногах, подвигал корпусом. Тело немного гудело, но это скоро пройдет.

– Нужно сдернуть парашют.

Вдвоем они вцепились в привязную систему и стропы, подергали, подергали и получилось! Купол съехал вниз, застыл горкой белого шелка.

– Сматываем!

Кое-как скомкали все это хозяйство в более

компактный тючок.

Денис посмотрел на Олгу.

– И что теперь?

Она тревожно оглядывалась по сторонам, к чему-то прислушиваясь.

– А теперь побежали! У меня есть мотор. Успеем добраться – нас не поймают!

Ха, бежать! Тут еде ноги переставляешь, они все время подломиться норовят. Но кое-как, ковыляя, он следовал за девушкой, шустро спускавшейся с холма.

Ничего так у нее была машинка. Длинная открытая «испано-сюиза» черного цвета. На такой в пору генералам ездить. Не советским, разумеется.

Олга уже прыгнула за руль, Мотор, похоже не выключала.

– Давай, давай! – торопила она.

И он старался, как мог. Получалось плоховато, но все же удалось сбросить парашют на заднее сидение, а самому с кряхтением и стонами уместиться на переднем, рядом с девушкой. Странная Олга тут же рванула с места, одновременно выкручивая руль. Автомобиль развернулся и запыхтел по дороге все быстрее и быстрее.

Девушка откинула с лица густую рыжую прядь, закрывшую ей глаза, посмотрела на спасенного летчика, улыбнулась и сказала уже спокойным тоном.

– Ну, теперь точно не найдут.

– Уверена? – скептически поджал губы пилот.

– Процентом на восемьдесят. До поместья тут пять километров. Ну, придут проверять, даже обыск могут сделать. Но мы тебя так упрячем, что ни одна собака не найдет.

– Мы?

– Мой отец и я. Тебя как зовут-то, сбитый?

Он хотел обидеться на «сбитого», но потом подумал, что она права, его действительно сбили, и просто представился боевым псевдонимом:

– Мануэль.

– Да иди ты! – удивилась девушка. У нее даже руки дрогнули, и машина слегка вильнула. – Ты что, испанец? А почему по-русски так здорово чешешь?

Ну что ей было ответить? Что в целях конспирации всем советским добровольцам присваивались испанские имена? Хотя все и так знали, что это – военные из Советского Союза.

И он просто промолчал.

В голосе Ольги звучало разочарование.

– Ая-то думала, соотечественника спасаю.

– И какая разница? – поинтересовался Мануэль-Денис.

– В сущности, почти никакой. Но спасти советского было бы гораздо романтичнее. И папеньке бы очередной раз фитиля вставила.

– Это каким же образом?

– Не любит он все советское. Ненависти нет, но относится очень скептически.

– И с какой же радости? – заинтересовался советский пилот. Очень ему такое «папенькино» отношение не понравилось.

– Да имение наше все вспоминает под Рязанью. Насколько я помню – богатое было имение. Я маленькая еще была, когда бежать пришлось. И Россию ему жалко.

– Так он, выходит, из «белых»? – с неприязнью спросил Денис.

– Не-ет, папенька не воевал! – рассмеялась Ольга.

– Просто почувствовал, куда все катится, махнул

рукой, перевел капиталы за границу, собрал семью, пожитки и уехал. Как раз перед началом войны.

– Гражданской?

– Почему? Мировой. Сначала во Францию, а потом сюда перебрался. Но, видишь, теперь и тут покоя нет. Фалангисты не очень достают. Правда, иногда наезжают, какие-то предложения делают.

– Соглашается?

– Ни в какую! Заявил, что он к политике никакого отношения иметь не хочет. Есть виноградники, есть оливы – ему этого хватит. Пока удавалось отбиваться.

Все равно Денису активно не нравился Олгин папенька. Ишь, барин! Хорошо устроился! Вокруг война, мировая революция на носу, а он сидит в своем поместье и в ус не дует. Где-то он слышал фразу: «Если ты не интересуешься политикой, то она вскоре заинтересует тебя». Ее и выдал девушке.

Та беспечно рассмеялась.

– Полная ерунда! Мы живем, никого не трогая, и нас никто не тронет! Кому нужен престарелый граф и его баламутистая дочь?

– Так ты, вы ходит, графиня? – подивился Денис.

– Выходит, так, – легко согласилась она. – И что из этого?

И неожиданно спросила:

– Так как тебя в действительности зовут, «Мануэль»? Нос у тебя не очень на испанский похож.

– Нос как нос, – пробурчал пилот. – Ну, Денисом кличут.

И ехидно добавил:

– И что из этого?

– Ничего. Красивое имя, благородное. Так героя Отечественной войны звали. Денис Давыдов. Слышал о таком?

– Читал, – буркнул разоблаченный «Мануэль». – Он еще партизаном был.

– Так вот папенька его дальний потомок. Ему понравится, что я русского Дениса спасла.

– Очень мне нужно твоему папеньке нравиться, – ядовитым тоном сказал Денис.

– Зря ты так, – вздохнула Ольга. – Познакомишься – увидишь, что он милейший человек.

– Ладно, познакомимся, – согласился пилот. – Все равно пока деваться некуда. Но долго я у вас не задержусь! Мне к своим надо!

– Это уж как получится, – не стала спорить девушка. – Но мы что-нибудь придумаем, чтобы тебя переправить. Что у тебя с испанским?

– Плоховато, – сознался он. – Я совсем недавно прибыл. И бой этот у меня был только пятым.

– Сбил кого-нибудь?

– Один «юнкерс».

– А твой самолет как назывался?

– «И-15», «ишачок». По-вашему – «чато».

– Значит, или «буррито», или «курносый», – перевела она.

– Нет, «ишачком» только мы называли. Ваши – «чато».

– А кто тебя подбил?

Денис задумался. Все произошло слишком быстро. Мелькнула тень, самолет затрясло от попаданий, а дальше – прыжок, удар и земля.

– По-моему «хейнкель», но я не успел рассмотреть.

– Значит, немец, – авторитетно заявила Ольга.

– Вероятнее всего, – согласился Денис.

Они тем временем въехали на холм, и она показала вперед:

– Вот и наша финка.

– Не понял, при чем тут нож?

– Да не нож, дурачок! – рассмеялась она. – «Финка» по-испански – поместье. Наше так и называется – «Рязан».

– Послушай, что вы все выкидываете мягкий знак из слов? Ты ведь тоже не Ольга, а нормальная Ольга! И поместье это ваше наверняка называется просто Рязань!

– Ну, тут за границей так принято. Вон, водочный производитель из Смирнова превратился в «Smirnoff». Не знаю, почему так происходит. Но ты действительно можешь называть меня Ольгой.

– Или Олей, – добавил он, разглядывая ее вьющиеся на ветру рыжие волосы.

– Меня так мама называла, – погрустнела девушка. – А еще Олюшкой.

– Что с ней случилось?

– Умерла. Уже здесь, – коротко ответила рыжеволосая спасительница. – И не будем об этом.

Ему только и оставалось сказать:

– Прости.

Автомобиль спустился с холма, въехал на обширную, посыпанную ярким желтым песком площадку перед домом. Но останавливаться не стал. Ольга завела его в распахнутые ворота гаража, где стояла еще одна машина, заглушила двигатель, выскочила из-за руля и закрыла створки ворот.

– Вот теперь мы точно в безопасности! – объявила она. – Выходи!

И добавила:

– Извини, что не к парадному подъезду достави-

ла. Но так меньше посторонних глаз будет. У нас обслуга небольшая, но пара испанцев есть. Вдруг проболтаются.

– Ничего, мы не гордые, – прокряхтел Денис, выбираясь из машины. – Парашют бы спрятать понадежнее.

– И переодеться тебе не мешает. Комбинезон – не тот наряд в котором по поместью разгуливают.

– Да я и не собираюсь разгуливать! – возмутился пилот. – Пару дней отлежусь и к своим рвану!

– Насчет пары дней – это ты погорячился, – резонно заявила девушка. – Судя по тому, как ты брякнулся – а я это видела собственными глазами – ушибы у тебя должны быть довольно серьезными. Без осмотра доктором тебе сейчас нужно лежать и кашку кушать.

Говоря это, она вытащила с заднего сидения тючок парашюта, отнесла его к задней стенке гаража и засунула в какой-то ящик, сверху привалив рваными тряпками, служащими, видимо, для протирки автомобилей.

– Какая там кашка! – брюзгливо сказал Денис. – Я в отличной форме!

– Ну, да, – ухмыльнулась Ольга. – Поэтому и кряхтишь, как старый дед, при каждом движении.

Он действительно чувствовал себя не на пятерку. И голова что-то кружилась. Как бы в обморок не грянуть прямо на глазах этой рыжеволосой.

Девушка поняла это, видимо, по перекосившемуся лицу русского и, заботливо подхватив под руку, повела в дом через находившуюся тут же дверь. А что, удобно, можно не выходя под дождь сразу сесть в машину.

Проведя Дениса узким и недлинным коридором, Ольга ввела его сначала в кухню. Тут имелись

несколько столов, две плиты и уйма сковородок, кастрюль, прочих кухонных причиндалов.

– Повара нет, сегодня воскресенье, он дома, – объяснила девушка безлюдье этого помещения. – Пойдем, пойдем, папенька слышал, как я приехала, сейчас обязательно поинтересуется, где меня носило!

– Что, часто носит? – поинтересовался Денис просто так, без всякого второго смысла.

Ольга поняла правильно.

– Я иногда езжу по окрестностям, воздухом дышу. Но в города без сопровождения папеньки никогда не заезжаю. Чтобы на какого-нибудь дурака не напороться. Испанцы – народ непредсказуемый и до женского пола охочий. Как начнет идальго полуниций приставать да комплименты говорить – не отвяжешься! Пистолетом приходится грозить!

– Никого не застрелила?

– Бог миловал! Разбирайся потом с его родней!

– Забавные тут у вас нравы, – не удержавшись, пробормотал пилот.

– А-а, ерунда, отмахнулась Ольга. – Я ведь их понимаю. Это Кармен, наверное, красивая была. А в большинстве своем испанские девушки страхолюдины. Даром, что смуглые.

– Какая это Кармен? – заинтересовался Денис.

Девушка посмотрела на него почти испуганно.

– Ты что, Мериме не читал? И опера такая есть. Бизе.

– Не до опер мне было! – сердито сказал парень, чувствуя, что краснеет. – Я летать учился!

– Не переживай, – постаралась утешить его Ольга. – У нас в библиотеке есть на русском языке, дам почитать!

– У вас и библиотека своя? – удивился Денис.

Хотя, чему тут удивляться? Он как-то раз был у Лешки Игнатова, приятеля по летному училищу, дома. Так в кабинете его отца, университетского профессора, все стены были заставлены шкафами с книгами. Все больше старыми, с тисненными золотом корешками.

– У нас много чего! – рассмеялась рыжая. – Библиотеку папенька еще из России вывез. Ни за что не хотел оставлять.

«И правильно сделал, – первый раз в положительном смысле подумал о «папеньке» Денис. – В Гражданскую эту библиотеку точно бы в печку пустили. Очень холодно было».

– Ну, пойдём! – снова заторопила Ольга. – Не терпится тобой перед папенькой похвастаться!

И потащила его за руку вглубь дома. Он не сопротивлялся, только думал, что похож на телка, которого ведут на бойню. Но тут же и смутился своей мысли. Какой телок, какая бойня? Попал в приличный дом и придумывает себе страхи! Подумаешь, графиня! Видели мы эти графьев!

На самом деле, живых графов Денис, конечно же, не видел. Только на картинках в затрепанной книжке «Три мушкетера», попавшей к нему случайно. Вот там Атос действительно был графом. Как его... а, де ла Фер! Симпатично выглядел, в плаще и при шпаге.

Нет, конечно, есть еще «красный граф» писатель Алексей Толстой. Но и его видеть не приходилось.

Попав, наконец, в жилые комнаты, он понял, что Ольга действительно была права насчет несоответствия его одеяния. Ну не смотрелись комбинезон, шлемофон и тяжелые ботинки в окружении

старинной мебели, да еще и на паркетном полу. И люстра какая-то со стеклянными (или хрустальными?) висюльками на потолке.

Но оценивать сей факт, а также рассматривать интерьеры времени уже у него не было. Потому что навстречу спешил довольно бодрый дедуля в байковой куртке, расшитой какими-то вензелями, и брюках с острыми стрелками. Довершали композицию лаковые туфли, блестящие, как сапоги у какого-нибудь маршала. Маршалов, впрочем, как и графов, Денису видеть еще не приходилось. Так, просто сравнение.

– Ольга, дитя мое! Где тебя опять черти носили? Сколько раз повторять: за пределами финки сейчас очень опасно! Ведь война идет! И кто этот молодой человек?

Говорил граф по-русски очень чисто и и правильно, одновременно пытливо вглядываясь в пилота. Подошел ближе, обнял дочь чмокнул ее в щечку.

– Папенка! – торжественным тоном сказала Ольга. – Позволь тебе представить советского авиатора Дениса! Фамилию еще не знаю. Я его от фалангистов спасла!

Граф в волнении прижал ладонь ко лбу.

– Господи, какой авиатор, какие фалангисты?

Ольга ласково обняла его за плечи, мягко, но настойчиво повела к креслу, стоявшему у стены.

– Присядь, успокойся, сейчас все расскажу в подробностях. Вина тебе подать?

Хозяин дома на секунду задумался.

– Пожалуй... Стаканчик тинто.

– Сию минуту!

Девушка открыла какую-то дверцу в стенном шкафу и достала оттуда темную бутылку без этикет-

ки. Денис заметил, что когда дверца открылась, внутри довольно объемистой ниши зажегся электрический свет. И было видно, что вся эта ниша заполнена разнообразными бутылками и бокалами.

Ольга взяла два бокала, обернулась к пилоту.

– Красное будешь? Или тебе белого?

Денис замотал головой.

– Никакого, что ты!

Она пожала плечами.

– Как знаешь. А я тоже выпью за компанию с папенькой.

Вот это Денису вовсе не понравилось. Пьющая девушка – ну куда это годится? Нет, он совсем не был ханжой, но пить вот так, без закуски?

Ольга белыми ровными зубами выдернула пробку, ловко плеснула в оба бокала, один вручила отцу, из другого с удовольствием отпила сама.

– Зря отказываешься, вино хорошее, с наших виноградников.

У, буржуи! И вино-то у них свое!

Не ожидая приглашения, подвинул еще одно кресло и нахально уселся в него. В ногах ведь правды нет?

– Ох, извини! – сконфузилась девушка. – Не предложила тебе сесть. Невежливо как!

«Ничего, мы, советские, привычные», – хотел сказать он, но все же промолчал.

Граф пригубил свой бокал, покатав вино во рту, проглотил.

– Все-таки какой-то привкус есть, – озабоченно сказал дочери. – Так я слушаю.

– Поехала я, папенька, сегодня немного покатаюсь, – начала она свое повествование. – Заодно и в оливковую плантацию заглянуть. Вдруг, вижу в воздухе аэроплан. Другой мелькнул, протарахтел и

улетел. А тот задымился и стал медленно падать. Из него человек выпал, парашют раскрылся. Но невысоко над землей. И попали они напрямиком в старый дуб на холме. Ну, ты помнишь.

Граф кивнул, не прерывая ее рассказа.

– Я автомобиль выключать не стала, выскочила и – бегом на холм! Думаю, вдруг авиатор жив остался и ему помощь требуется?

Вот тут граф неодобрительно сморщился.

– Ты совсем не думаешь о последствиях!

Вздыхнул:

– Впрочем, как и всегда!

– Полно, папенька! – беспечно отмахнулась девица. – У меня ведь с собой револьвер был!

«Вот как?» – удивился про себя пилот. – «А я и не заметил!»

– Взбежала наверх – а там он лежит!

Она картинным жестом указала на Дениса. Тот непроизвольно поежился.

– И представляешь – совсем без чувств! Я думала – насмерть разбился! Подула на него, по щекам пошлепала – нет, глаза открыл. А потом и вовсе встал! Вдвоем стащили с дерева его парашют и укатали. Вот и все приключение!

– Н-да, – опять вздохнул граф. – Умеешь ты найти себе авантюру! Ну-с, молодой человек, позвольте представиться!

Он привстал в кресле, склонил голову.

– Граф Рязанцев Александр Петрович! Кавалер многих орденов, а ныне – мирный помещик и владелец финки «Рязан».

Денис тоже изобразил наклон головы, но вставать не стал – не приучен перед аристократией, хоть и бывшей расшаркиваться.

– Лейтенант Денис Вершинин, Красная Армия.

– И что же делает Красная Армия в сей отдаленной стране, позвольте полюбопытствовать?

– Помогает испанским трудящимся в их борьбе с международным фашизмом, – просто и незатейливо ответил пилот.

– Так уж и международным? – усомнился Рязанцев.

– А, думаете, кто меня сегодня сбил?

– И кто же?

– Немец, фашист! Он-то что в Испании делает?

– И вы не дали ему достойного отпора?

Денис скорбно покивал.

– Вы правы, не дал! Не заметил его гада, прошляпил!

– Прискорбно, весьма прискорбно, – сочувственно покивал граф.

– Куда уж прискорбней! – поддакнул пилот.

– Каковы ваши дальнейшие планы?

– Пробраться к своим и снова драться! – отрезал советский пилот.

– Похвально. Но это не так легко выполнить, я думаю, – опять усомнился Рязанцев. – Линия фронта довольно далеко отсюда, да и сам переход ее сопряжен с немалыми трудностями.

– Ничего, как-нибудь, – храбро заявил Денис.

– Этот русский «авось»! – хмыкнул граф. – Нет, уж, молодой человек, тут необходим строгий расчет и помощь многих людей.

– Но, – продолжил он, вставая, – детали можно обсудить и за обедом. Надеюсь, вы не откажетесь составить нам с Ольгой компанию?

– Не откажусь, – согласился Денис. Есть ему и правда хотелось, чего комедию ломать? Мол, с вашего стола советскому человеку и крошки не возьму! Гордо, конечно, но и глупо. Хорошие люди

(а что они хорошие, Денис теперь почти не сомневался) от чистого сердца предлагают подкрепить силы. И при чем тут гордость?

– Олга, прикажи накрывать, – велел граф. – А мы пока с Денисом... простите, как вас по батюшке?

– Игоревич.

– С Денисом Игоревичем еще побеседуем, а заодно и покурим. Вы ведь курите?

– К сожалению, да.

– Почему же к сожалению?

– Доктора говорят – очень вредная привычка. Я ведь спортсмэн.

– Оставьте! Для докторов любая привычка – вред! А у меня отличные сигары! Вы ведь любите сигары?

Сигар Денису курить не приходилось. Но не сознаваться же в этом перед отцом Ольги? И он согласно кивнул.

– Вот и отлично! – обрадовался Рязанцев. – Пройдемте в патио, там удобно. И лишних глаз не будет.

Загадочный «патио» оказался уютным двориком со скамеечками, тенистыми деревьями неизвестной Денису породы и маленьким фонтанчиком посередине. Действительно, удобно побеседовать и покурить в тишине и покое.

– Угощайтесь, – протянул гостеприимный хозяин деревянный ящичек.

Денис сигару выбрал, но хитроумно решил посмотреть, как граф будет ее раскуривать. И вслед за ним проделал те же манипуляции. Затянулся сладковатым дымом и... не смог раскрыть рта! Иначе раскашлялся бы отчаянно.

Рязанцев сделал большие глаза:

– Вы затягиваетесь сигарами, мой друг? Позво-

лите так вас называть, без церемоний?

Покрасневший от сдерживаемого кашля, пилот только кивнул.

– Ну что вы, зачем же так? Достаточное количество дыма и так попадет в легкие. Сигарами ни в коем случае не надо затягиваться!

Денис, наконец, проглотил дым и смог ответить сильным голосом:

– Отвык на войне. Мы все больше папиросы или трофейные сигареты...

– Немецкие? Полная дрянь, я как-то пробовал. А вот русских папирос здесь не достать. До сих пор иногда снится, что я «Дюбек» курю.

– Он и сейчас продается, – сказал Денис, осторожно набирая в рот сигарного дыма.

Лицо графа вдруг неуловимо изменилось. Какая-то тень тоски появилась во взгляде, стали виднее морщины на лбу.

– Не будем об этом, – попросил он, и пилот понял, что Рязанцеву больно вспоминать об оставленной родине. Хотя и давно он ее покинул. «Ностальгия», вот как это называется. Он слышал, что многие эмигранты этим заболеванием страдают. И искренне не понимал, почему все же не возвращаются в страну. Если, как вот в этом случае, ничем революции и народу не навредил, то отчего не приехать? Конечно, там не будет такого роскошного дома и работать, наверное, придется. Но зато – дома!

Однако ни о чем этом говорить он не стал. Раз граф сам разговора не заводит и даже просит о родной стране не упоминать, значит, имеет на то свои резоны.

– А кто ваши родители? – вдруг спросил Рязанцев.

– Я их не помню, – сознался Денис. – Вырос в детском доме. Только фамилия и отчество остались. Настоящие. А то у нас многим придумывали.

Александр Петрович на несколько секунд задумался. Потом сказал неуверенно:

– Помнится, знал я одного Вершинина. И, кажется, его звали Игорем... Игорем Викторовичем. Но тот был полковником, кавалеристом. Так что, скорее всего, это просто совпадение.

– Мне тоже так кажется, – с облегчением выдохнул Денис, напрягшийся было при первых словах графа. Отец – полковник царской армии! Еще чего не хватало! Не может быть у советского военлета родителей буржуев. Ну, никак не может!

– Хотя... – Рязанцев впился взглядом в лицо пилота. – Да нет, показалось!

– Что показалось? – опять похолодел Денис.

– Какое-то сходство, черты едва уловимые. Нет, все равно ерунда! Да и давно это было, еще до Великой войны. Я ведь тогда помоложе был, легкомысленнее. Всякое случалось. И приключения разнообразные были. Хорошо, вовремя опомнился, взялся за ум. В политику совершенно не хотелось, для военной службы поздновато. Но чувствовалось в воздухе что-то назревающее, что-то очень нехорошее. Так, кстати, потом и случилось, как вы, должно быть, помните.

– Нет, – помотал головой Денис. – И не могу я этого помнить. Мне ведь всего двадцать пять лет. Я хоть и родился до войны и революции, совершенно их не помню. Осознавать себя начал только в детском доме.

– Дальше как жили, Денис Игоревич?

– Обыкновенно, как все. Ремесленное училище, завод, Осоавиахим, потом летная школа.

– И сюда каким образом попали?

– Объявили набор добровольцев. Почему-то я один прошел. Остальные здесь – более опытные товарищи, у них учился мастерству.

И спохватился! Ведь он сейчас военную тайну выбалтывает! И кому?! Какому-то графу царских времен, которого знает от силы полчаса. Пусть и милейшему человеку, судя по всему, но все же буржую! Надо как-то выкручиваться.

– Что мы все обо мне да обо мне, Александр Петрович? У вас ведь жизнь куда интереснее! Как вы тут живете, как Ольга?

– Вы назвали мою дочь Ольгой, я правильно понял?

– Ну, да! Ведь нет же такого имени – Олга! Зачем язык ломать?

– Да вот, видите, – вздохнул граф. – В чужой монастырь, как известно, со своим уставом не лезут. Местные так ее и кличут, без мягкого знака. Ну, и мы привыкли. Меня, вон, тоже Алехандро обзывают. Не спорить же с ними?

– Ну, это вам решать. Я бы никогда не позволил мое имя коверкать!

Хозяин поместья усмехнулся невесело.

– Да и трудненько его было бы извратить. Разве что на Дионисио какого-нибудь. Кстати, славное имя! Был такой герой Отечественной войны 12-го года Денис Давыдов.

– У нас его помнят, – заметил пилот.

– Так вот, по секрету, я – его отдаленный потомок.

– Я в курсе, – невозмутимо кивнул Денис.

– Дочка проболталась? Вот же егоза!

Они посмеялись вместе. Потом граф погрустнел.

– Только вот не осталось во мне лихости предка.

Честно сказать, струсил, когда понял, что большая война надвигается. Вот и уехал вместе с семьей за рубеж. Вы, наверное, знаете уже – сначала во Франции обретались, потом и там заварушка началась. Сюда перебрались. Хотели, было, в Южную Америку уехать. Но там постоянно неспокойно, то и дело революции да военные перевороты случаются. А здесь, несмотря на войну эту гражданскую, все же потише. И когда все закончится – неизвестно. Вот, фалангисты время от времени пристают: «Как настоящий патриот вы должны помогать нашей стране! Или вы скрытый коммунист?» – передразнил он кого-то. – А какой из меня патриот Испании или коммунист? Смех один. Пока удастся отбрехиваться. Но вот что дальше будет? Франко ведь ощутимо побеждает.

– Ну уж нет! – возмутился Денис. – Никогда ему не победить! Да весь мир на защиту республики поднялся!

– Вы говорите об интербригадах? Но ведь их так мало! А Франко помогают целые государства: Германия, Италия. Нет, как это ни прискорбно, но, в конце концов, он одолеет.

Денис всерьез рассердился. Даже сигару отложил в пепельницу на маленьком столике.

– В войне, современной войне, не оружие главное, а энтузиазм бойцов. Поверьте, я их видел вот как вас, и энтузиазма у них хватает!

Спор только начал разгораться, и неизвестно, до чего бы дело дошло, но тут появилась Ольга и позвала спорщиков к столу. Александр Петрович оставался внешне спокойным, а вот Денис обидчиво сопел и мысленно прокручивал доводы в защиту республиканцев. Но девушка, уловив возникшие противоречия отца и гостя, решительно заявила,

что за обедом никаких разговоров о политике не допустит. Пришлось смириться.

Стол был накрыт, по мнению Дениса, «по-царски». То есть присутствовали столовые приборы, огромная супница, еще какие-то блюда, накрытые блестящими металлическими колпаками, графины с белым и красным вином, бокалы и рюмки.

– Раз уж ты вина не пьешь, – сказала Ольга, – то, может быть, водочки?

Дениса передернуло. Он единственный раз в жизни пробовал водку, но тогда не рассчитал своих сил и потом ему было очень и очень плохо.

А сейчас в душе разыграло какое-то неведомое чувство. То ли гордыни, что, как известно, считается большим грехом, то ли любопытства. И он решительно махнул рукой:

– Наливай!

Рязанцев присоединился:

– Тогда и я выпью!

– Папенька! – укоризненно сказала дочь.

– Не каждый день у нас за столом бывает советский человек! Чем тебе не повод?

А Денису объяснил, немного конфузясь:

– Бойтся, что я в запой могу уйти. Случалось со мной такое, чего греха таить. Особенно, когда Вареньки не стало...

И опять погрустнел. Видимо, очень любил свою жену.

Напряжение опять разрядила Ольга.

– Руки кто будет мыть, неряхи?

Мужчины послушно вскочили.

– Я провожу, – предложил граф.

– И обязательно с мылом! – донеслось им в спину.

Наконец, усевшись за стол, они подняли рюмки.
– За победу добра! – провозгласил тост Рязанцев.

– За нашу победу! – добавил Денис.

Граф с сомнением покосился на него, но все же выпил. Пилот лихо опрокинул рюмку, посмотрел на стол безумными глазами и схватил первое, что попало под руку, с хрустом впился в это зубами. Водка оказалась очень крепкой. Хотя и с некоторым привкусом самогона. Самогон Денис тоже как-то тоже пробовал и ему не понравилось – слишком уж вонючий и мутный это напиток. Графский же был прозрачен и, в общем-то, приемлем.

– Тройной очистки! – похвастал Александр Петрович.

– Что, сами гоните? – подивился Денис.

– Не гоню, а произвожу, – поправил его граф. – В небольших количествах и не на продажу, а для личного употребления и в медицинских целях.

Денис понятливо кивнул и взялся за ложку. «Графская» водка растекалась по желудку приятным теплом и аппетит вдруг стал совершенно зверским. Тарелка овощного супа, очутившаяся перед ним опустела за минуту. Но во время еды пилот старался не чавкать и не хлюпать. Кое-какие приличные манеры у него все же были. И от добавки отказался, помня о тех же приличиях.

Вообще что-то он неважно себя чувствовал. Ломота в теле, легкое головокружение. Может быть, водка так подействовала?

Внезапно все поплыло перед глазами, и пилот начал мягко валиться со стула. Ольга испуганно вскрикнула, Александр Петрович вскочил,

пытаясь подхватить его. Последней мыслью было: «Неужели отравили, гады?» А потом сомкнулась тьма...

Пришел в себя Денис уже в постели, раздетый и укрытый мягким одеялом. На ощупь – из верблюжьей шерсти. Доводилось ему как-то видеть такое. Очень тогда понравилось. Легкое, уютное.

Мутно было в голове. Соображалось с некоторым трудом. Что же такое с ним случилось?

И постепенно начал вспоминать.

Его сбили. Он выбросился с парашютом из падающего самолета. Дерево, удар о землю...

Потом была рыжеволосая девушка, поездка в ее шикарном авто...

Далее... А, поместье здешних буржуев, оказавшихся беглыми русскими. Беглые, потому что сбежали из Советского Союза, тьфу, из России еще перед войной с немцами. Обосновались сначала во Франции, а после сюда перебрались, в Испанию.

Так, уже легче, он в Испании, в этом самом эмигрантском поместье.

Потом был отец этой рыжеволосой Ольги, которого она все время старомодно называла «папенькой». Целый настоящий граф! О чем-то с ним разговаривали, сели обедать, даже выпили немного. Только ребятам нельзя рассказывать, что он с царским графом выпивал! Засмеют, затюкают! А может, что и похуже может получиться...

Что случилось потом? Вот этого и не помнит! Как здесь, в постели оказался? Почему раздет? Где комбинезон, а главное – где пистолет?! За утерю оружия так взгреют, что мало не покажется! Нужно вставать, отправляться на поиски! Сейчас он это эмигрантское гнездо разворошит!

Но едва он попытался опустить одну ногу на пол и приподняться, как голова ощутимо закружилась.

Тут же чуть слышно скрипнула дверь и в комнате появилась та самая Ольга. Она всплеснула руками и заспешила к его постели.

– Ну и куда ты собрался? Ложись немедленно! Доктор сказал, что тебе несколько дней нужно полежать и вообще необходим полный покой!

– Доктор? Какой еще доктор?

– Обыкновенный, сеньор Картузов. Он тоже русский, но уехал уже после вашей революции и не через Францию, как мы, а прямо сюда. Какие-то у него связи были. Я съездила и привезла его, когда ты сознание потерял. Знаешь, гнала, словно на автогонках!

– Я потерял сознание?

– Прямо за столом! Папенька едва подхватить тебя успел, чтобы ты во весь рост на пол не упал!

Ох, как неудобно получилось. Молодой, здоровый военлет вдруг падает в обморок, как дореволюционная барышня. Стыдоба!

– Доктор сказал, что это у тебя последствия контузии, да плюс спиртное сверху. Оказывается, тебе ни в коем случае нельзя было пить!

– Какая контузия?

– Да ты же на землю брякнулся! Прямо на моих глазах!

– Ну уж брякнулся, – проворчал Денис. – Упал, ударился прилично, вот и все. Высота маленькая была, когда парашют раскрылся, вот так и получилось. И что теперь?

– Доктор сказал, что через несколько дней это пройдет. Он тебя осмотрел, микстуру какую-то с опиумом влил сквозь зубы и обещал скоро заглянуть.

– Вы ему сказали, кто я такой? А то ведь донести

может, кого укрываете.

Ольга замялась.

– Мы его знаем, не должен донести. Но на всякий случай сказали, что ты сын того полковника Вершинина, которого папа знал, и здесь просто путешествуешь. Ни с какого самолета не прыгал, а нечаянно с высокого дерева упал.

– Что, сын царского полковника? Вы что, опупели? Не может быть советский летчик сыном какого-то полковника!

– Не может, не может, – испуганно согласилась Ольга. – Но ведь это для безопасности! Отлежишься, поправишься и мы тебя к твоим товарищам переправим, прямо в Мадрид.

На душе у Дениса стало беспокойно. А вдруг этот неизвестный ему доктор не поверил в сказку о полковничьем сыне и сейчас всю докладывает в местное отделение фалангистов о человеке, скрывающемся на финке «Рязан»? Нет, надо отсюда убираться!

– Где мои вещи? – спросил он, одновременно пытаясь встать.

Но Ольга, с неожиданной для ее тонкой фигуры силой, уперлась ему в плечи ладонями и принудила опять откинуться на подушку.

– Ничего с твоими вещами не случилось! Я все спрятала так, что никто не найдет. И место потайное для тебя приготовила на случай, если с обыском придут.

– Что, могут прийти?

– Всякое может случиться. Самолет твой не очень далеко упал. Когда обнаружат, что летчика в нем не было, начнут искать. И к нам заглянут. Ты ведь советский, а мы тоже русские, хотя и подданные Испании. Очень уж сильно, я надеюсь, вынюхивать

не будут, но береженого Бог бережет.

– А не береженого конвой стережет, – невесело усмехнулся Денис. Чувствовал он себя и вправду нехорошо. Или это докторова опийная настойка так действовала?

В комнату вошел улыбающийся граф Рязанцев.

– Ну, как поживает наш отважный больной?

– Все время порывается встать и бежать куда-то! – наябедничала Ольга.

– Ни в коем случае! – тут же посерьезнел граф. – Юрий Владимирович прописал вам полный покой!

– Кто такой Юрий Владимирович? – серьезным тоном спросил Денис. Скоро вся Испания знать будет, где он на постели валяется!

– Доктор, который вас осматривал, – успокоил граф. – У него здесь практика в ближайшем городке. Спешу успокоить: ничего серьезного он у вас не нашел, ни одна косточка не сломана. Просто общая контузия вследствие сильного сотрясения организма. Все-таки вы прилично о землю грянулись. Олга мне рассказала.

– Было дело, – задумчиво протянул Денис, вспоминая подробности своего прыжка. Вспоминать было почти нечего. Рев ветра, хлопок раскрывшегося купола, треск ломающихся веток, удар! Все... Выходило, что если бы не удачно подвернувшееся дерево, он со всей дури приложился бы – костей не соберешь. Ноги точно поломаны, да и позвоночник того... Повезло. И очень. Вот только этот обморок вследствие контузии. Особенно в его положении.

А положение то еще. Беспомощный пилот, скрывающийся в тылу врага. Если судьба так сложится, что его поймают, то лучше сразу застре-

литься. Рассказывали, что одного нашего военлета, выбросившегося над вражеской территорией, потом вернули разрубленным на кусочки. Асы немецкие постарались, звери...

– Где мой пистолет? – спросил Денис.

– Зачем он вам? – всполошился граф. – В кого вы стрелять собираетесь? В нас?

– Ну что вы, Александр Петрович, – постарался успокоить его пилот. – Я – военный и без оружия чувствую себя ну... как голый!

– Понимаю, – кивнул Рязанцев. – Принесем ваш пистолет, чтобы вы... оделись.

На его шутку контуженный пилот ответил улыбкой. Пусть так и думает, как понял.

– А одежду настоящую, штатскую мы вам подберем, когда вставать начнете. Об этом не волнуйтесь!

Уж об этом он не собирался волноваться. Наверняка у них гардеробы забиты. Камзолы всякие, плащи, ботфорты. И непременно – шпаги! Граф все-таки, как ему без шпаги?

Мысль рассмешила, он тихо хихикнул. И ту же скривился от боли в спине. Отдалось не сильно, но неприятно.

Рязанцев гримасы его не заметил, повернувшись в этот момент к дочери.

– Смотри, Ольга, он уже улыбается! Значит, скоро будет здоров. А теперь пойдем, ему надо отдыхать!

– Только пусть сначала примет микстуру! – решительно сказала дочь.

– Не надо никаких микстур! – запротестовал было Денис, но девушка не обратила на его протесты никакого внимания, накапала в ложечку темной жидкости из пузырька и влила ему в рот. Микстура оказалась гадостной на вкус, пришлось

запить ее водой из поданного стакана.

– Теперь – спать! – скомандовала Ольга, поправила подушку, и они с отцом вышли из комнаты.

Денис немного поворочался, устраиваясь и почувствовал, что веки его слипаются. Видимо, в микстуре доктора опять был опий.

Два дня у него был полностью постельный режим. То есть круглыми сутками пролеживал бока, поглощал все блюда, что приносила заботливая Ольга. Кормили обильно и вкусно, но вина или более крепких напитков не давали, поили соком. Естественный вопрос, связанный с удалением из организма остатков съеденного и выпитого, решила та же Ольга, притащив фаянсовый, расписанный цветочками, ночной горшок. Она помогала Денису сесть на постели и деликатно удалялась. Дальше приходилось действовать самому, охая и тихо матерясь сквозь зубы.

Вообще, графиню несколько не смущал уход за контуженным пилотом. Похоже, ей это даже нравилось. Вот же извечная женская сердобольность! Хотя, если вспомнить, встречались ему и настоящие стервы, которые больному стакан воды пожалели бы.

Но Ольга была не из их числа. Всегда в хорошем настроении, свежая, как весеннее утро, с аккуратно уложенными волосами Она входила и неизменно спрашивала с улыбкой:

– Ну, больной, как почивать изволили?

На что Денис, так же неизменно хмуро отвечал:

– Плохо. Фашисты снились.

Хотя, в действительности, ничего ему совсем не снилось. Спал, как младенец. Микстура доктора, конечно, действовала, но и окружавший его покой способствовал. Он, наверное, не спал так крепко

никогда в жизни. Сколько себя помнил, всегда был ранний подъем, физзарядка при открытой форточке в любую погоду, затем водные процедуры.

Сейчас же – лафа! С первыми лучами солнца, а то и до них, просыпаться не надо, спи, сколько влезет. И никакой физкультуры!

Вот это его заботило, но понимал, что нечего выпендриваться, нужно потерпеть.

А днями они с Ольгой беседовали. Обо всем на свете. Она рассказывала о Париже, где они поначалу жили, уехав из России. Об Испании, куда переехали после начала войны.

А Денис, в свою очередь, вспоминал Советский Союз, Москву, летнюю школу. О жизни в детском доме предпочитал не говорить, так, общие фразы.

– И ты совсем не помнишь своих родителей? – иногда спрашивала Ольга. – Совсем, совсем?

– Абсолютно.

Врал, конечно. Он хоть и маленький был, но кое-какие воспоминания о матери остались. Очень смутные и зыбкие. Как будто не с ним это происходило. А как попал в детдом – совершенно не вспоминалось. Человеком, очень маленьким, но все же человеком, почувствовал себя года в три. И тогда уже знал, что зовут его Денисом Игоревичем Вершининым. Когда он себя так называл, воспитатели делали большие глаза и настойчиво твердили, что звать его совсем не так, что он – Данила Иванович Найденов. Но ребенок был упрям и в конце концов они смирились. В справку, выданную для поступления в ремесленное училище вписали не Найденова, а Вершинина.

Еще Ольга взялась обучать Дениса испанскому языку. Педагогических навыков у нее, конечно, не было. Но желание самого пилота изъясняться на

языке Сервантеса и Гойи (как это так – быть в стране и не знать, о чем говорят ее обитатели!) помогло превозмогать лингвистические трудности.

Но на третий день все эти приятные занятия пришлось прервать. На финку заявился патруль фалангистов.

Ольга не вошла, а буквально влетела в комнату. Денис приподнялся на локте, глядя на ее встревоженное лицо и нащупывая под подушкой пистолет. Вернули ему оружие на следующий же день после требования. Военлет внимательно осмотрел его и остался доволен. Все в порядке, и запасная обойма присутствует.

– Ты ходить сможешь? – с порога спросила девушка.

– Если недалеко, то запросто, – кивнул Денис.

– Тогда поднимайся, будем тебя прятать!

– А что случилось -то?

– С обыском пришли!

Пилот яростно стукнул кулаком по одеялу.

– Так и знал, что этот докторишка донесет!

– Погоди, может быть, это не он. Летчика со сбитого самолета должны ведь искать. Я тебе говорила!

Верно, говорила. Не найдя в упавшем «ишачке» пилота, должны были обязательно организовать поиски. Вот и до имени графа добрались.

Кряхтя, при помощи Ольги, он сел на постели, потом встал, сунул ноги в тапочки со смешными загнутыми вверх носами.

– Куда?

– Немного времени у нас еще есть. Папенька там на крыльце им зубы заговаривает. Сначала я постель твою уберу и лекарства. Вот, держись за спинку кровати, постой пока.

И он стоял, а графиня споро придавала комнате нежилой вид.

– Теперь пойдём. Держись за меня. Осторожно, осторожно.

Идти оказалось совсем недалеко, в соседнюю комнату.

– И где здесь прятаться? – спросил Денис, оглядываясь.

– Сейчас, – сказала Ольга, подошла к узкому зеркалу на одной из стен, немного повозилась с рамой. Раздался негромкий щелчок и зеркало открылось, словно створка двери. В проеме зияла темнота.

Девушка обернулась.

– Давай, полезай!

Денис покачал головой, подошел и заглянул в темноту.

– Ни черта не видно!

– Лезь, лезь! Подтолкнула она в спину. – Не бойся! Я потом все объясню. Там кровать есть застеленная, на нее и ложись. Ни звука! Хотя тебе будет все видно и слышно. И что бы ни произошло – не вздумай вмешиваться! Очень тебя прошу!

– Хорошо, – согласился он, с некоторой робостью протискиваясь в узкий проем. Дверца за ним тут же закрылась все с тем же легким щелчком.

Он поводит в темноте руками, присел и, наконец, нащупал постель. Обернулся и с удивлением обнаружил, что зеркало с обратной стороны почти прозрачное! Вот здорово. И чего только эти буржуи не придумают!

Ольга спросила:

– Ну что, устроился?

Голос ее слышался чуть приглушенно, но слова различались вполне отчетливо.

- Да, все нормально, - ответил он.

- А теперь – замри! Ни шороха! Потом все объясню. Все, я побежала!

И она действительно выбежала из комнаты.

Глаза Дениса привыкали к темноте и теперь она уже не казалась такой черной и непроницаемой. Все-таки через хитрое зеркало в каморку попадала толика света.

Каморка эта была небольшой, но затхлостью не пахло, устроители тайника позаботились о вентиляции. Умещались здесь кровать, маленький столик на одной ножке, стул. И оставалось крошечное пространство, чтобы постоять и повернуться, не задевая плечами стены. Поэтому он сначала сел на постель, а потом и прилег, и стал ждать развития событий.

Дом все же был не очень большим, так что обыскать его нагрянувшим фалангистам не составило труда и не заняло много времени.

Послышался топот, громкие голоса, дверь распахнулась от резкого толчка и вошли вооруженные люди. Двое даже держали винтовки наизготовку и настороженно поводили стволами.

Их было человек десять, многовато для обычного патруля. В знаках различия этих вояк Денис не разбирался. Но и без того было понятно, кто из них главный. Выдавали его толстое брюхо, обтянутое мундиром, клеенчатая черная шляпа, сабля на поясе, револьвер в руке и бегающие глазки, с подозрением оглядывавшие комнату.

Убедившись, что она пуста, толстяк указал стволом револьвера на дверь в то помещение, где раньше лежал Денис и резким голосом спросил о чем-то графа, стоявшего тут же.

Рязанцев пожал плечами и ответил. Говорили

по-испански, поэтому Денис не понимал ни слова.

Все ринулись туда, оставив только одного усатого дядьку, который с любопытством оглядывался по сторонам, изредка покачивая головой. Видимо, никогда раньше не приходилось бывать в столь роскошных, по его мнению апартаментах.

Денису показалось, что этот солдат сейчас крикнет и скажет завистливо: «Живут ведь люди!» Из какой глухой деревни он попал в армию, если даже на советского пилота обстановка графского дома не производила особого впечатления?

Солдатик подошел, наконец, к зеркалу. Неужели догадался, собака?! Денис крепче сжал в потной ладони рукоять пистолета. Ну...

Но деревенщина только поцокал восхищенно языком, потрогал пальцем зеркальную поверхность, потом подмигнул, надо полагать, своему отражению и поправил усы, улыбаясь.

Улыбается он... Так бы и вlepил пулю прямо в лоб, гаду! Даже пальцы свело. Но нельзя, Ольге обещал.

Тут вернулись те, кто обыскивал соседнюю комнату, старший рыкнул на усатого, мгновенно подтянувшего живот и вся толпа вывалилась в двери. Последним шел граф. Он глянул в сторону зеркала, подмигнул и улыбнулся. Денис, хотя его не было видно, улыбнулся в ответ.

Спустя какое-то время вернулась Ольга с озабоченным лицом.

– Ты как там, живой? – спросила она негромко, подойдя к зеркалу.

– Живой, что мне сделается? – ответил пилот. – Открывай уже!

– Все не так просто, – огорошила его девушка. – Придется тебе там еще немного посидеть.

– Это еще почему? – возмутился Денис. – Они же ушли!

– Не все, оставили двоих караулить.

– Надолго?

– Ни малейшего понятия. Надеюсь, через пару дней их уберут. А пока потерпи.

Денис пожал плечами. Ну, будет терпеть, что поделаешь?

– Чуть позже я тебе обед принесу, – продолжала Ольга. – И горшок твой. Ночью выпущу. Хотя, тебе лучше все же и дальше лежать. Доктор прописал полный покой.

Глаза у нее были очень грустными. И красивыми.

– Ты повторяй пока те слова на испанском, которые успел выучить. И о произношении не забывай. Все, пока.

Она помахала, прощаясь, рукой и ушла.

Вот же засада!

Когда цвела черемуха...

1

– Вы до Пятигорска? – проводница уперлась взглядом в полотенце, висевшее на плече Андрея. – Белье сдавайте.

– Не волнуйтесь, сдадим, – улыбнулся он. – Вот через пять минут...

– Через пять минут вам уже выходить надо, – перебила проводница. – Проспали.

– Так всю жизнь, – философски заметил Павел, вмешавшись в диалог. – Обязательно что-нибудь проспишь: то хорошую должность, то личное счастье, то нужную остановку.

– Юмористы, – оценила шутку проводница и забрала постельное белье вместе с полотенцами.

Мужчины, так и не умывшись, торопливо засобирались, так как мимо окон уже медленно поплыли городские строения. Поезд остановился, и друзья, прихватив сумки, спустились на перрон. Через подземный переход вышли на первую платформу. Было очень раннее утро, конец мая, на газонах пестрели цветы, кото-

**ИДИЛЛИЯ
ДЕДУСЕНКО**

Проза

рые придавали довольно нарядный вид этой полоске земли, укрытой серым асфальтом. Откуда-то доносился сладковатый запах сирени.

– Ну что же, не так уж плохо, – резюмировал Павел. – Я ожидал худшего.

– Странно, что ты до сих пор не был в Пятигорске, – заметил Андрей. – Вот увидишь, тебе здесь понравится.

– Неужели лучше, чем на Кипре или в Хургаде? – язвительно спросил Павел.

– Ну, прости, Паша, что я втянул тебя в эту историю... Может, действительно не надо было делать «обратного хода» на целых двадцать пять лет назад.

– Да ладно, не комплексуй! Надо мне и такой жизни попробовать. А вдруг окажется, что здесь веселее, чем в Хургаде?

В кармане его пиджака заверещал мобильник.

– Народный контроль! – провозгласил Павел, доставая телефон. – Слушаю тебя, Юленька! Да что ты, золотце, когда бы я успел на девушек засмотреться? Мы же только вышли из вагона, идем на привокзальную площадь к такси. Конечно, родная, позвоню сразу, как устроимся...

Таксист, узнав, куда ехать, и оценив наметанным глазом прикид пассажиров, заломил цену.

– Я категорически против поборов, – заявил Павел, – поедем на трамвае.

Таксист сдался и сбавил цену на треть.

На территории санатория тоже было много цветов и деревьев. Недалеко от входа Андрей остановился в явной растерянности:

– По-моему, вот здесь была черемуха, она тогда цвела и... дурманила своим ароматом...

– Ты меня спрашиваешь? – не без сарказма ответил Павел. – Четверть века! Новое поколение за это время уже полжизни прошло! И твоя пассия ровно на двадцать пять лет постарела.

Друзья вошли в вестибюль. Медрегистратор, приняв путевки, с некоторым удивлением посмотрела на новых отдыхающих и отметила про себя, что они явно не из их контингента. Оформив документы, друзья направились в свой корпус вслед за медрегистратором по застекленному переходу, уставленному множеством растений в кадках и вазах. На третьем этаже женщина указала им их номер. Едва они вошли, у Павла зазвонил мобильник. Он чертыхнулся, но в трубку, до самой столицы, полетел его ласковый голос:

– Помню, родная, помню! Мы только вошли в палату... Не знаю, ничего не успели рассмотреть... Конечно, золотце, я здесь поневоле буду пайнойкой. Ты ведь знаешь, я приехал сюда из-за Андрюши. Надо же его счастье устраивать... Непременно. Буду звонить.

Закончив разговор, Павел швырнул телефон на постель и наигранно застонал:

– Ну, достала! Первый раз за двадцать восемь лет от нее оторвался, думал, отдохну. Где там! Слушай... А ты не боишься предстоящей встречи?

– А чего бояться? Просто хочу посмотреть на нее, узнать, как живет. Может быть, искупить вину.

– Так все-таки была любовь, а не курортная интрижка?

– Это ведь не сразу понимаешь... Я уже потом, когда на Ларисе женился, осознал, что была у меня здесь настоящая любовь... Все звали ее Тиной. Тогда в кабинете физиотерапии было две медсестры: Валя и Тина. Обе молоденькие. Нет, Валя чуть

постарше, пухленькая блондиночка, смешливая. А Тина – спокойная, взгляд ласковый, походка плавная... Каштановые волосы до плеч. Тоненькая... Доверчивая.

– Ну, и доверилась...

– Доверилась, – смущенно подтвердил Андрей. – Так ведь и я верил, что мы всегда будем вместе! Я таких глаз больше ни у кого не видел. Огромные, серо-голубые, с бирюзовым отливом. И от них – лучи, как от солнца!

– Вот какая у тебя память! А что в курортной карте написано? Склероз?

– Ничего подобного. Всего-то сосудистая дистония.

– Ну, это для меня не новость. А вот то, что ты еще и романтик психованный, для меня открытие.

– Я вижу, тебе трудно понять, насколько я сейчас серьезен. Ты же Ларису знаешь... При ней я чувствовал себя каким-то придатком. Лариса сказала! Лариса решила! И так все двадцать пять лет... А теперь, когда расстались, я хочу простых человеческих отношений.

Снова зазвучал мобильник. Павел со вздохом поднес его к уху:

– Да... да... Мы же разговаривали десять минут назад! Я тоже соскучился, но у меня батарейка садится, и деньги кончаются. Всё! Села! Я тебя уже не слышу, дорогая. А?

Павел засунул телефон в карман пиджака:

– Ну, что ж, пойдём к доктору за программой действий на две недели? Это на тот случай, если здесь нет барышень с длинными ногами, ночных клубов и еще чего-нибудь в таком роде...

Доктор, видимо, уже пенсионерка со стажем,

выслушав каждого и проверив курортные карты, все-таки выписала направления на анализы.

– А физиопроцедуры? – стараясь унять вдруг застучавшее сердце, спросил Андрей.

– Можно, – согласилась Зинаида Алексеевна. – Я вам расслабляющую процедуру назначу, будете лучше спать. А вообще-то я бы вам советовала обратиться к психотерапевту, у нас молодой, но знающий специалист.

– Хорошо, как-нибудь и к психотерапевту... А пока в физиокабинет. Скажите, а там часто медсестры меняются?

– В каком смысле?

– Ну, есть ли кто-то из тех, кто работает давно, опытный?

– Там все опытные. А вам кто-то конкретно нужен?

– Когда-то там работала Тина...

– Тина? Кристина Беляева? Теперь она работает лаборанткой. Вот как раз к ней и пойдете кровь сдавать, пока не позавтракали.

От волнения сердце у Андрея забило с переборами. Он старался представить, как встретит его Тина, и ему виделся ласковый взгляд и совершенно особенная, только ей присущая улыбка. А если она не узнает его или станет равнодушно вспоминать, где видела его раньше? Эти мысли почему-то не приходили ему в голову там, в Москве, когда он решил непременно найти Тину. Там он был уверен, что она ждет его и будет рада сменить провинциальную жизнь на столичную. А сейчас брала оторопь, и он боялся, что не сумеет объяснить ей, почему тогда, много лет назад, оставил ее, даже не попрощавшись.

– Можешь спрятаться за мою спину, орёл, – пошутил Павел, открывая дверь лаборатории.

– Здравствуйте! – громко приветствовал Павел девушку, сидевшую за столом с пробирками. – Вы здесь одна?

Услышав нотки недоумения в его голосе, она ответила с иронией:

– А сколько надо, чтобы уколоть один палец?

– Мы, собственно, к Тине... – смешался Павел.

– Значит, ко мне, – спокойно сказала девушка. – А кто там за вас прячется? Тоже боится?

Андрей уже понял, что это не та Тина. Отдав свою «пропитанную пороками кровь», как выразился Павел, друзья пошли в столовую. За столиком, на который им указали, сидели две дамы.

– С кем имеем честь? – как можно галантнее поинтересовался Павел.

Старшая представилась как профессор Остапенко. На ней была голубая трикотажная блуза с отложным воротником, прямые седые волосы коротко острижены, большие очки дополняли ее облик. Она, не глядя на соседей по столу, быстро управилась с завтраком и ушла. Вторая дама охотно пошла на контакт и пояснила:

– Вера Ивановна после завтрака оббегает всю территорию трусцой, потому и торопится. Закладывает основы долголетия.

Она засмеялась, обнажив два ряда белых, отлично сделанных искусственных зубов.

– А ей не поздно уже закладывать основы? – с усмешкой отозвался Павел.

– Заботиться о своем здоровье никогда не поздно, – возразила соседка. – Я уже шесть лет подряд приезжаю в санаторий и прекрасно себя

чувствую.

– А почему именно в этот? – спросил Павел. – Почему, скажем, не в Карловы Вары?

– Все равно не так, как здесь. Была я и в Карловых Варах, и в Баден-Бадене. Там атмосфера чужая, поговорить не с кем. А сюда езжу, как в родной дом. Практически весь персонал знаю.

– Это очень ценно! – подхватил Павел. – А как вас зовут?

– Фа-и-на, – почему-то по слогам произнесла женщина. – Живу в Петербурге, работаю секретарем-референтом у одного очень влиятельного руководителя.

– Скажите, в кабинете физиотерапии хорошо обслуживают? – полюбопытствовал Андрей

– Там сейчас две молоденькие девочки. Здесь вообще много молодых, но знающих и старательных сотрудниц.

– Приятно было познакомиться, – уходя, подытожил Павел. – Кстати, меня зовут Павлом, а моего друга – Андрей.

Фаина расплылась в улыбке.

– Зануда, да? – спросил Павел Андрея, когда они вышли. – Тут вообще глянуть не на кого. Напрасно Юлька изводится от ревности.

В кабинете физиотерапии их действительно встретила молодая медсестра с ногами «от ушей». Павел поначалу даже не понял, что она на полголовы выше него, и попробовал завязать знакомство, которого хватило бы на две недели. Но девушка сразу разгадала его намерение и отрезвила:

– Мне кажется, у вас проблемы с кровью. У нас хороший кабинет гирудотерапии, вы обратитесь туда – пиявочки помогут.

Когда они вышли в коридор после физиотерапевтического сеанса, Андрей сказал:

– Мне бы все-таки хотелось поговорить с медрегистратором. Она на вид постарше и, возможно, что-то знает о Тине.

Женщина сидела на своем месте, уткнувшись в газету. При виде столичных щеголей вопросительно подняла голову.

– Я когда-то давно здесь отдыхал, – начал Андрей. – Вы тут, как в саду. А недалеко от входа черемуха росла...

– Вот вспомнили! Уже лет десять, как ее спилили.

– А вы Тину Белову не помните? Из физиокабинета?

– Беляеву, из лаборатории, – поправила женщина.

– Нет, именно Белову и не из лаборатории.

– Не знаю такой. На моей памяти не было. А из старых работников я, пожалуй, одна осталась.

– Жаль...

Глядя на удрученного Андрея, женщина посоветовала:

– Надо адрес ее узнать и сходить домой.

– Пожалуй, – согласился Андрей.

Адреса он не знал, но дом хорошо помнил. Тина жила тогда с матерью в двухкомнатной квартире в одной из пятиэтажек неподалеку от санатория. Район этот до сих пор носит поэтическое название – Белая Ромашка. Говорят, до застройки вся территория была покрыта этими цветами. Но у нас умеют все испортить, где хоть раз копнут лопатой.

– Вечером и пойдем, – решил Павел. – А то ты со своим нытьем не дашь мне насладиться неожиданно обретенной свободой. Скину тебя твоей Тине – и решайте с ней свои амурные вопросы, а я должен воздухом свободы надышаться.

– Ты так говоришь, будто... с цепи сорвался. Не замечал я в тебе раньше такой прыти.

– Так ведь Юлия – все время рядом! Ни разу в отпуск врозь не ездили. А тут такая возможность.

– Не станешь же ты заводить роман с первой встречной только потому, что Юли рядом нет.

– Может, ты и прав, но пофлиртовать же можно!

– Успеешь еще. Давай после обеда я тебя в центр свожу. По бульвару пройдемся, а как-нибудь вечерком послушаем музыку в «Цветнике» на малой эстраде, полюбуемся цветомузыкальным фонтаном. Мы любили с Тиной ездить в центр по вечерам.

– Вот давай лучше и мы туда вечером отправимся. Найдем твою возлюбленную, заберем с собой и поедем. Будет прекрасный вечер воспоминаний. А сейчас нет сил идти на поиски, давай поспим после обеда – ведь рано встали и все время в делах.

– Пожалуй, ты прав, так будет лучше.

За обедом профессор Остапенко, все в той же трикотажной блузе, опять торопливо ела – видно, снова спешила «нарезать круги долголетия». Зато Фаина, сменившая утренний наряд на воздушное платье с замысловатыми воланами, методично перегружала в себя содержимое тарелок, разъясняя всем остальным:

– Вы приехали сюда лечиться – так воспользуйтесь моим опытом. Я принимаю пищу строго по инструкции: один кусок надо прожевывать не менее тридцати раз.

– На это время нужно, – заметил Павел.

– А куда вам торопиться? – сказала Фаина, ослепительно блеснув белоснежными зубами. – Вы за здоровьем сюда приехали, надо все возможности использовать в полной мере. Кстати, Павел, вам не мешает печень почистить.

– Почему вы так решили? – удивленно спросил Павел.

– У вас белки глаз желтоватые. Никогда не замечали?

– Не замечал.

– Присмотритесь к себе повнимательнее, пока у вас есть время. Кстати, кто вы по гороскопу?

– Лев, кажется.

– Тем более вам нужно повнимательнее относиться к своему здоровью в эти дни, так как Лев сейчас находится под сильным влиянием Плутона. А вы, Андрей, кто по гороскопу?

– Не знаю точно. Весы, кажется, у меня день рождения в середине октября.

– Сегодня Меркурий попал под влияние Юпитера, и для Весов это не очень хорошая позиция. Скорее всего, вас ожидает какое-то разочарование.

– Да уж было, – буркнул Андрей.

– И еще будет, – пообещала Фаина, мило улынувшись, словно предрекала не разочарование, а сплошное удовольствие.

– Зануда, – как и утром, высказался в ее адрес Павел, когда друзья вышли из столовой.

– Может быть, – сказал Андрей, – а глаза у тебя действительно желтоватые.

Павел не успел ничего сказать в ответ, как за спиной раздался голос Фаины:

– Кларочка, ну, что, маме лучше?

– Спасибо, лучше. Ее уже перевели из реанимации в общую палату, – ответила женщина лет сорока в фирменном халате санатория, проходившая по коридору.

Фаина сочла своим долгом разъяснить друзьям:

– Это медсестра из кабинета гирудотерапии. У нее мама уже со вторым инфарктом лежит. А ей никак нельзя потерять мать! Во-первых, она ее очень любит, а во-вторых, у Клары сын от второго брака еще маленький, не на кого будет оставить дома – муж-то скончался два года назад.

– Вы все про всех знаете, – с надеждой проговорил Андрей.

– Я же говорила: это для меня второй дом! За шесть лет со всеми перезнакомилась, и у каждого своя неповторимая история, – уже почти шепотом закончила Фаина, словно заговорщица.

– Вот я и говорю, – продолжил Андрей, – возможно, вы знаете и очень давние истории.

– Возможно, – убежденно отозвалась Фаина. – А какой период вас интересует?

– Четверть века назад.

– Далековато... Но я пороюсь в памяти, может, кто-то что-то рассказывал интересное, – заверила Фаина и ослепительно улыбнулась.

В палате Павел сразу подошел к зеркалу и впервые в жизни стал внимательно разглядывать свои глаза, бормоча:

– Белки желтоватые... Так ведь почти не спали в поезде, встали рано и уже полдня на ногах.

Опять зазвонил его мобильник, на этот раз Павел быстро отозвался:

– Юленька, солнышко, да, устроились. Да, да, у врача были, назначения получили и даже полечи-

лись немного... Хорошо, родная, буду беречься. А ты никогда не замечала у меня в глазах желтизны? Только от злости? Не шути, дорогая. Мне тут сказали, что это, наверное, печень... Нет, не врач, но тоже женщина знающая, сама давно лечится. Ну, что ты, Юленька! Да ей уже сто лет в обед! Я же сказал: давно лечится, поэтому все знает. Солнышко, не звони часа два – у нас послеобеденный тихий час, а мы в поезде почти не спали.

Павел опустил телефон в карман пиджака, лег и почти моментально уснул. К Андрею сон не шел. Дни, проведенные в этом санатории четверть века назад и, как ему казалось, уже почти совсем забытые, всплывали в памяти с такой ясностью, словно это было только вчера.

2

Ему оставалось меньше года до защиты диплома, у него была замечательная перспектива стать москвичом – отец однокурсницы Ларисы, с которой у Андрея сложились близкие отношения, возглавлял крупный проектный институт, где берег два места для молодых специалистов – для дочери и ее жениха. К Ларисе Андрей не испытывал большого чувства, но была привычка, которая связывала их, а со стороны девушки такая настойчивость, противостоять которой было трудно. Да и зачем, если ему не надо будет возвращаться в свой заштатный городок, а в Москве его сразу принимают и на работу, и в семью? Лариса иной раз приводила ему в пример Павла и Юлию, которые уже почти три года были женаты. Но Андрей под разными предлогами все откладывал столь реши-

тельный шаг, как женитьба, в чем его, как ни странно, поддерживал отец Ларисы, утверждая, что обоим надо налечь на учебу, чтобы защититься с «красным» дипломом, – тогда никто не поставит под сомнение их появление в институте, попасть куда стремятся многие. Зимой Андрей много болел, но зимнюю сессию сдал на отлично. Чтобы укрепить здоровье перед защитой диплома, ему и дали «горящую» путевку в санаторий. Сдав досрочно оставшиеся два экзамена, Андрей отправился на юг, в город, связанный с многими великими именами России.

В том далеком году, на рубеже весны и лета, здесь, в курортном городе, все было в цвету. Его удивляло обилие запахов, разлитых в воздухе, но особенно потрясал аромат черемухи, растущей неподалеку от главного входа. Здесь он и увидел впервые ее, ту девушку, которая поразила его не меньше, чем цветущая черемуха. Она стояла с закрытыми глазами под деревом, подняв голову к пахучим веткам, и улыбалась. Ее тоненькая фигурка, пронизанная солнцем, словно готова была вот-вот взлететь туда, вверх, куда она протянула руки. Удивленный Андрей остановился и спросил:

– Вы хотите нарвать веток? Вам помочь?

– Нет, – ответила девушка, не открывая глаз.

– А зачем же вы к ним тянетесь... руками? – не понял Андрей.

– Я пропитываюсь, – ответила девушка, по-прежнему не открывая глаз.

Поскольку недоумевающий Андрей молчал, девушка добавила:

– Я пропитаюсь этим запахом и заберу его с собой, буду радоваться весь день.

– Занятно, – сказал Андрей. – А можно и мне с

вами... пропитаться?

– Становитесь ближе, под самые ветки, – пригласила девушка, по-прежнему не открывая глаз.

Андрей стал напротив нее в двух шагах, закрыл глаза и стал глубоко вдыхать разлитый вокруг запах. Глаза они открыли одновременно, и Андрей застыл от удивления: от глаз девушки исходили светлые лучи, как от солнца, хотя, возможно, это именно солнце и отражалось в них сейчас.

– Все, мне пора, – сказала девушка, – а вы еще постойте, пропитайтесь как следует.

Андрей был так поражен необычностью поведения девушки, ее удивительными глазами, какой-то летучей улыбкой, что не мог ни сдвинуться с места, ни произнести ни звука. А девушка уже исчезла за дверью. Он потом называл себя самым последним дураком, почему не спросил ее имя, номер палаты. Впрочем, была надежда встретить ее в столовой или вечером в клубе, в крайнем случае, под деревом, когда она снова придет сюда за ароматом черемухи. А увидел ее уже через полчаса в кабинете физиотерапии. Она стояла спиной к нему, в белом халате и белой медицинской шапочке, и Андрей, конечно, не предполагал, что это та самая девушка, которая так заинтересовала его. Но вот она повернулась, и Андрей застыл, вновь пораженный сиянием ее лучистых глаз. Девушка улыбнулась и спросила:

– Ну, как, хорошо пропитались?

– Думаю, да.

– Сейчас закрепим этот успех. Ложитесь на кушетку.

Андрей послушно лег. В это время кто-то заглянул в кабинет и спросил:

– Тина, ты в Домбай поедешь завтра с экскурси-

ей? Везут отдыхающих, но есть три свободных места.

– А ты поедешь?

– Собираюсь.

– Тогда и я поеду.

Андрей читал в вестибюле приглашение на эту экскурсию, но пока не мог выбрать одно из двух – поездку в Домбай или концерт известной эстрадной группы. Поедет в горы – не успеет на концерт. Но, услышав, что Тина собирается в Домбай, он немедленно решил:

– Я не успел записаться на экскурсию, совсем забыл! Сейчас сбегаю запишусь и вернусь на процедуру.

– Потом запишетесь, – сказала Тина.

– Там же только одно место остается! – с горячностью возразил Андрей

– Лежите спокойно, вас сейчас Валя запишет, а вы потом оформитесь.

– Конечно, – согласилась Валя. – Как ваша фамилия?

– Дружинин.

– Ну, все, отдыхающий Дружинин, теперь лежите тихо пятнадцать минут, – скомандовала Тина.

– У меня еще имя есть – Андрей.

– Хорошо, отдыхающий Андрей, я запомню, – и они оба рассмеялись.

Поездка в горы сама по себе была огромным удовольствием. Андрей прежде не бывал на Кавказе и не видел подобной красоты. Шпили острых скал вздымались к небу, а чуть ниже снежные поляны сияли ослепительной чистотой, еще чуть

ниже они уже терялись в мощных густых лесах. По дороге к Домбаю открывалось много живописных долин с бурными реками, где вода с шумом буквально прыгала по валунам. Лишь у Форельного озера, лежащего на гладкой поверхности, куда они потом ездили из базы отдыха, было покойно и тихо, словно это какой-то особый уголок среди величественных скал.

В этой поездке Андрей «пропитался» необыкновенной красотой «российской Швейцарии» и ее удивительным воздухом, в котором смешались густой запах хвойных деревьев, высоких трав чуть ни с него ростом и свежесть снега. Но важнее всего для него было то, что уже на полпути к Домбаю они болтали с Тиной, как давние знакомые, а к концу экскурсии он понял, что и дня не сможет прожить, не увидевшись с этой девушкой. И он чувствовал, что она тоже испытывает нечто подобное. Андрей взял Тину за руку, и они потом так и ходили всюду – взявшись за руки.

Так же, взявшись за руки, они каждое утро стояли по две – три минуты с закрытыми глазами под цветущей черемухой. Еще Андрею очень нравились их вечерние прогулки по бульвару. Они доезжали на трамвае до поворота, брались за руки и долго шли до «Цветника». Здесь, чуть в стороне от входа в этот небольшой, но красивый парк, били струи цветомузыкального фонтана и звучала умиротворяющая музыка. Они пробивались сквозь толпу поближе к фонтану и, словно замороженные, смотрели, как разноцветные столбики воды то взмывают вверх, то спадают, а брызги разлетаются вокруг маленькими разноцветными искорками. Они ничего не говорили друг другу, лишь улыбались, погрузившись в какой-то особый волшебный

мир.

А потом случилось то, что и должно было случиться. И это было неожиданно для них самих. Тина жила с матерью, и Андрей, условившись о встрече вечером, как всегда, ждал девушку у подъезда. Но в тот день к вечеру над городом собрались темно-сизые тучи, окаймленные беловатыми полосками, вдали уже гремел гром, который приближался с каждой минутой. Назревала гроза. Условленное время вышла Тина и сказала:

– Посмотри, какие тучи, и гром уже близко. Не стоит никуда ехать, лучше посидим у нас, поболтаем.

– А мама не против?

– Не против, – засмеялась Тина, – она уехала на три дня.

Так Андрей оказался в их скромной двухкомнатной квартирке. Тина устроила «роскошное» чаепитие с вареньем и печеньем. Они смотрели телевизор и болтали одновременно. А потом вдруг умолкли. И как случилось ЭТО, Андрей и сейчас, по прошествии стольких лет, не может объяснить. Под «гипнозом близости» они находились все три дня, пока отсутствовала мама Тины и пока шел нудный дождь, продолжавшийся после грозы и не дававший им возможности совершать вечерние прогулки.

А потом пошло все своим чередом: они виделись в санатории и гуляли вечерами по центру города, взявшись за руки. И однажды, когда они уже подходили к «Цветнику», не обращая внимания ни на кого вокруг, Андрей чуть ни налетел на девушку, которая стояла на его пути. Он подтолкнул Тину чуть-чуть вправо, чтобы обойти это неожиданное препятствие, но девушка тоже сдвинулась в сторону, снова оказавшись перед ним. Он повернул к ней

голову и увидел Нину – подругу Ларисы, которая окончила их институт двумя годами раньше. Нина засмеялась и сказала:

– Идешь, как отрешенный от мира. Что это с тобой?

Нина скользнула понимающим взглядом по лицу Тины, по их сомкнутым рукам и продолжила:

– Я вчера прилетела, отдыхаю в санатории, который находится здесь, в центре города. Привезла тебе пакет из Москвы. Жаль, что сегодня не могу отдать, тороплюсь на концерт. Так что придется завтра ехать к тебе, жди.

Нина торопливо продолжила путь, а Андрей, явно смущенный неожиданной встречей, ждал, когда Тина спросит, кто эта девушка. Но она не спрашивала, и он, запинаясь от смущения, после некоторого молчания сказал:

– Это знакомая по институту... Наверное, что-то связано с учебой.

Тина улыбнулась, не отпуская его руки, и они продолжили прогулку. Нина приехала не на следующий день, а через два дня, и не после обеда, как предполагал Андрей, а утром, в тот момент, когда он и Тина, взявшись за руки, стояли под черемухой с закрытыми глазами. Нина не удивилась, увидев такую необычную парочку, она остановилась и тихо засмеялась. Андрей и Тина, услышав смех так близко, открыли глаза, а Нина сказала:

– Хорошо, что мне не пришлось искать твою палату. Я, как всегда, тороплюсь, с утра еду на экскурсию в Железноводск. Получай свою передачу.

Андрей, смутившись, взял «пакет» – запечатанный конверт средних размеров. Хотя на нем не было обратного адреса, он прекрасно знал, от кого

это послание. Тина опять не проявила ни удивления, ни интереса, ни волнения, и они вместе направились к входной двери.

В палате Андрей распечатал письмо и вынул оттуда три фотокарточки и большую записку. Снимки представляли собой изображения курортов Болгарии: Солнечный берег, Золотые пески и Албену. А в записке Лариса сообщала, что есть возможность этим летом по студенческим путевкам отправиться в одно из этих мест вместе, но он должен дать свое согласие как можно скорее, потому что путевки разберут. «Я пыталась поговорить с тобой по телефону, – читал он дальше, – Сделала вызов на санаторий. Возможно, ты его не получил, так как я не знаю твоего точного адреса, номера твоей палаты. Ты, как уехал, так словно в воду канул, ничего о себе не сообщаешь. Ты там не заболел?»

Вызов на переговоры? Дней пять назад ему передали какую-то бумажку в вестибюле, там, куда приходит почта, но он находился под впечатлением счастливых ночей, проведенных с Тиной, к тому же, торопился переодеться, чтобы отправиться с ней на вечернюю прогулку, поэтому, не прочитав, сунул эту бумажку в ящик тумбочки и забыл о ней. Теперь Андрей достал ее и увидел, что это и был вызов на переговоры. Он забыл не только о нем, но и о существовании Ларисы, об обязательствах перед ней, о «красном» дипломе и предполагаемой работе в престижном проектном институте. Что ему делать, Андрей не знал, и только сейчас перед ним встал вопрос: а как же быть с Тиной?

Он мучился весь день, решая, рассказать Тине о Ларисе или нет. В конце концов, она должна понять, что до нее у него была какая-то жизнь. И

если он сейчас готов отказаться от прошлого ради нее, то она должна забыть о том, что у него было прежде. Вот только надо доучиться. Но сквозь такую решимость, хоть и несмело, пробивалась подленькая мысль: а готов ли он к такой откровенности?

Ему оставалось провести в санатории еще три дня, и сегодня у него последняя процедура в физиотерапевтическом кабинете, а значит, встреча с Тиной неизбежна. Андрей обычно начинал лечебный курс дня с этой процедуры, чтобы потом, переходя из одного кабинета в другой, «ненароком» встретиться с Тиной еще несколько раз, но в этот день оставил ее напоследок. Так даже лучше, подумал он, чтобы никто не помешал его объяснению с Тиной.

Подойдя к кабинету, Андрей через полуоткрытую дверь услышал, что Тина с кем-то разговаривает. Наверное, последняя пациентка, подумал он, но голос говорившей показался ему очень знакомым. Андрей, стоя у двери, прислушался.

– А что плохого в том, что мы ходим, взявшись за руки? – спрашивала кого-то Тина.

– Плохого, конечно, ничего нет, но это уж как-то слишком по-детски. Сомкнутые руки – это символ чистых отношений. Они могут стать началом огромного семейного счастья, если... если у этого союза имеется перспектива.

Андрей похолодел, сердце его бешено забилося: он узнал голос Ларисы. Как она здесь оказалась? Впрочем, чему он удивляется? Естественно, Нина известила, она же, наверное, и узнала кое-что о Тине, где работает, как найти. Но почему Лариса пошла сразу к ней, а не к нему? Его однокурсница, между тем, продолжала:

– А какая перспектива у вашего союза? Андрею надо заканчивать учебу, защитить диплом – вы расстанетесь почти на год. Взять вас в Москву он не может, так как живет в общежитии. Или вы хотите, чтобы он все бросил и остался здесь с вами, пошел на какую-нибудь стройку... прорабом?!

– Нет, конечно, – тихо ответила Тина, – пусть учится.

– И потом, – продолжала Лариса, – когда Андрей станет дипломированным архитектором, ему в этом городке делать нечего, у него есть возможность работать в крупном проектном институте, где по две-три заграничных командировки в год.

– Это уж пусть он сам выбирает, – хоть и не очень смело, но возразила Тина.

Лариса засмеялась:

– Тут и выбирать нечего, эти две перспективы даже сравнивать нельзя. К тому же, Андрей никогда не умел самостоятельно сделать выбор, ему обязательно надо подсказать. Он сейчас ослеплен вами, вернее, теми романтическими отношениями, которые вы ему предложили. А что потом в жизни вы можете ему предложить? Маленький городишко, где, наверное, всего один или два архитектора, неинтересная работа от звонка до звонка, жена – простенькая медсестра, уж извините, но это так. Да на первом же году семейной жизни, когда теперешний романтизм окончательно выветрится, он будет вас упрекать в том, что вы испортили ему карьеру, искалечили жизнь. Вы хоть это понимаете?

– Понимаю, – не сразу сказала Тина, – но...

– Никаких «но»! – твердо заявила Лариса. – К тому же, есть еще один довод, очень веский: я жду

от него ребенка. А чему вы удивляетесь? Ведь мы уже помолвлены, о наших отношениях и мои родители знают, они готовы принять Андриюшу в нашу семью.

Андрей старался представить лицо Тины и не мог. Единственно, что явственно представало перед ним, – это ее потухшие глаза. Как он может посмотреть в них теперь, после всего, что услышал? А если войти сейчас и все-таки сделать свой выбор в пользу их любви с Тиной? Тогда, действительно, в перспективе только жизнь в провинции, рядом со скромненькой медсестрой, как выразилась Лариса. Может, она права? Лариса уже заканчивала разговор, как понял Андрей, она выйдет, а вслед за ней, возможно, и Тина... Нет, он не мог встретиться с ними вот здесь, около двери, сразу с обеими. Андрей поспешил в палату. Он знал: скоро сюда зайвится Лариса, придется выдержать нелегкий разговор сначала с ней, а уж потом с Тиной. И Лариса не заставила себя ждать. Вошла без стука и, не обращая внимания на его смущение, сказала:

– Андриюшка, я так по тебе соскучилась! Я прилетела за тобой. Эти оставшиеся два или три дня лечения здоровья тебе уже не добавят, а путевки в Болгарию сгорят. Живо собирайся, я взяла билеты на поезд, мы сегодня уезжаем!

Андрей, ожидавший скандала, был обескуражен. По всему было видно, что Лариса не собиралась ничего обсуждать, она уже все решила. Как всегда, за себя и за него. Промелькнувшая было мысль о Тине растворилась в суете сборов. Лариса не оставляла ему ни минуты для самостоятельных действий. «Может, так и лучше», – подумал Андрей, который теперь не хотел объяснения с

Тиной – оно казалось ему совершенно ненужным в этот момент. Он уходил из санатория, как провинившийся пес, послушно следуя за своей «хозяйкой». Проходя мимо черемухи, даже не поднял на нее глаз. Он боялся сейчас только одного: случайно встретиться с Тиной. Мысленно Андрей оправдывал себя тем, что не мог оставить Ларису, которая ждала от него ребенка. А Тина... Это было какое-то наваждение, которое пройдет. И оно со временем прошло. Правда, иной раз всплывали в памяти необыкновенные лучистые глаза и дурманящий запах черемухи, и сердце трепетало при этом воспоминании. С годами все реже и реже, а потом и вовсе забылось.

Лариса не стала дожидаться окончания учебы и настояла на свадьбе, которая и состоялась перед поездкой в Болгарию, куда они отправились уже как молодожены. Якобы ожидавшийся ребенок оказался мифом, Лариса вообще была бесплодной, как потом выяснилось, но это уже не имело значения. В силу своего характера она руководила их семейной жизнью, карьерным ростом обоих, а Андрею ничего не оставалось, как соглашаться с ней.

Когда в стране произошли перемены, Лариса быстро уловила пульс новой экономики и с помощью отца создала собственную фирму, которая довольно долго процветала. За это время они успели приобрести, помимо уже имевшейся двухкомнатной квартиры, зарегистрированной на Андрея, еще две четырехкомнатные и дачный участок с прекрасным домом на имя Ларисы. Андрей был против таких излишеств, но жена стала упрекать его в том, что он не понимает сути

новой жизни, что от него их фирме никакого проку, что он вообще мямля. И однажды Лариса заявила, что устала все решать сама, что дела фирмы пошатнулись, и тут может помочь один по-настоящему деловой человек. Она сказала, что выведет его из состава руководства фирмы и подаст на развод. Основное имущество остается за ней, а он может продолжать жить в их двухкомнатной квартире и работать в проектном институте, из которого у него хватило ума не уволиться.

Вот тут в сознание Андрея и стали пробиваться воспоминания о Тине и все чаще тревожили чувство вины перед ней и ощущение ужасной потери чего-то самого дорогого в жизни, чего он тогда, двадцать пять лет назад, не понял. Наконец, ему стало казаться: найди он Тину – и то мимолетное счастье вернется и навсегда поселится в его доме. Им с Тиной достаточно будет его двухкомнатной квартиры и его зарплаты. И они будут ходить, взявшись за руки, как в юности. Смешно? А может быть, и нет.

3

Предаваясь воспоминаниям, Андрей так и не смог уснуть, отчего чувствовал себя утомленным. Зато Павел бодренько вскочил с кровати, услышав звонок мобильного, оставленного в кармане пиджака.

– Выспался, дорогая, и ты мне снилась все два часа, – заверил он жену.

Увидев бледное лицо друга, Павел решительно заявил:

– Немедленно отправляемся к известному тебе

дому, захватим твою Тину и поужинаем где-нибудь в ресторане.

И они отправились на Белую Ромашку. У знакомой двери Андрей остановился в нерешительности, прошептал: «Здесь». Но Павел сам нажал на кнопку звонка и потом проделал это еще несколько раз, подолгу задерживая палец на кнопке. За дверью звонко пел звонок, но из квартиры никто не выходил. Зато вышла соседка и, подозрительно оглядывая незнакомцев, спросила:

– Чего трезвоните?

– Мы в гости пришли, – как можно деликатнее сказал Павел.

– Видать, незваные гости, раз вас тут никто не ждал. Они обе уехали, вернутся через пять дней, – и соседка захлопнула дверь.

– Ну вот, видишь, – сказал Павел, успокаивая Андрея, – тебе дается время, чтобы ты успокоился, привел нервы и свой внешний вид в образцовый порядок. Главное, подруга твоя на месте. А еще несколько дней разлуки – это пустяк в сравнении с четвертью века.

Как ни странно, услышав об «отсрочке», Андрей сразу успокоился. В самом деле, есть время обдумать, что и как он скажет Тине. Хорошо уже то, что в ее жизни, как он и предполагал, не произошло больших перемен: она по-прежнему живет с матерью все в той же квартире. Вот место работы, очевидно, сменила. Остается подождать пять дней, и они встретятся, объяснятся. А пока мучительное ожидание встречи словно отодвинулось куда-то, и повеселевший Андрей повез Павла к цветомузыкальному фонтану.

Когда они нашли заброшенный уголок с потемневшими камнями, меж которых лежали кучки

обертки от конфет и шоколадок, пластмассовые стаканчики и пакеты, Андрей долго не мог понять, что стоит именно на том месте, где когда-то любовался цветными струями фонтана и внимал звукам прелестной музыки.

– Ну, она провидица, эта Фаина, – сказал Павел.

– Почему? – не сразу сообразил Андрей.

– А вот тебе второе разочарование, как она и предсказывала, нет никакого фонтана.

– Нет, уже третье... Третье разочарование.

– Не понял...

– Второе было у дома Тины.

– Да, ты прав, – согласился Павел. – Но так дело не пойдет. Начинать отдых с одних разочарований – нет уж, увольте! Пойдем по испытанному пути, нас выручит, как всегда, любой приличный ресторан!

Где были, что ели и особенно пили, оба потом долго не могли вспомнить. Завтрак друзья проспали, встали только к обеду. Пока промывали опухшие лица и наспех брились, в столовую пришли, когда зал уже почти опустел. Профессор Остапенко, по-видимому, уже «нарезала круги долголетия», а Фаина еще сидела за столом, допивая компот мелкими глоточками. Осознавая, в каком виде явились к столу, друзья сконфуженно поздоровались. Фаина понимающе улыбнулась:

– Вчера у вас был трудный вечер.

– С чего вы взяли? – не слишком вежливо отозвался Павел.

– Мужчины вашего возраста всегда с этого начинают пребывание на курорте, – нарочито не замечая неприветливого тона Павла, продолжала Фаина. – Но большинство на этом и останавливает-

ся, потому что невозможно совместить горячительные напитки с минеральной водой. Этот «коктейль» плохо сказывается на здоровье.

– Но нельзя же только лечиться и лечиться, – возразил Павел. – Хочется каких-то впечатлений.

– О, их здесь сколько у-год-но, – сказала Фаина. – Экскурсии, музеи, концертные залы. Театр оперетты, наконец! Очень рекомендую. Хорошие голоса, роскошные костюмы, ве-ли-ко-леп-ные декорации! Не «символы» из железных прутьев или дерева, как это сейчас в большинстве театров принято, а самые настоящие художественные декорации, создающие особое настроение.

– Да вы театралка, – смягчился Павел.

– И не только, – отозвалась Фаина. – Люблю искусство во всех его видах. Бывая в незнакомых городах или за границей, стараюсь увидеть все достопримечательности, музеи, по возможности посетить театры. Знаете, иногда в провинции еще сохраняется прежний подход и к режиссуре, и к оформлению.

– Да вы рассуждаете, как знаток, – решил подколоть ее Павел.

– Совершенно верно, – неожиданно для него без обиды согласилась Фаина, – я же искусствовед.

– Так вы же говорили... референт-секретарь.

– Конечно, в области искусства.

– Извините, – смутился Павел, – но вы вчера своими астрологическими предсказаниями сбили нас с толку.

– Астрологические предсказания? – Фаина рассмеялась. – Я вам выдала то, что прочитала в местной газете.

– Но ведь сбылось! – вмешался Андрей.

– Неужели? – удивилась Фаина. – И что же случилось?

– Разочарования. Это был день разочарований. Поэтому мы...

– Топили их в вине? – весело подхватила Фаина. – Испытанный способ!

Все трое смеялись от души, и друзья отметили, что куда-то подевался тот методичный тон, которым Фаина прежде излагала свои мысли. Но вот она глянула в окно и неожиданно спросила Андрея:

– Вы еще не были у психотерапевта?

– Не успел. Да и не знаю, нужно ли.

– Теперь, если даже захотите, придется ждать до понедельника.

– Почему?

– Она иногда не только на выходные дни уезжает домой в Ставрополь, но и в пятницу отменяет прием, если за ней отец приезжает раньше. Она потом эти часы в другие дни возмещает. А отец вот он, уже приехал.

– А сегодня какой день? – поинтересовался Андрей.

– Четверг. Татьяна Николаевна уже отработала, а завтра приема не будет... Обнимаются... У них такие нежные отношения с отцом.

Их стол стоял у огромного, почти до самого пола окна, и друзья тоже посмотрели сквозь стекло. На площадке перед входной дверью, как раз напротив того места, где когда-то росла черемуха, в этот момент обнимались высокий военный с погонами полковника и стройная девушка с короткой стрижкой. По тому, как они, обнимаясь, что-то говорили друг другу, по улыбке мужчины было понятно, что

отца и дочь, действительно, связывают нежные чувства. Лицо полковника с четкими мужественными чертами видно было хорошо, а девушка повернулась спиной к окну, и ее лица теперь нельзя было увидеть. Она уже садилась в серебристый «мерседес». Полковник захлопнул за ней дверцу и сел за руль.

– Вы хотели услышать какую-либо давнюю историю? – вдруг спросила Фаина, провозжая взглядом отъезжающую машину. – Так вот же она! Девушка, которая только что уехала, как вы, наверное, поняли, и есть психотерапевт. Ее мать когда-то работала в этом санатории медсестрой...

Сердце у Андрея на секунду-другую остановилось, потом забилось с невероятной скоростью. Он побледнел, лоб покрылся испариной. Заметив это, Фаина остановила рассказа и встревожено спросила:

– Что с вами, Андрей? Вам плохо?

– Н-нет, нет, ничего, продолжайте. Как звали ту медсестру?

– Валентина.

У Андрея отлегло от сердца.

– Так вот, – продолжала рассказывать Фаина. – Валя, как это нередко случается на курорте, встретила здесь человека, полюбила его...

– Валя? – перебил ее Андрей. – А о той, другой, ее напарнице, ничего не известно?

– Нет, вам точно плохо, – после некоторой паузы, вызванной недоумением, сказала Фаина. – Я не знаю, о ком вы спрашиваете, но пытаюсь рассказать вам, действительно, удивительную историю.

– Правда, Андрюша, не мешай, если неинтересно, – вдруг заметил Павел, – давай дослушаем.

– Да, да, конечно! – как в лихорадке, произнес Андрей.

– Так на чем мы остановились? – начала Фаина снова. – Ах, да! Они встретились, полюбили друг друга. По крайней мере, ей так казалось. Но он предал ее. Позже выяснилось, что она ждет от него ребенка. Валя решила уехать, чтобы избавиться от пересудов. «Красный» диплом медсестры позволял ей поступить в мединститут без экзаменов. Она так и сделала. Жила в Ставрополе у тети, прилежно училась и ждала рождения ребенка. Как-то к тете с каким-то поручением от матери, ее подруги, пришел старший лейтенант, который только что начал преподавательскую деятельность в одном из военных училищ. Глянул на девушку – полюбил на всю жизнь, стал часто приходить и вскоре сделал предложение. Валя не стала ничего от него скрывать, но Николай заверил, что он примет ее дочь, как родную, и девочка никогда не узнает, что она ему приемная.

– Ну, в принципе банальная история, – устало произнес Андрей, ожидавший известий совсем о другой женщине.

– Не скажите, – не согласилась Фаина. – Начало истории, действительно, банальное, но есть продолжение.

– Рассказывайте, рассказывайте, – попросил Павел, почему-то проявивший больший интерес к давней истории, чем Андрей.

– А продолжение такое. Сам Николай Григорьевич уже тогда работал над диссертацией и поддерживал в этом отношении жену. Он несколько лет назад защитил и докторскую, а Валентина Михайловна, окончив институт, ординатуру и став кандидатом меднаук, осталась преподавать в институте

(сейчас это академия) и недавно подготовила к защите докторскую диссертацию. Дочь пошла по стопам матери: окончив академию, сейчас работает над кандидатской диссертацией по своей специальности психотерапевта. Ей разрешили собирать материал здесь, в санатории, где когда-то работала ее мать. Между прочим, Валентина Михайловна тоже иногда приезжает за дочерью вместе с мужем или одна, она давно уже за рулем.

– Вот как? – вдруг заинтересовался Андрей. – Мне бы хотелось с ней увидеться.

Он подумал: возможно, это та Валя, которая двадцать пять лет назад работала здесь в кабинете физиотерапии, и она знает что-нибудь о Тине.

– Ну да! – подтвердила Фаина. – Она там и работала. Но я не закончила. Возможно, Татьяна никогда бы не узнала, что отец ей не родной, если бы не встретила однажды Евдокию Ильиничну, которая в одно время с ее матерью работала и знала ее историю. Не предполагая, что Татьяне ничего не известно, она ей все рассказала.

– И как отреагировала на это известие Татьяна? – не удержался от вопроса Павел.

– Вот! – многозначительно продолжила Фаина. – Она же психотерапевт! И любящая дочь. Она прежде всего подумала о том, чтобы не нанести душевную рану отцу. Татьяна делает вид, что ей не известна тайна ее рождения, и взяла слово с Евдокии Ильиничны, что та не скажет ни матери, ни тем более отцу, что ей все известно. Вот так они теперь и живут: он хранит от нее свою тайну, она от него – свою. Не правда ли, теперь редко можно встретить такое бережное отношение друг к другу.

– Да, любопытно, – сказал Павел. – И примечательно, что вся семья – ученые. Ведь дочь, говори-

те, тоже готовится к защите.

– Тем более примечательно, что когда-то именно Валентине Михайловне предрекали серенькую будущность «простенькой провинциальной медсестры». Но она доказала, чего стоит.

– Не ей! – перебил с горячностью Андрей. – А той, другой! Тине!

Фаина растерянно смотрела то на Павла, то на Андрея, потом, накрыв ладонью руку Андрея, произнесла успокаивающим методичным голосом:

– Меркурий вошел в орбиту Сатурна, это благоприятно для Весов, и вы совершенно спокойны... Так вам известна эта история? Кто рассказал?

– Это неважно. Но мне, действительно, кое-что известно.

– Кое-что! Но, вероятно, не все. Ведь я рассказываю именно о Тине.

– Но вы же говорили – Валентина!

– Ва-лен-ти-на, – по слогам произнесла Фаина. – Вслушайтесь: Вален-тина. Было две Вали в кабинете. Чтобы их не путать, одну звали Тиной.

Андрей побледнел и был близок к обмороку.

– Извините, я не ожидала, что мой рассказ на вас так подействует, – растерянно оправдывалась Фаина.

– Ничего, ничего, он сейчас успокоится, – заверил Павел, поднимая друга со стула. Он такой впечатлительный, к тому же, плохо чувствует себя после вчерашнего. Сейчас отдохнет – и все пройдет.

– Но я все-таки очень советую сходить к психотерапевту, – сказала Фаина. – С его нервами ему это крайне не-об-хо-ди-мо.

До палаты друзья дошли молча. Андрей рухнул на кровать и закрыл глаза. Павел достал из холодильника бутылку минералки, налил полстакана и протянул Андрею:

– Выпей.

Андрей открыл глаза, сел рывком, схватил стакан и залпом выпил воду. Немного помолчав, спросил:

– Как ты думаешь, это правда?

– То, о чем рассказывала Фаина?

– Да... И... и то, что Татьяна – моя дочь?

И на лице и в голосе Андрея читалось такое страдание, что Павлу стало его очень жаль. Он сел напротив, взял друга за руки и сказал:

– Главное, Андрюша, что Меркурий вошел в орбиту Сатурна, и это благоприятно для Весов.

– Ты шутишь! А мне не до шуток!

– Понимаю. Но надо успокоиться и все как следует обдумать, сопоставить. А вдруг у твоей Тины уже после тебя был еще один курортный роман, и Татьяна – плод той мимолетной любви.

– Не думаю. Не такая она была. Да и по времени все сходится... По деталям. Особенно эти слова – о простенькой медсестре. Это же Лариса тогда так отозвалась о Тине. Так что это наша с ней история.

– Да, вероятно... А каково это – узнать через двадцать пять лет, что у тебя взрослая дочь? Причем, умница, наукой занимается.

– Это, к сожалению, не моя заслуга. А вот каково узнать... Если честно, почему-то нет радости, скорее, какой-то непонятный страх. Может, это потому, что я еще не видел ее лица? Мне важно посмотреть в ее глаза, чтобы понять, как она может принять известие о родном отце.

– А тебе хочется, чтобы она узнала о тебе?

– А почему бы нет? Перед ней у меня вины нет – я не знал о ее существовании. Иначе никогда бы не отказался. Тина... Тина не должна была так поступить со мной.

Павел встал, прошелся по комнате несколько раз в раздумье и, наконец, заявил:

– Как друг, я должен быть на твоей стороне. Но здесь такое деликатное дело... Ты же тогда не оставил своей возлюбленной выбора. Уехал, даже не простившись. Разве могла она быть уверена в том, что ты признаешь дочь? А сейчас ты не знаешь, готова ли она сама тебя простить и готова ли простить тебе дочь все, в том числе и предательство матери.

– Но мне сейчас так нужен близкий, родной человек! Ведь я совсем один!

– К сожалению, мы вспоминаем о родных только тогда, когда они нам нужны, а не тогда, когда им нужны мы, – философски заметил Павел. – Но у тебя ситуация такая серьезная, что в пять минут не решишь. Ты вот что, прими-ка таблеточку легкого снотворного и... Как там говорится? По закону Архимеда после сытного обеда надо отдохнуть. Вот и давай отдохнем, а потом на свежую голову все обдумаем и взвесим. Впрочем, я перед сном зайду в библиотеку, возьму какой-нибудь журнал.

Хотя снотворное Андрей выпил легкое, сон у него был тяжелым. Поначалу что-то путанное будоражило голову, а потом все провалилось в черную пустоту. Проснувшись, Андрей услышал, как Павел разговаривает по телефону с Юлией:

– Да что ты, солнышко, за кем я могу угнаться на своих ревматических коленках? Да тут и гоняться-

то не за кем. Как дела у Андрюши? Пока нашли только дочь. Как чью? Андрюшину. Нет, она ничего не требует, она даже не зна... Прости, дорогая. Андрюша проснулся. Сейчас пойдем ужинать. Питание здесь – это тоже лечебная процедура, поэтому пропускать нельзя.

Пока шли к столовой, Павел рассказывал:

– Представляешь, прихожу в библиотеку и застаю там человек двадцать, не меньше. Они сидят чуть ни с открытыми ртами и слушают. Кого бы ты думал? Фаину! Я начал слушать и тоже уже не мог уйти – так интересно она рассказывала о своей поездке в Бразилию. Оказывается, ездила туда в командировку зимой. И снимки показывала. Очень своеобразная архитектура, планировка ландшафтов. У нее дома большая коллекция альбомов с образцами архитектуры стран Южной Америки.

Все это Андрей выслушал не очень внимательно, так как был занят своими мыслями. К ужину друзья явились с небольшим опозданием, но профессор Остапенко в своей неизменной блузе была еще за столом и без остановки перебрасывала содержимое тарелок себе в рот. Она кивнула мужчинам в знак приветствия и продолжала молча заниматься своим делом. А вот Фаины почему-то не было. Не было на столе и ее приборов. Павел хотел было спросить профессора, где же вторая женщина, но Остапенко уже закончила трапезу, поднялась и пошла к выходу.

– Неужели она и вечером занимается закладкой основ долголетия? – в изумлении спросил Павел, глядя вслед профессору, но Андрей шутку не поддержал и только пожал плечами.

Друзья поужинали в молчании. Фаина так и не

появилась.

– А кто же нам расскажет про Сатурн и Меркурий? – шутливо спросил Павел, но в его голосе явно звучали нотки сожаления: видно, его почему-то беспокоило отсутствие Фаины.

Андрей, занятый своими мыслями, почти не слышал друга. Неожиданно он предложил:

– Пойдем туда, где жила Тина, спросим у соседки, кто там сейчас живет. Вдруг Фаина все придумала или смешала в кучу разные истории. Я должен убедиться, что Тина там больше не живет.

Павел кивнул в знак согласия, и друзья направились к знакомому дому. На звонок к соседке вышла все та же неприветливая старушка. Узнав, в чем дело, сказала:

– Сами у них и спросите. Они уже приехали сегодня утром.

– Вы же говорили, что через пять дней...

– Мало ли что кто говорит тем, кто по чужим квартирам шастает!

Старушка захлопнула дверь, зато на звонок в соседнюю квартиру дверь распахнулась. На пороге появилась тоже старушка, но в отличие от соседки приветливая.

– Вы к Тане? – поинтересовалась она.

– Нет, мы к Тине, – торопливо ответил Андрей.

– Таких здесь не проживает, – ответила приветливая старушка со смущенной улыбкой, будто чувствовала себя виноватой в том, что какая-то Тина не живет в этой квартире.

– Беловы! Беловы! – опять заторопился Андрей. – Разве они не здесь живут?

– Нет, таких здесь не проживает, – опять сказала старушка.

Тут из-за ее спины высунулась голова второй старушки, с таким же приветливым лицом, как и у первой, и спросила:

– Вы не из общества борьбы с алкоголизмом?

– Нет, мы из другого общества, – принимая солидный вид, ответил Павел. – С алкоголизмом мы боремся... своими способами. Так Беловы здесь точно не проживают?

– Нет, – дружно ответили старушки.

– А вы кто же?

– Мы обе Свиридовы, сестры Свиридовы. Мы в обществе борьбы с алкоголизмом...

– Это очень похвально, что вы боретесь, – заметил Павел. – Но нас интересует, как вы оказались в этой квартире.

– Так вы из жилуправления?

– Это неважно, откуда мы, – теряя терпение, сказал Андрей. – Лучше скажите, куда подевались те, кто здесь до вас жил.

– Никуда он не подевался. Когда у него жена умерла, ему две комнаты стало много, вот он с нами и поменялся на однокомнатную. Ведь правда, Таня?

– Правда, правда, – закивала головой старушка Таня.

– Здесь жил мужчина? – удивился Андрей. – А где же Беловы?

– Беловы? Может, это те, с кем он из Ставрополя менялся?

– Из Ставрополя? – переспросил Андрей. – Так они все уехали в Ставрополь, и мать и дочь?

– Наверное, – дружно ответили старушки, – они же поменялись квартирами.

– Простите за беспокойство, вы нам очень

помогли, – подытожил Павел, стараясь поскорее увести отсюда Андрея.

Когда вышли на улицу, он обратился к другу:

– Теперь ты поверил, что Фаина рассказывала правду?

В его словах Андрей услышал явное желание защитить женщину, о которой совсем недавно тот же Павел говорил как о нудной особе. Андрей молча кивнул, не желая продолжать разговор.

– Теперь я обязательно схожу к психотерапевту, – сказал Андрей, когда они вернулись в палату.

– Но надеюсь, не для того, чтобы выяснять отношения? – осторожно спросил Павел.

– Я должен понять... должен понять, – затвердил Андрей, повторяя несколько раз одно и то же.

– Разберемся, – пообещал Павел и взял зазвонивший мобильник.

Звонила, разумеется, Юля. Павел, обычно изливавший на нее неисчерпаемый запас ничего не значащих ласковых слов, на этот раз некоторое время слушал молча, затем спросил:

– Ей-то какое до этого дело?

Услышав что-то в ответ, горячо возразил:

– Так бывшая же, бывшая! Ну, подумаешь, не развелись еще официально. Они душою разошлись... Я понимаю, несмотря ни на что, Лариса твоя подруга, но все-таки ты напрасно сказала ей про дочь. Мы же сами толком ничего не знаем, этот факт еще надо подтвердить. Как, как... Не знаю, как. Но хотя бы встретиться. А? Нет, родная, я паинька. Не волнуйся, это же не Париж.

Андрей слушал разговор не перебивая, но с явным вниманием.

– Ты упомянул Ларису... и мою дочь?

– Твою, твою. В прошлый раз я по неосторожности брякнул... дескать, нашли Андриюшину дочь, так Юлька Ларисе сказала, а та забеспокоилась.

– А ей-то какое дело?! – взъерошился Андрей.

– Вот и я то же самое сказал. У Ларисы теперь своя жизнь. Какое ей дело до твоей дочери?

В палату доносились звуки танцевальной музыки.

– Тут, кажется, дискотека, – сказал Павел. – Тысячу лет не танцевал. Не хочешь потоптаться, кости размять?

– Потоптаться не хочу, но можно посмотреть, – ответил Андрей, цепляясь за дискотеку как за возможность отвлечься от тревожных мыслей.

Народу в зале было не очень много, и друзья, стоя у порога, рассматривали публику. На удивление, здесь не оказалось Фаины, зато профессор Остапенко, сидя в кресле, поблескивала очками, с самым серьезным видом разглядывая танцующих. Павел подошел к ней и как бы между прочим поинтересовался, где ее соседка по столу.

– Она уехала с группой отдыхающих в Архыз.

– А как же мы? – обиженным тоном спросил Павел.

– А что вы?

– Может, мы бы тоже поехали, но нам никто не сказал.

– Объявления читать надо, – категорично посоветовала Остапенко.

Разочарованный Павел вернулся к Андрею и изрек:

– Скучища здесь.

– Это потому, что ты сосредоточил внимание на науке, – съязвил Андрей, указывая глазами на

профессора Остапенко. – Лучше посмотри вон туда. Три девушки с такими длинными ногами, как тебе хотелось.

– Почему-то расхотелось, – скучным голосом ответил Павел. – Пойдем лучше телевизор смотреть.

4

Пятницу и два выходных дня, почти свободных от процедур, друзья провели, в основном, в экскурсиях и походах по музеям. Лишь в понедельник утром они вновь встретились с Фаиной за завтраком. Веселая, полная энтузиазма, она сияла не только блеском своих великолепных зубов, казалось, что сияние исходило и из ее глаз, и от кожи, чуть подзолоченной горным солнцем.

– Ну, слава Богу, – обрадовано приветствовал ее Павел, – вы на месте. А то мы тут без вас не знали, что нам предскажут звезды.

– Это так важно? – спросила Фаина. – А может, лучше не знать своей судьбы на-пе-ред?

– Почему?

– Чтобы не жить на-прас-ны-ми ожи-да-ни-ями. Предсказания чаще всего не сбываются, зато ожидание тревожит. И, к тому же, неинтересно жить без неожиданностей.

– Да вы мудрая женщина, – не то удивленно, не то восхищенно сказал Павел. – Не откажитесь быть нашей наставницей. Нам все-таки нужна путеводная звезда на оставшееся время, чтобы мы не потратили его понапрасну.

Андрей не узнавал друга. Привыкший идти по жизни непринужденно, поглядывая на облада-

тельниц длинных ног, не придававший значения мимолетным знакомствам, всегда готовый превратить все в шутку, Павел на этот раз, кажется, желал упрочить отношения с женщиной своих лет, а может, и постарше, видимо, рассчитывая на продолжение, хотя им осталось провести в санатории чуть больше недели. Самого Андрея подтачивало тревожное ожидание встречи с дочерью. Да с дочерью ли? К ожиданию примешивалось и сомнение. Его отношение к девушке, которую он мельком увидел из окна, никак не укладывалось в какое-нибудь четкое понятие. Жизнь скучна без неожиданностей, сказала Фаина, но ведь не всякая неожиданность может оказаться приятной.

Приняв уже назначенные процедуры, друзья записались к психотерапевту. Оба. Павел сказал, что ему-то консультация не нужна, но он будет представлять собой группу поддержки для Андрея. Впереди них оказались две женщины, и друзья сели чуть в отдалении в кресла. В холле показалась Фаина. Павел сразу встрепенулся, даже приподнялся в кресле и с явным желанием остановить ее сказал:

– Что там на Млечном пути? Какие неожиданности подстерегают моего друга в кабинете психотерапевта?

– Покой, – изрекла Фаина, не останавливаясь, и Павел с сожалением опустил в кресло, а женщина прошла дальше.

Заметив странную перемену в поведении Павла, Андрей сказал:

– По-моему, она уже не кажется тебе занудой.

– Видишь ли, мы здесь, как вакууме. Не с профессором же Остапенко беседовать о предначертании звезд.

– Так ты для этого завоевываешь расположение Фаины? Но она, кажется, не торопится пойти на сближение.

– Друг мой, – назидательно заговорил Павел, – женщину надо постепенно приучить к мысли о том, что она тебе нужна.

– И что ты готов для нее при этом сделать?

– Ты не понял. Она нужна мне как духовная опора, как посошок. Женщины вообще выносили-вее мужчин, потому и живут дольше.

Из кабинета вышла отдыхающая и, обратившись к мужчинам, сказала:

– Врач просит зайти следующего.

Андрей поднялся и решительно пошел к двери. Войдя в кабинет, остановился на пороге, внимательно всматриваясь в профиль девушки. Но вот она повернула голову и с едва заметной улыбкой сказала:

– У вас такой вид, будто вы готовитесь к корриде.

– Решительный? – уточнил Андрей, все еще не двигаясь с места и продолжая рассматривать лицо девушки.

– Проходите, садитесь в кресло, – пригласила врач.

Андрей сел, не отрывая глаз от ее лица. Он пытался найти знакомые черты, уловить свет лучистых глаз, но не находил. Перед ним сидела незнакомка, красивая, спокойная, доброжелательная, но... совсем чужая. Она не была похожа на Тину, но все же что-то едва уловимое напоминало ему почти забытую девушку далеких лет. Может, выше обычного вскинутые брови или чуть приподнятые уголки губ? Андрей и самому себе не мог бы объяснить, почему он так старательно искал в лице этой девушки черты своей любимой. Впрочем, все

понятно. Это Фаина утверждает, что Татьяна – дочь Тины. А вдруг ошибается? Вдруг эта девушка не имеет никакого отношения ни к Тине, ни, тем более, к нему?

– Вы еще долго будете меня разглядывать? – спросила Татьяна, и вдруг знакомая летучая улыбка промелькнула на ее губах.

Андрея будто током ударило. Вот оно! Эта улыбка принадлежала только одной на свете девушке, и значит, та, что сидит напротив, вероятнее всего, ее дочь. Но его ли?

– Когда же я услышу, наконец, «жалобы турка»? – спросила врач все с той же летучей улыбкой.

– Какого турка? – спросил Андрей, с трудом отрываясь от своих мыслей.

– Да вы не склонны к юмору.

– А! Нет, нет, склонен, склонен, – заторопился Андрей.

– Тогда начинайте жаловаться, – предложила врач.

– На что?

– Ну, хоть на что-нибудь. Вы же ко мне за помощью пришли.

– Да, да, конечно, я плохо сплю, – торопливо сказал Андрей, понимая, что уже надо назвать причину посещения психотерапевта.

– Дома тоже плохо спите или вам так на курорте не повезло? – поинтересовалась врач и потеряла переносицу средним пальцем левой руки.

Пораженный этим жестом, Андрей сбивчиво спросил:

– А скажите, доктор, жесты, манера поведения передаются по наследству?

– Безусловно.

– Даже если ребенок никогда не видел отца?

Татьяна Николаевна внимательно посмотрела на странного пациента и спросила:

– Почему вас это интересует? Ваш плохой сон связан с семейными проблемами?

Она снова провела пальцем по переносице и слегка тряхнула головой так, будто отгоняла надоедливую муху. Андрей, и без того бледный, побледнел еще больше.

– Я вижу, вам нехорошо, – сказала врач, – выпейте воды, закройте глаза и постарайтесь расслабиться... Вот так... А беседу, пожалуй, перенесем на завтра.

– Хорошо, д... доктор, – запинаясь на этом слове, которое ему хотелось заменить другим, согласился Андрей. – Но ответьте мне только на один вопрос: если отец никогда не видел свою дочь, должен ли он признаться...

Андрей остановился, но врач подхватила:

– Признаться в родстве?

– Да!

Татьяна Николаевна несколько секунд внимательно смотрела на пациента, затем спокойно сказала:

– Это зависит от многих обстоятельств. Главный принцип здесь, как и в медицине: не навреди. Так, на сегодня сеанс окончен, приходите завтра, когда соберетесь с мыслями и сможете сказать более конкретно, что вас беспокоит, отдыхающий Другинин. Ведь это ваша карта?

Андрей кивнул и вышел из кабинета. Когда его, бледного и взволнованного, увидел Павел, он отказался от визита к врачу и пошел вместе с другом в палату.

– Тебе удалось хоть что-нибудь выяснить? – спросил Павел. – Что-то уж очень быстро она провела сеанс.

– Это она! – словно не слыша его, сказал Андрей. – Дочь Тины! Она мало похожа на мать, но улыбка... Я сразу ее узнал.

– Я о тебе спрашиваю! Ты признал в ней свою дочь?

Андрей вдруг рассмеялся, тихо, почти беззвучно, и долго раскачивался, мотая головой, из чего Павел понял: у друга нервный срыв, и скоро ему понадобится не психотерапевт, а психиатр. Поэтому он предложил:

– Давай отложим этот разговор на утро.

– Вот и доктор то же самое сказала! – перестав смеяться, Андрей встал и нервно заходил по комнате. – Понимаешь, она обратилась ко мне точно так, как когда-то ее мать: «Отдыхающий Дружинин».

– Да они все так к нам обращаются!

– Нет, ты не слышал эту интонацию! Не видел эту улыбку!

– Ну ладно, пусть будет так: это дочь твоей Тины. А ты-то, ты-то...

– Скажи, как я встряхиваю иногда головой? Вы все еще смеетесь надо мной при этом.

– А, это! Словно от мухи отмахиваешься.

– Вот именно! Татьяна... Николаевна делает это точно так же!

– Это могло тебе показаться.

– А потеряешь переносицу средним пальцем левой руки – чья привычка?

– Твоя, но это может быть простым совпадением.

– Ты что, не хочешь, чтобы у меня появилась

дочь? У самого двое – сын и дочь, а мне, значит, никого не надо?

– Да что ты, Андрюша! Просто на таких догадках не строится линия родства. В таких случаях самое надежное – генетическая экспертиза.

– Но надо, чтобы на это согласились двое: я и она. Или мне тайно вырвать волосок из ее головы? Как ты себе это представляешь?

– Думаю, что она немедленно вызовет санитаров из психушки.

– Ты все шутишь, а я действительно не знаю, как мне лучше поступить. Я представлял ее себе, как и мать, робкой провинциальной девушкой, а она... с характером!

– У тебя устарелые представления о провинциалках.

– Наверное, это потому, что именно такой образ – образ Тины я храню в своей памяти.

– А вот теперь скажи честно, чего тебе больше хочется: сохранить этот образ в памяти навсегда, как утешение в периоды семейных неурядиц, или разрушить его, расстаться с ним окончательно? Неужели ты не понимаешь, что четверть века в эпоху безумных скоростей, компьютеров и совершенно новых подходов к привычным понятиям неизнаваемо меняют человека? Меня удивляют встречи так называемых влюбленных через 30 – 40 лет, даже через 50, которые устраивают в телепередачах. Это, конечно, прежде всего шоу. А в жизни все по-другому! Время на все накладывает свой отпечаток, и, мечтая о встрече с Тиной, ты не хочешь понять, что тебе предстоит встреча с совершенно другой женщиной. С новой женщиной! Сможешь ли ты любить ее так же, как в юности? Или тебе придется все начать заново? И захочет ли

она поменять устоявшийся уклад жизни на неизвестность, которая ждет ее с тобой, однажды уже предавшим ее? Да, да, и не отмахивайся. Все это очень сложно, вопросов больше, чем ответов. И я ввязался в эту твою историю только потому, что Лариса собралась тебя бросить, у тебя в жизни тяжелый момент, и я, как друг, не могу оставить тебя без поддержки. Но вот сейчас я понял, что это вредная затея – ради собственного эгоистического чувства ты готов поставить под удар сразу три судьбы: матери, дочери и отца.

Павел произнес эту тираду на одном дыхании, как это бывало всегда, когда он, сбросив личину легкомысленного человека, говорил о серьезных вещах.

– Но я могу хотя бы... заявить свои права на дочь? – не очень уверенно произнес Андрей.

– А зачем?!

Этот вопрос поставил Андрея в тупик. Он, действительно, до конца не осознавал, зачем ему это нужно. Как спасение от одиночества? Так это если Татьяна захочет признать в нем отца. Он представил себе спокойное лицо девушки, ее слегка покровительственный тон разговора с пациентом. А не останется ли он для нее навсегда «пациентом», к которому она лишь по долгу должна будет проявлять милосердие? Ведь нежность и любовь она уже отдала другому отцу. И если верить Фаине, Татьяна не хочет ничего менять, скрывает, что знает правду. Но, может быть, это до тех пор, пока она не знает настоящего отца?

– Да ведь я совсем не за этим сюда приехал! – вдруг с каким-то надрывом сказал Андрей.

– Не понял... – повернулся к нему Павел.

– Я ехал к Тине, – пояснил Андрей, – а дочь...
Известие о ней возникло случайно.

– Не мучайся, пойдем завтра на прием к психотерапевту вместе, – предложил Павел. – Устроим «перекрестный допрос» и посмотрим на реакцию.

– Ты что затеял?

– Увидишь. А пока пойдем в концертный зал – там сегодня встреча с петербургским искусствоведом.

– С Фа-и-ной?! – догадался Андрей.

– Вот именно. Будет также показан небольшой фильм о сокровищах Эрмитажа, который она привезла с собой.

Встреча прошла очень интересно. На небольшой сцене стояла не соседка по столу, а полная изящества женщина, умеющая увлекательно рассказывать о судьбе старинных предметов, хранящихся в знаменитом музее. Павел с большим воодушевлением воспринимал каждое слово, и Андрей, глядя на него, подумал: если у него самого курортный роман, возникший 25 лет назад, кажется, идет к логическому завершению, то у Павла он только начинается. Совершенно неожиданно, чего не могли предсказать даже звезды. Впрочем, может быть, этот порыв исчезнет вместе с отъездом.

На следующий день друзья пошли к психотерапевту, но не с утра, а к концу приема, чтобы не ограничивать себя во времени в течение сеанса. Увидев в кабинете сразу двоих, Татьяна Николаевна сказала:

– Принимаю по одному, а кто из вас лишний, разберитесь сами.

– Мы оба лишние в этом мире, доктор, – как всегда, с юмором и претензией на философию

одновременно, отозвался Павел. – Меня в этом уверяет начальник, когда распределяет премию, а моего друга – покинувшая его жена, которая сочла, что он лишний в ее жизни.

– Я еще вчера поняла, что у вашего друга семейные проблемы, – сказала Татьяна Николаевна и потерла переносицу средним пальцем левой руки.

Андрей и Павел понимающе переглянулись.

– Так это на почве семейного разлада у вашего друга появилась склонность к генетическим исследованиям? – спросила Татьяна Николаевна, глядя при этом на Андрея.

Тот смущенно присел на краешек стула, стоящего около кресла, в котором вальяжно расселся Павел.

– Ваша жена оставила вас, узнав о внебрачной дочери? – спросила Татьяна Николаевна Андрея напрямик. – А вы, похоже, тоже ничего о ней не знали?

– Я не знал и... сейчас еще не уверен, но мне хочется, чтобы дочь узнала обо мне, – ответил Андрей и невольно потер переносицу, как делал это в минуты сильного волнения или задумчивости.

Этот жест сразу уловили пронизательные глаза психотерапевта, и она стала внимательно всматриваться в лицо странного пациента, затем медленно и внушительно произнесла:

– «Не уверен – не обгоняй» – так прежде писали на некоторых машинах. И я советую вам не торопиться с выводами, «не обгонять» реальные обстоятельства.

– Почему? – с вызовом спросил Андрей и потрянул головой, «отгоняя муху».

Татьяна отвела от него взгляд, ставший вдруг жестким, и, перелистывая без всякой надобности

его курортную карту, продолжила:

– Я не знаю причины, по которой вы расстались с матерью вашей дочери, но, как правило, женщины любую из них считают предательством. А предательство редко кто может простить. Дочь в таких случаях становится на сторону матери.

– А как же зов крови? – вмешался Павел – Неужели разумная дочь не найдет капли жалости к отцу, который даже не знал о ее существовании?

– Разумная дочь не станет из жалости к нему нарушать душевный покой того, кто действительно стал ей отцом, – прервав его, жестко отпарировала Татьяна, отодвинув от себя курортную карту. – Что касается сеансов психотерапии, то вам обоим больше пользы принесут вечерние прогулки по свежему воздуху. Всего доброго!

Этими словами врач буквально выставила их за дверь. Оба молча дошли до своей комнаты. И только здесь Павел убежденно сказал:

– Жизнь сама выдвигает приоритеты, и каждый сам для себя решает, что для него важнее.

– Как ты думаешь, она догадалась? – болезненно морщась, спросил Андрей.

– Что она твоя дочь? Возможно, судя по ее реакции. Но если и не догадалась, то очень четко дала понять, что не хочет ни в тебе, ни в ком-либо другом признавать своего отца и не простит предательства по отношению к матери.

– Я не предал! Я не знал!

– Андрюша, я тебе друг, но истина дороже, как говорил известный философ. Ты оставил тогда свою любимую беззащитной, ты сам убил свою любовь. Воскресить ее – это все равно, что оживить человека. Безнадежно.

– Но бывают же случаи... – как за соломинку,

цеплялся Андрей.

– Видно, это не тот случай.

– Если бы не Лариса со своей ложной беременностью... Ведь я тогда считал себя обязанным жениться на ней из-за будущего ребенка!

Зазвонил мобильный телефон, настойчиво, требовательно.

– Возьми трубку! – нервно бросил Андрей Павлу. – Прямо по ушам бьет!

– Так это твой звонит, – спокойно отозвался Павел.

Андрей полез по карманам, потому что не помнил, куда подевал свой мобильник, которым не пользовался уже несколько дней, и наконец обнаружил его в ящичке тумбочки. Не глядя на табло, поспешно поднес телефон к уху и услышал как всегда чуть небрежный и решительный голос Ларисы:

– По-моему, мой дорогой, твой отдых в твоём любимом Пятигорске затянулся. Пора возвращаться домой, даже вместе с великовозрастной дочерью, если она пожелает жить в Москве.

– Что за шутки, Лариса? – обрел наконец дар речи удивленный Андрей. – Я жду, когда ты назначишь дату развода.

– Никогда! – прервала его Лариса. – Я передумала. Вернее, Андрюша, я тогда поддалась плохому настроению, потому что возникли проблемы с бизнесом. Теперь все утряслось. А если честно, то я не могу жить без тебя, родной, я окончательно поняла это после нашей размолвки. Завтра же берите билеты на самолет и прилетайте, я встречу вас в аэропорту. Дай на минуту телефон Павлу.

В некотором смятении Андрей протянул мобильник другу. Что говорила ему Лариса, он не

слышал, но Павел в ответ соглашался:

– Конечно. Да. Разумеется. Так и сделаем.

Когда телефон отключился, Павел, возвращая его другу, сказал:

– От своей судьбы никуда не уйдешь, а твоя судьба – Лариса. Может, эта размолвка вас сблизит, и вы станете лучше понимать друг друга. Тем более теперь, когда тебя не будет манить виртуальный огонь давно угаснувшего курортного романа.

– А сам-то ты зачем ввязываешься в подобную историю?

– Ты имеешь в виду Фаину? Ну, во-первых, наша история совсем другая, хотя бы в силу возраста и жизненного опыта. Во-вторых, как оказалось, Фаина – очень интересный человек, с ней можно говорить, не уставая слушать. У нее большая коллекция альбомов с архитектурными шедеврами мира. Мне это интересно. Можно съездить и посмотреть, ведь из Москвы до Петербурга всего несколько часов... И... такие, можно даже сказать, деловые отношения ни к чему не обязывают...

– Так, так, так, – перебил его Андрей, – не надо прикрывать интерес к женщине интересом к архитектуре. Но я молчу!

– Вот именно, помалкивай, – добродушно отмахнулся Павел, – разберись сначала в своих чувствах.

– Да я, кажется, уже...

Андрей не знал точно, от чего он почувствовал облегчение. То ли от того, что вероятная дочь четко определила свою позицию по отношению к нему, то ли от того, что на его совесть не ляжет еще один грех, раз он не стал разрушать счастливую семью, отказавшись от искушения удовлетворить личный интерес, то ли от того, что уже в который раз все за

него решила Лариса. Он вернется в привычное русло жизни, где все знакомо и понятно. А девушка под цветущей черемухой пусть останется в памяти, как курортный сувенир.

С этими мыслями Андрей вслед за Павлом входил в столовую, где за их столом уже сидели Фаина и профессор Остапенко, быстро допивавшая то ли сок, то ли компот – она не изменяла своей установке «нарезать круги долголетия» после еды. Едва друзья сели за стол, как Фаина сказала:

– О, Валентина Михайловна приехала! Сегодня она сама за рулем. Наверное, приехала читать лекции, ее иногда приглашают в фармакадемию, как очень крупного специалиста по микробиологии. А сюда она заехала повидаться с дочерью. Я вам говорила, Татьяна Николаевна – ее дочь.

Андрей и Павел сразу поняли, что речь идет о той, кого в юности звали Тиней. Павел повернул голову к окну, разглядывая женщину, которая, захлопнув дверцу машины, направилась к парадному входу. Андрею тоже хотелось посмотреть в окно, но боязнь увидеть что-то, не совместимое с образом девушки под цветущей черемухой, и внезапно нахлынувшее смятение, как остатки былого чувства, останавливали его. Всего несколько мгновений длились эти сомнения, но когда Андрей все-таки решился взглянуть в окно, Валентина Михайловна уже подходила к двери. Андрей увидел в спину женщину среднего телосложения, одетую в модный брючный костюм. С коротко остриженными волосами соломенного цвета. «Значит, красится, – почему-то мелькнула мысль. – Деловая... Вон как твердо печатает шаг». Он не узнавал в этой женщине ту хрупкую тоненькую девушку, которая

стояла под цветущей черемухой, протянув руки к веткам и навстречу солнцу. Перед дверью Валентина Михайловна на миг обернулась – он видел: это точно она, Тина, но что-то в ее лице было совершенно не знакомо Андрею, возможно, печать решительности и спокойной уверенности. Дверь захлопнулась. В этот момент Андрей почувствовал, как тяжесть, еще давившая сердце, стала отступать.

– К дочери пошла, – констатировала Фаина, имея в виду Валентину Михайловну. – Кстати, Андрей, что вам посоветовала психотерапевт?

– Прогулки на свежем воздухе.

– Значит, вы абсолютно здоровы.

– И потому мы завтра же улетаем, – подхватил Андрей.

– Оба? – с некоторым смущением спросила Фаина.

– Оба, – ответил за Андрея Павел, – но поезда из Москвы в Петербург никто не отменял.

Фаина понимающе улыбнулась, а Андрей подумал: «Курортный роман в своем начале всегда богат на радужные надежды, но никто никогда не знает, чем он закончится».

Слуга

Я играл Слугу в пьесе итальянского драматурга Карло Гольдони «Слуга двух господ».

Это были шестидесятые годы XX столетия в СССР, самый разгар «социализма с человеческим лицом», хрущёвская «оттепель». Трагедии брежневской «реставрации» были ещё впереди...

Ставили пьесу на подмостках провинциального театра имени, скажем, Максима Горького – в старинном и когда-то очень значительном, а потом отошедшем на третьи роли городе.

Собственно, поначалу я был только дублёром основного претендента на выигрышную роль Труффальдино – записного комика Миши Шапиро. Он переиграл все комедийные роли в нашем театре – от неудачника и клоуна Жульена в пьесе французского драматурга Жана Буффона до деда Щукаря в инсценировке «Поднятой целины» Шолохова. Кроме того, он хорошо подрабатывал в роли Деда Мороза на всех новогодних ёлках города и бесценно руко-

**СТАНИСЛАВ
ПОДОЛЬСКИЙ**

Проза

водил командой КВН местного политеха, когда сражения «весёлых и находчивых» вошли в моду.

Мне же обычно доставались крошечные роли влюблённых увальней (как в пьесе «Маленькая студентка» Николая Погодина) или премудрых стариков (как в драме Кронина «Юпитер смеётся»), не говоря уже о бесчисленных довольно унылых «патриотических» спектаклях, которые навязывались театру очень партийным городским реперткомом «в нагрузку» к действительно живым постановкам наподобие «Мольера» или «Зойкиной квартиры» Михаила Булгакова.

Надо признать, Миша Шапиро действительно был прирождённый комик и вообще талантливый человек. Любил блистать в обществе и покорять публику, особенно дам. К примеру, в фойе театра висела комсомольская стенгазета «Маска», которую выпускала записная красотка Людочка Плюшкина, монопольно владевшая амплуа «первой любовницы». А в трёх метрах от стенгазеты размещался передвижной киоск на колесиках, где ещё одна девица по кличке Мурочка торговала пирожками с картошкой, ливером и повидлом, которые тут же и жарила в глубокой чугунной сковороде с кипящим маслом (скорее всего постным, но злые языки утверждали, что – машинным).

Так вот, наш Миша умудрился одним двуступенчатым подлизаться сразу к обеим кошечкам. Он так и сочинил:

*Люблю, вкушая пирожки,
Читать заметки и стихи!*

Всех подвигов Миши не описать. Маленький ростом, но с большой лохматой головой, томный, остроумный, он таял в присутствие женщин любого калибра. Мелкими шажочками подкрадывается он, бывало, к самой рослой даме и свирепо пытается взять её «на ручки». Визг дамы и хохот окружающих! Или ласково положит свою буйную голову на бюст какой-нибудь пышной особы – и воркует с видом деточки о неземном блаженстве. Клоун да и только! Женщины его жалели и привлекали.

Так вот, Миша Шапиро автоматически получил роль Труффальдино. Никто и не помышлял оспорить это распределение. Однако, повторяю, Шапиро был человек востребованный в представлениях города, непрестанно участвовал во всех презентациях, капустниках, утренниках и вечерниках, квартирниках и междусобойчиках. Так что ему некогда было торчать на репетициях «Слуги». Считалось, что он просто явится на генеральную репетицию – и всё блестяще сыграет. Поэтому на репетициях необходим был дублёр, который подавал бы нужные реплики в положенных мизансценах. Для этого скрепя сердце назначили меня. Тем более, что я в тот период вообще больше нигде не был занят.

Надо признать, репетиции действительно были скучноватые. Никто, кроме режиссера, разумеется, не знал, как надо играть экзотического итальянца. Все привыкли к серьёзным, часто суровым, даже трагическим советским драмам: «Оптимистическая трагедия», «Бронепоезд 14-19», даже и

гениальная «Белая гвардия» Михаила Булгакова, то есть, конечно, «Дни Турбинных».

Впрочем, ишь, губы-то раскатали! Добиться разрешения поставить в нашем театре Булгакова было почти невозможно. В крайнем случае, при условии постановки ряда истинно патриотических, идейно выдержанных пьес какого-нибудь Киршона: «Рельсы гудят», «Суд»...

Примечание. Конечно, сейчас, когда пишутся эти сумбурные строки, составление репертуара театра происходит куда проще. Основа работы – классика: «Горе от ума» Грибоедова, бессмертный, вечно актуальный «Ревизор» Гоголя, всевозможный Островский с его национальным купечеством, ну и, конечно, Михаил Булгаков – «Турбины», как сказано выше, «Мастер и Маргарита» – вещи беспроегрышные, кассовые. И не надо платить авторам за использование их блистательных трудов. А если что-то новенькое всё ещё живого автора потребуется, то вполне возможен «откат» – это когда автор возвращает руководителю театра часть гонорара, так сказать, «на личные нужды». Просто и прелестно! В советское время всё было куда сложнее...

Стоит, конечно, оговориться, что есть ещё театры, заинтересованные в свежем талантливом репертуаре – по честному. Но это там, на вершинах столичного Олимпа театрального, где водятся щедрые госдотации и нет отбоя от интеллигентной публики...

Между прочим, именно с составлением репертуара вышел у нас некогда настоящий конфуз.

Самоотверженный, беззаветно преданный театру главный режиссер Георгий Сумбатович Авторханов (назовём его так), заслуженный артист Башкирской АССР добился-таки в реперт-коме разрешения поставить инсценировку «Мастера и Маргариты», только что опубликованной тогда в журнале «Москва», кажется. Разумеется, при условии постановки трёх пьес Киршона, Шторма, Шрама, что ли... Ей богу, не упомянуть их псевдонимов!

Инсценировка репетировалась. А вот к пьесам Шрама ещё не приступали, отчитываясь в горкоме КПСС, что все почти готово к премьере. И вот горком партии в порыве государственного энтузиазма вызвал Шрама, автора, на генеральный прогон его пьес.

Шрам приехал – великолепная развалина некогда модного драматурга, полная чувства собственного достоинства и жажды гонора.

Караул! Надо было срочно что-то предпринимать.

Изобретательный, даже гениальный в минуты смертельной опасности, Георгий Сумбатович бросился за спасением к нашей царице всех водевилей Нонне Кудрявцевой: «Нонночка, выручай!»

На летучем фуршете по поводу явления живого Драматурга Нонночка одним мягким движением слегка приоткрытого бюста берёт старого ловеласа в плен. Они тут же договариваются о совместной

Ночи Восторгов в люксе местной гостиницы. Разумеется, тут уж не до «генеральных прогнозов»... Что там у них с Драматургом происходило в люксе, никому не известно. Однако в театральном коллективе шила в мешке не утаишь.

Оказалось, что любвеобильный драматург, вроде бы вполне удовлетворённый свиданием, не смог совладать с собственной неукротимой жадностью: не заплатил оговоренный приз самоотверженной актрисульке.

Возмущённая низким поступком гения советской драматургии, Нонна тут же заявила городским правоохранителям о циничном изнасиловании её столичной знаменитостью.

Последовал арест, скорый и праведный суд. Шрама приговорили к пяти годам тюремного заключения – мягкий приговор, учитывая тяжесть проступка и опороченную нравственность.

Драматург – в тюрьме. Театр освободился от необходимости ставить и оплачивать пьесы «подонка». Горком партии и репертком промолчали.

В качестве эпилога к этой воистину драматической истории, в которой не обошлось, уверен, без участия всё того же Воланда и его уголовной шайки (недаром речь шла – напоминаю – о постановке свежей инсценировки «Мастера и Маргариты»!) Сообщу при этом: ужасную участь престарелого Шрама удалось-таки смягчить...

Наш Георгий Сумбатович не мог допустить, чтобы интрига, им в какой-то мере инициирован-

ная, закончилась столь плачевно – пусть корыстный борзописец и заслужил «расплату». Он добился свидания с заключённым драматургом. Я был привлечён в качестве носильщика продуктовой передачи (жареная курочка, огурчики, яблоки). Вдвоём, в сопровождении офицера охраны, мы вошли в тяжкие ворота местной тюрьмы, похожей на средневековую крепость.

Сознаюсь, скрежет замков, хлопанье стальных дверей, сырая вонь казармы произвели на нас с Сумбатовичем гнетущее впечатление. Ещё страшней оказалось зрелище заключённых людей: справа по ходу коридора мы увидели ряд зарешеченных клеток – как в зоопарке, в которых бродили, сидели, лежали серые люди.

Увидев нас, старик драматург бросился к решётке, вцепился изуродованными артритом пальцами в прутья клетки: «Умоляю! Сообщите там, на воле, кому-нибудь! Заключён несправедливо! У меня страшная аденома! Я давно полный импотент! Я никак не мог её изнасиловать, даже если бы она захотела!» (Её изнасиловать не мог, а вот целый театр изнасиловать, навязывая свою партийную бездарщину, – запросто...)

Так что опытный юрист (по просьбе благородного Сумбатовича!) за очень хорошую плату смог превратить заслуженный приговор «пять лет тюремного заключения» – в условный. Старик вышел на свободу и моментально умчался из нашего тихого-мирного городка в Столицу, не помышляя ни о каких постановках своих «оптимистических трагедий». Рассказывают, что когда

он забывался тяжёлым мигающим сном в люксовом купе экспресса «Кисловодск–Москва», слышался ему в размеренном стуке колёс чей-то низкий, мягкий, но очень убедительный голос: «Не жадничай! Не насильничай! Не стучи...»

Однако этот случайный, промежуточный эпизод из жизни провинциального театра в пришлопамятные советские времена не должен отвлекать нас от главной темы повествования: «Слуга двух господ» Карло Гольдони.

Итак, никто, кроме нашего восторженного, смертельно влюблённого в театр режиссёра Георгия Сумбатовича, не знал, как играть «комедию дель арте». Никаких внятных указаний Сумбатович нам не давал, надеясь, вероятно, на нашу интуицию и врождённый дар Миши Шапиро.

Поскольку роль Слуги меня заинтересовала, я решил предпринять самостоятельные розыски. Во-первых, забежал в центральную городскую, кажется, очень приличную библиотеку.

Оказывается, фонды библиотеки имени Александра Николаевича Островского (не путать с Николаем Островским!) копились ещё с дореволюционных времён и чудом не были растерзаны пролетарскими чистками, даже ни разу не сгорали в огне революции. На полках мерцали позолоченные обрезы словаря Брокгауза и Эфрона, загадочно и волшебным пахли собрания сочинений классиков русской и зарубежной литературы. Всё это покоилось в полном порядке, отражённое в продуманном систематическом каталоге. И при этом –

пустынные залы – читальный и абонементский. Как-то нет читателей – и всё тут. И какие-то тоскливые глаза милых и внимательных библиотекарьш, готовых броситься, помочь, отыскать нужную книгу, информацию. Какая-то незаслуженная благодарность к тебе – читателю, за то что пришёл, поинтересовался, засел за словари и справочники, зачитался, наконец.

Вскоре я выяснил всё, что можно было отыскать о комедии «дель арте» в Италии XVIII века; о соперничестве великих актёров – в исполнении образа Труффальдино; о развитии жанра комедии в последующие века. В этом смысле заинтересовал меня наш, отечественный актёр комедийного жанра Игорь Ильинский, действительно великий комический – до трагедийности – актёр, крайне самостоятельный и неутомимый в поиске своего пути в искусстве театра. Он изучил, усвоил систему Станиславского, но вышел далеко за её пределы: сумел соединить школу переживания со школой представления. Вот он – горьковатый босяк и мудрец Счастливец в пьесе «Лес» А.Н. Островского. И он же – Лев Толстой в совсем не комедийной пьесе Иона Друце «Возвращение на круги своя». Как-то особенно понравились его театральные трюки. Вот Игорь Ильинский хочет показать, как долго идёт он по городам и весям России. Но длительно кружить по сцене всё же скучно и для актёра, и для публики. Ильинский-Счастливец размеренным шагом с котомкой за спиной пересекает сцену от правой до левой кулисы. За сценой он мчится сломя голову опять в правую кулису,

неожиданно для публики появляется там же, где был уже, и неспешным шагом топает в левую кулису, чем вызывает смешки и оживление в зале. Затем он снова мчится за сценой в правую кулису. Рабочие сцены вздёргивают его на подвеске к потолку – и он снова пересекает сцену неспешным шагом в подвешенном состоянии – так что публике видны одни идущие по воздуху ноги. – В зале хохот. Трюк мне запомнился.

Следует заметить, до Слуги я был порядочный увалень. Нервная дрожь овладевала мной при мысли, что вот я выйду на сцену перед полным залом и поплечусь куда-то, спотыкаясь о собственные ноги. А ведь вполне возможно, что великий Миша Шапиро заболит, например, и мне придётся его заменить в спектакле!

Итак, позарез необходима свобода действий на сцене, владение собой, своим телом, ловкость какая-никакая!

Репетиции планировались на три месяца – июнь, июль, август: так что время ещё было. И я бросился в секцию акробатики, которая действовала при местном политехническом институте. Желающих заниматься в секции было немного, и меня приняли туда запросто. Каждый раз после шести вечера я шёл на секцию, с трудом разминал непослушные ноги-руки-спину и бесчисленное число раз разбежался, отталкивался от дорожки или трамплина, прыгал, рискуя свернуть себе шею, и овладел-таки простейшей акробатической триадой: рондат-фляк-сальто прогнувшись.

Мимоходом как-то меня заинтересовал народный театр оперы и балета, возникший в том же политехе, которым руководил примечательный человек Иван Князев. Тощий донельзя, всегда с багровым от выпивки лицом, с неизменной «балетной» походкой (пятки вместе – носки врозь), он был довольно загадочной личностью. Оказывается, всю свою молодость он участвовал в труппе, сопровождавшей великого Шаляпина, в качестве танцовщика. Когда Шаляпин умер, Князев, как и многие другие актёры, через Китай репатрировался на родину. После долгих мытарств он нашёл работу и приют в здешнем политехе: ему дали скромное жильё и должность руководителя народного театра оперы и балета. На удивление, из ничего, фактически, он сумел собрать вполне приличную компанию оперных самородных талантов, которой посильны оказались постановки и «Травиаты», и «Евгения Онегина». Да и балетная труппа была на высоте.

Меня Князев привлёк на роль Вергилия в балетной постановке «Франческа да Римини». «Вас даже гримировать не надо: вылитый Вергилий, особенно в профиль», – сообщил он мне.

Понятно, роль не ахти: ходи себе в чёрном плаще, где скажут, и жестами привлекай Данте, указывая путь в аду.

Главное, здесь был настоящий балетный тренинг среди зеркальных стен: прямая спина, батманы, собранность, точные движения – бесценный опыт для «дикого» актёра.

Постепенно я перестал бояться открытой

сцены, не сугулился, не спотыкался на ровном месте, почувствовал некое единство с ансамблем. Эти три месяца пригодились мне на всю жизнь, скажу без преувеличения.

Были в народном театре и ещё случайные, но драгоценные впечатления. Тапёром на балетных уроках был у нас удивительный человек – Михаил Васильевич Узлов. Днём Михаил Васильевич преподавал в политехе сложную науку – сопротивление материалов. Лекции читал артистически, не заглядывая в записи. Прозрачно объяснял мутноватую дисциплину чуть ли ни на пальцах. На его лекции сбегались студяги со всех факультетов: всё казалось лёгким и простым. Но за порогом аудитории всё снова оказывалось непонятным.

Вечерами Узлов импровизировал на пианино мелодично и четко, сопровождая, а точнее, руководя движениями тренинга.

Увы, следует заметить, Михаил Васильевич, как и организатор театра Иван Князев, всегда был слегка «подшофе». А часто – и не слегка. Однако если пьянство Князева казалось трагическим: мировые гастроли, блеск крупнейших театров мира от «Ла Скала» до «Метрополитен Опера» – и мертвенное прозябание в советской провинции... то пьянство Узлова было именно артистическим, неким принципиальным образом жизни. Он начисто отметал мелочное неустройство быта. Существовал как бы в свободном полёте-танце (пусть это была свобода падения!) Даже умер не от старости в доме престарелых или хосписе, а в постели у любовницы – от разрыва сердца. И

несколько ярких женщин (включая законную жену) оспаривали друг у друга право оплакать и похоронить его...

Я загодя, как мог, позаботился о реквизите для Труффальдино. Раздобыл на складе театра кудрявый цыганский парик – и Слуга стал жгучим брюнетом. Знакомый токарь выточил мне громадную сверкающую медную серьгу, которая крепилась к мочке уха клипсой (её подарила мне Грета Аванесова, игравшая Смеральдину). Приготовил здоровенную палку, которой будет колотить слугу господин за всяческие провинности: палка была распилена по оси – треска много, а удары щадящие.

Но вернёмся поскорее в театр!

Приближалась сдача спектакля «Слуга двух господ» Карло Гольдони.

На генеральной репетиции присутствовали представители горкома партии, весь репертком, пресса, интеллигенция города.

Перед самым прогоном выяснилось неожиданно, что «гениальный комик» Миша Шапиро оказался полностью не готов к роли Слуги: он наотрез не знал текста роли, сложившихся мизансцен. Обычная наглость и импровизация здесь не могли помочь. Шапиро мелко струсил, напился, сбежал невесть куда. Перед исчезновением пробормотал по телефону режиссёру Сумбатовичу, что смертельно болен, и пропал бесследно.

Великая роль Слуги внезапно свалилась всей

своей мощью на меня.

Режиссёр скрылся за кулисами, чтобы не видеть позорного провала спектакля – на глазах высокой комиссии. Генрепетиция прошла комом, кое-как. (И может быть, хорошо, что так, ибо никто не понял, что он видит перед собой, и не было повода для критики и злобных идеологических приди-рок). Предстояла ПРЕМЬЕРА.

Примечание. Кстати, приведенное выше определение «великая роль» не случайно: в этой роли блистали знаменитые актёры всего мира: итальянец Сантониони, английский гениальный актёр Кин, русский виртуоз Костя Райкин /ну, последний играл уже в наши дни/. На этом парчовом фоне я мнил себя бесцветным грустным Пьеро. В висках долбило: провал, провал!

Примерно за день до премьеры я вдруг сообразил, что начисто не умею кланяться. Что за слуга без поклонов! Или того хуже – нелепо шаркающий перед господами. А если трактирщик? А вдруг – дама? Советская действительность как-то не давала возможности попрактиковаться в поклонах. А вдруг среди публики окажутся старинные интеллигенты или вообще, не дай бог, недобитые дворяне? Да они моего Слугу на смех поднимут. И это будет не тот смех, что возвышает и веселит...

Короче говоря, я бросился искать Сумбатовича для консультации по поклонам.

В театре режиссёра не оказалось. Через отдел кадров выяснил его домашний адрес и пошёл

прямо к нему домой. На мой звонок дверь открыла рослая блондинка нейтрального возраста, которая оказалась супругой нашего тщедушного Сумбатовича. Уяснив, в чем дело, она удалилась в глубину квартиры.

За время её отсутствия я перебрал все отрывочные сведения о нашем режиссёре. Рассказывали, что ещё до революции (переворота) он подвизался где-то в кафешантанах в качестве конферансье-куплетиста. Сразу после переворота он понял, что для сценической деятельности (а в новом мире кафешантаны закрылись и накрылись...) потребуется серьёзное образование (и удостоверение!) Он поступил в театральный институт (или как-то ещё называлось тогда это учебное заведение: в ту пору как грибы возникали всевозможные вузы – ВХУТЕМАС, ИФЛИ, театральные мастерские. Правда, вскоре их благополучно разогнали за излишнее вольнодумство).

Получив диплом государственного образца, Георгий Сумбатович участвовал в труппах знаменитых драмтеатров. Переиграл десятки классических ролей. Со временем стал режиссёром-постановщиком, одновременно выступал в качестве актёра. Кстати, одна из его любимых ролей в молодости была – этого самого Слуги. Понятны стали его ревность и беспокойство о судьбе спектакля...

Сумбатыч появился из сумерек внутренних помещений в роскошном шоколадного цвета халате, подпоясанном шёлковым шнуром с кистями. Приветливо улыбнувшись мне, он одобрил

мой интерес к ритуалу поклонов и взаимных приветствий. Сообщил, что видов поклонов великое множество, что их ни в коем случае нельзя перепутывать.

Они с супругой /которая казалась лет на тридцать моложе и на голову выше Сумбатовича/ разошлись метров на пять – и начался спектакль.

– Она господин, я слуга, – сообщил Сумбатович и низко склонился перед женой, а она милостиво кивнула ему.

– А теперь мы в равном статусе, дворяне, – продолжил Сумбатович и учтиво, но с достоинством поклонился. Дама ответила ему реверансом и приветливой улыбкой...

Минут сорок два заслуженных пожилых актёра раскланивались передо мной – зелёным участником театрального кордебалета. Десятки поклонов разного рисунка, расшаркиваний, приветствий, отражавшие сотни оттенков взаимоотношений высшего общества разворачивались передо мной. Примечательно, что ни в одном поклоне не чувствовалось низкопоклонства. Кланялись разнообразно – но с прямой спиной. Я был потрясён, смущён, восхищён!

И вот премьера!

Зал переполнен: местные театралы, пресса, студенты и преподаватели политеха, солдаты срочной службы (власти наградили их за вырытую для горводоканала траншею под водопровод), пенсионеры-льготники, дамы с детьми, в общем – Содом и Гоморра!

За кулисами – сосредоточенность, напряженка, лёгкая растерянность на грани паники, – всё, как положено на премьере.

Помешкав, дали занавес. Первый акт, по моему, непродуманный: на сцене площадь перед гостиницей. Трактирщик толкует о чём-то с банкиром Ломбарди. Голоса их невнятные, позы нелепые, смысл беседы тёмный. Зал задрёмывает. Кто-то покашливает. Кто-то со страшным скрипом усаживается поудобней. Семимильными шагами приближается катастрофа...

Сейчас мой выход. Нервная дрожь овладевает мной: легко сказать – выйти на сцену перед людоедской публикой в заглавной роли! Зачем? Почему? Как?

Трюк! Необходим трюк! Иначе я не смогу покинуть кулису: ноги двухпудовые!

Двух здоровенных рабочих сцены, которые с тоской глазели на провальный спектакль, я попросил: «Братцы, выкиньте меня – за руки, за ноги – повыше!» (Акробатика, выручай!)

«Братцы» не поняли, но охотно «выкинули». Я взмыл над сценой в самый жар прожекторов. Невольно сделал сальто-мортале и, приземлившись почти удачно на ноги, неожиданно для себя заорал: «А вот и я!» (Знаете, тут уж не до дрожи в коленях!)

У трактирщика и банкира от шока отвалились челюсти: на репетициях ничего подобного не было!

На секунду в зале воцарилась гробовая тишина: народ не знал, как реагировать на происшедшее.

В этот напряженный момент тоненький восхищённый детский голосок прозвучал в тишине: «Мама, а он летает!»

И зал взорвался хохотом...

Спектакль помчался в новом, неожиданном темпе. Все – по обе стороны рампы – проснулись, заиграли, бросились жить.

Почему-то я – Слуга – понял, что господа мои мне «до лампочки». Я с ними справлюсь «одной левой»: обслужу, обману, обыграю.

А главное здесь – Смеральдина, хорошенькая служаночка с огромными сияющими глазами! Ведь именно её искал я все свои 25 лет службы и авантюры!

Надо заметить, жизнь и театр начали двоиться-троиться в этом пункте, вторгаясь друг в друга, действие приобретало объем – третье и даже четвёртое измерение.

Смеральдину у нас играла Грета Аванесова, юная сирийка (а возможно, даже ассирийка!), стройная миниатюрная брюнеточка с непроглядными – в пол-лица – глазами. Её бедой – как актрисы – было полное несоответствие внешности и ролей, о которых она мечтала. Роль служанки была для неё врождённая: изящная, быстрая, лукавая, простодушная, она ничего не наигрывала – просто существовала в полёте!

А мечтала она о роли Анны Карениной – со сложными душевными переплетениями и смертельными страстями. Мечтала, конечно, не на пустом месте. Все знали, что она «смертельно» влюблена в актёра Гамлета Тер-Григорьяна,

имевшего ампула «первого любовника», ну, просто по внешности. Он был, по-видимому, из очень зажиточной армянской семьи, невозмутимый восточный красавец с полупудовым золотым перстнем на безымянном пальце левой руки – настоящий делец теневого бизнеса из «Тысяча и одной ночи».

Порой они играли в паре: она пожирала его глазами, обливала плаксивым потоком нежных признаний; он как-то механически произносил положенные реплики «о вечной любви», хотя зрителям было ясно, что хрупкая малютка Грета ему «до фени», что у него совсем другие приоритеты среди женщин. Назревала трагедия.

Однажды я случайно заглянул в гримёрную Греты. Кроме неё там никого не было. Она стояла совершенно обнажённая перед зеркалом. Тускло мерцало её золотистое тело, мазутные волосы водопадом стекали и клубились почти до попы, окутывая нежные мальчишковые плечи и спину, небольшие фарфоровые чаши груди тихо светились, вызывая торчали изюминки девичьих сосков. Тоненькая талия Греты переходила в неожиданно тяжеловатые бедра, которые в свою очередь перетекали в бегучие крепкие ножки. Юная древнеегипетская статуэтка замерла перед зеркалом во весь рост, вглядываясь в себя. Она не видела меня. Всматриваясь в зеркало, шептала как бы сама себе: «Неужели всё это не достанется любимому?»

Разумеется, я безмолвно исчез, удалился, не выдав своего присутствия. А в мозгу нечто нашёп-

тывало: «Грета... Смеральдина... Эсмеральда... Так вот откуда взялась красавица-цыганка Собора Парижской Богоматери! Ничто не возникает на пустом месте...» И вот теперь мы – пара в искромётной комедии-буфф. Ах, не простая эта «комедия»...

После неожиданно удачного первого акта все действующие лица вынуждены были принять новый, стремительный темп игры – не глухари ведь!

Всё, наработанное за три месяца репетиций, вдруг стало на своё место, заработало, закрутилось. Спектакль полетел, как исправный, хорошо смазанный велосипед. Клариче падала в обморок, рыдала, хохотала. Федерико и Флориндо (переодетая мужчиной Беатриче) хватались за шпаги, ненавидели и расшаркивались потом вежливо друг перед другом. Трактирные слуги метались с подносами, уставленными бутафорскими блюдами. Беатриче (прилетевшая вероятно прямо из комедии Данте) постоянно двоилась: то притворялась крутым мужчиной, то рыдала на груди психопата Сильвио. При всём при этом сильно напоминала современных решительных и агрессивных юных дам. Но темп всему этому пёстрому балагану задавал, конечно же, неутомимый, неунывающий Труффальдино из Бергамо, через все препятствия рвущийся к своей искромётной очаровательной Смеральдине. (А вскользь искрила догадка: «Да не этот ли легкомысленный крепыш-слуга стал прадедушкой

знаменитого блистательного Фигаро?!)

Надо сказать, по ходу спектакля там и тут возникали неожиданности. То не к месту включался неистовый прожектор (осветитель «перебрал», что ли?), и освещались сценки, которым следовало оставаться в тени. То странные догадки сыпались на мою кудрявую (буйный парик) голову: вспоминалось вдруг, что возлюбленный нашей прекрасной Беатриче ведь убил-таки её брата, что вовсе не помешало ей любить его до смерти. Где-то потом эта ситуация выныривала уже! Вот Фауст убивает братца любимой Гретхен. А вот и сам Гамлет прикончил брата возлюбленной Офелии. Так вот откуда ноги-то растут у шекспировских и гётевских персонажей! Ай да Слуга! Далек пошёл, далече. А там промелькнул и Фаустов прислужник Мефистофель – и, как водится, серой потянуло! Вот так Слуга! А там, за горизонтом сознания почти, промелькнул ещё один вовсе уж непонятный Слуга: «Не нарушить пришёл, а послужить...»

Все эти вспышки, догадки привидения роились на окраинах сознания Труффальдино, пока нёс меня основной поток бурлеска-действия, где я уж действительно был не я: полностью вошёл в роль, переселился в персонажа, переродился, можно сказать. Меня никто не узнавал. Давние знакомые смотрели на меня круглыми глазами: как? Кто это? Откуда всё взялось?..

Успех спектакля был полный, полновесный, заслуженный. Все на сцене поздравляли друг друга – за закрытым занавесом. Потом занавес

распахивался, и весь ансамбль, взявшись за руки, выбежал к рампе на поклон публике.

Занавес закрылся в последний – шестой или седьмой раз – и открылся «фуршет». Чокались бокалами с шампанским, выделенным коллективу театра довольным предисполкома города. Георгий Сумбатович смущённо улыбался мне. Отводил глаза, говорил, что роль Слуги абсолютно выигрышная, и что он ещё не видел, чтобы кто-то провалился в этой роли... Ему явно было неловко, что он не верил в меня, хотя, видимо, всё равно сожалел, что роль Труффальдино не сыграл его фаворит, прирождённый клоун Шапиро. Даже Грета-Смеральдина, казалось, на миг забыла о своей трагической любви к величественному Тер-Григорьяну. Она осушала бокал за бокалом шампанское и хохотала, как сумасшедшая. Так что весь этот триумф, всё это неумеренное веселье что-то уж больно стало смахивать на истерику...

Поэтому я, помнится, несколько в стороне от всеобщего шума, скромно поглощал халявные бутерброды с красной икоркой, запивал их прохладным шампанским, наполненным кипящими пузырьками, и следил за мыслью, которая протекала будто бы сама по себе, что, наверное, роль Слуги возможна и в жизни. Похоже, Слуга здесь является кем-то очень важным, потому что он-то и заводит эту жизнь и придаёт ей темп своей души, своей природы, своей энергии и таланта... Только вот как-то странно и не совсем понятно, почему бездельники – хозяева жизни всегда обладают в достатке дублонами, пиастрами, фунтами стер-

лингв, а слуга уныло подсчитывает перепавшие ему пенсы, гривенники, копейки...

Эпилог. Читатели, возможно, пожелают узнать, чем кончилась эта, местами забавная, история нашего театра. Как он теперь? Что творится на его скрипучих подмостках?

Рассказываю «в двух словах», как говорится.

Благодаря самоотверженному служению главного режиссёра театра Георгия Сумбатовича Авторханова и довольно удачным постановкам спектаклей: «Слуга двух господ», «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Мастер и Маргарита», а также счастливому избавлению от навязанных было театру «патриотических, идейно выдержанных» пьес Шторма (или Штурма – не помню!), ну и, конечно же, тощим дотациям из городского бюджета, театр успешно просуществовал несколько радужных лет. Но вот наступили (как рок!) убийственные девяностые годы...

Во-первых, моментально прекратились бюджетные вливания в кошелёк театра. Во-вторых, небольшой промышленный город не мог обеспечить постоянные аншлаги даже на яркие спектакли. Зрительный зал опустевал как-то. В первых рядах размещались благотворительные, бесплатные зрители: инвалиды-чернобыльцы, незрячие пенсионеры, трудновоспитуемые подростки и, конечно, солдаты срочной службы. На «камчатке» обитали случайные парочки, забежавшие сюда согреться, укрыться от непогоды, наобниматься и нацеловаться без свидетелей (молодость всегда

бездомна!).

Короче говоря, театр разорился.

Играть бесплатно, да ещё перед пустым зрительным залом, не хотелось. Спектакли разваливались на глазах.

Правда, Сумбатыч отчаянно сопротивлялся лени и разложению труппы.

Вспоминается такой эпизод.

Глубокая осень. Дождь. Холодно и скучно. Актёры еле «лыко вяжут». Слоняются по сцене, словно пьяные мухи...

Неожиданно посреди спектакля Сумбатыч велит дать занавес. Актёры столпились растерянно посреди сцены.

Из-за кулис вылетает разгневанный режиссёр. Лицо и лысина его кирпично-красные, очки молниеносно сверкают.

– Что вы творите, марионетки?! Вон там, за колонной, сидит мальчик. Сердце его колотится, лицо в слезах. Он верит вам. Он переживает. А вы предаёте эту чистую душу. Плетёте сонную ложь!..

Занавес раздвинулся. Актёры проснулись, заиграли как сумасшедшие – для мальчика за колонной!

Но и такой порыв не мог продолжаться бесконечно.

Вскоре «первый любовник» Гамлет Тер-Григорьян уволился, уехал в свою Армению. Богатые родственники приобрели для него в Ереване небольшой русскоязычный театрик, где он стал хозяином, директором и «первым любов-

ником» на сцене и в жизни.

Царица водевилей Нонночка Кудрявцева пристроилась «на содержание» к солидному мэру города, чиновнику средних лет, идущему, как она сообщала, «на самый верх». Нонночка «одной левой» легко справлялась с подобными солидными деятелями.

Пожилые актёры срочно ушли на пенсию. Их места моментально заняла «необстрелянная», но энергичная молодёжь.

Однажды невесть куда исчезла загадочная Грета Ованесова. Да-да, исчезла. А именно: однажды, после весьма успешного представления «Слуги», она удалилась в гримёрку. Не вышла на овации. За ней бросились посыльные (и я в их числе). Гримёрка была пуста. В помещении гулял ветер, окно было распахнуто. На столике перед зеркалом невозмутимо сидела крупная птица галка. Оперение её отливало синевой и мерцало в электрическом свете. Казалось, галка внимательно всматривалась в своё отражение в зеркале. Когда мы бросились ловить птицу, чтобы выпустить её на свободу, она сама вспорхнула и безошибочно вылетела в раскрытое окно. Посыльные выскочили из гримуборной в поисках Греты, а я остался и внимательно следил за полётом черной птицы. Видел, как она стремительно поднималась к облакам, направляясь, казалось, целеустремлённо на юг. Почему-то я был убеждён в тот момент, что летит она именно в Сирию, или даже в Ассирию...

Грету тогда так и не отыскали ни в театре, ни в

городе... А сам театр, похоже, проваливался куда-то в тартарары...

Георгий Сумбатович Авторханов, главный режиссёр театра имени Максима Горького, не представлял себе жизни вне сцены. А потому действовал энергично и нетривиально.

По его настоянию коллектив театра на общем собрании решил приватизировать театр (благо, по всей стране тогда прокатилась волна приватизации квартир, заводов, колхозов и пашен).

Немедленно по приватизации здание театра было продано сетевой торговой фирме под супермаркет. На вырученные деньги приобрели почти новый цирковой шатёр, пару подержанных пятитонок и автобус «Икарус» для перевозки реквизита и труппы. Так возник передвижной театр-шапито «Ваш покорный Слуга!» (с намёком на наш удачный спектакль всех времён и народов), и мы отправились в гастроли по стране.

Не стану описывать чреду трудностей и удач странствующего театра: об этом особое повествование.

Сам-то я к тому времени увлёкся литературными опытами: рассказы, новеллы, притчи, даже и скетчи анекдотические, говорят, удавались мне. Во всяком случае, их охотно публиковали провинциальные газеты.

Со временем я вступил в Союз писателей и одновременно вышел на пенсию. Поселился в любимом городе детства, в родительском доме,

который удачно разместился на окраине города, так, что небольшой сад граничил с дикими окрестностями, что меня полностью устраивало.

Увы, родителей уже не было в живых. И я втайне переживал, что мне не удалось в должной мере согреть их старость, послужить им утешением под занавес непростого их жизненного пути...

Нынче, мне представляется, живу я вполне благополучно. Скромная пенсия позволяет мне не особенно нуждаться. Ну, а если денег уж вовсе не хватает для оплаты дорогущей «коммуналки», я подрабатываю в здешнем довольно уютном ресторанчике «Театральный» в качестве официанта (то есть, опять-таки, Слуги!) Знаете, мне даже нравится исполнять эту работу артистически.

Облачённый в строгий чёрный сюртук с белоснежным платочком в жилетном кармане и цветной «бабочкой» на шее, я внимательно принимаю заказ у небольшой компании гуляк (оживлённые мужчины и благоухающие женщины). После виртуозно скольжу между столиками с подносом, уставленным закусками и винами, на вытянутых пальцах жонглируя им над головой. Правильно и точно расставляю яства перед участниками вечеринки. Откупориваю запотевшие бутылки «Столичной», разливаю напитки в хрустальные бокалы... Начинается праздник общения!..

По-разному протекает это «общение» – от дружеского веселья до потасовки иной раз. Но крепкие, спортивного вида парни не позволяют никому выходить за пределы безопасности...

Подручные расторопные юноши быстро убирают лишнюю посуду.

С удовольствием подаю счёт тамаде, рассчитываюсь с точностью до копейки. Величественно, с лёгким поклоном принимаю чаевые, независимо от их размера...

Завсегдатаи «Театрального» предпочитают обслуживаться у меня.

Правда, позволяю себе продолжить любимую роль Слуги не часто: возраст, знаете ли. Да и литературное творчество поглощает львиную долю времени и сил.

Над рукописями работаю в уютной комнатке, обращенной на юго-восток. Большое окно дарит обычно поток радостного света, стена мастерской напротив окна оклеена давними афишами спектаклей, в которых мне довелось участвовать, и главная из афиш – «Слуга двух господ», где в нижнем правом углу разборчиво напечатано: «Главный режиссёр – Георгий Авторханов; Смеральдина – Грета Ованесова; Труффальдино – Борис Шрайбер (это, разумеется, я и есть)... Остальные роли и имена я тщательно заклеил полосками чёрной бумаги забвения...

Вершина победы

*Памяти героев, погибших в
Великой Отечественной войне.*

Вершина Победы
Великой страны,
В груди твоей беды
Тяжёлой войны.

В боках твоих мечется
Пламени нерв.
Как будто Отечество
Снова в огне.

А в теле твоём
Бесконечность минут.
Солдатские души
Нашли здесь приют.

До самого неба
Взметнулась гора
Из жизней солдатских,
Из смертных «ура!»,

Из канувших в мрак
Батальонов и рот...
А вдов было сколько?
А сколько сирот?

Вершина Победы.
На башнях огни.
Из горнего света
Они зажжены.

**ЭЛЬБРУС
СКОДТАЕВ**

***Братство
кавказских
литератур***

И скорбно на склонах
Молчат ледники.
Из слёз их весной
Оживут родники,

И вниз побегут,
И напоят стократ
Иссушенных жаждою
Павших солдат.

И вместо прощанья,
На веки веков
Застынет молчанье
Бессмертных полков.

Дигорию славлю, а голос дрожит, –
Смогу ли, как надо, для Родины, жить,
Достоин ли Сыном ей быть.

Пою о Дигории, ночью и днем,
Мне верность присуща и чуждо вранье.
Отсюда я родом, здесь отчий мой дом,
А значит, и сердце моё...

Где дрова я достану?
Все дороги во мгле.
Белый иней оставил
Поцелуй на земле.

Дом сырой и холодный,
Чем же печь растопить?

Мне в такую погоду
Негде уголь купить.

И вино, словно, пытка,
И луна холодна.
Лишь твоею улыбкой
Я согреюсь сполна.

Всюду ветер кромешный,
В нём тепла ни на грош.
Я сумею быть нежным,
Если ты позовёшь.

Над замёрзшей травую
Об одном лишь молю –
Не играй ты со мною,
Потому что люблю.

Потому, что до дрожи
Без тебя одинок,
И морозом по коже
Твой родной голосок.

Лед души моей тает,
Жду тебя под окном.
Прыгай смело – поймаю,
Унесу тебя в дом...

Я когда-то любил тебя, помнишь?
Я ловил поцелуев страсть.
Ты смотрела в глаза, и томно
Прижималась ко мне, смеясь.

Наш роман был беспечен и странен.
Я обман твой прощал, и всё ж,
Он доньше мне сердце ранит –
Я боялся, что ты пропадешь

Без меня. А теперь вот с мужем
Ты идешь, шаги торопя...
Я когда-то был тебе нужен.
Но не бойся. Не выдам тебя.

Дремота природы

День вслушался в себя и замер...
И странный сон его унёс
Под облаками-парусами
В полдневный зной лесополос,

Где в мареве прозрачно-жёлтом
Скользят небесные стрижи,
И замирают горизонты,
И возникают миражи.

Там кто-то ждал, и грезил кто-то
Под дуновенье ветерка...
Но задремавшая природа
Застыла, будто на века.

*(Перевод стихотворений
с осетинского Олега Воропаева)*

Солнца луч прильнул к щеке
И в сомненьях утонул.

Ты молчишь, а вдалеке
Колокольный слышен гул.

От него ли ты дрожишь?
Как огнём опалена.
Ты в молчание бежишь,
Но пугает тишина.

И моя душа в огне,
И душа моя болит...
Журавли расскажут мне,
В чём секрет твоих обид.

Быстрый танец

Быстрый танец – счастье, радость!
От него в душе отвага,
В нём и грация, и плавность,
Вихрь стремительного шага.

Взмахи рук, как взмах крылами,
В небо юношей поднимут.
Над Дигорией орлами
Юноши кружиться будут.

Благородный танец счастья
Видит Тигор величавый.
Пусть умчатся вдаль ненастья,
Пусть всё будет здесь для славы!

Танцуют кустарники

Разрезвился ветер,
Ветви в пляс пустились.
Радуюсь, как дети,
В жемчуг нарядились.

Жемчуга-росинки,
Как подарок лета –
Из воды пылинки
Много раз воспеты.

И кустарник пляшет,
Низко приседает.
Думает, что краше
Танца не бывает.

Может быть, поклоны
Для него – молитва?
И деревья кроны
Клонят молчаливо...

Так давайте ж дружно
Обратимся к небу:
Лето! Будь радушно
И богато хлебом.

*(Перевод стихотворений
с осетинского Николая Ананьченко)*

Литература Ставрополя и вопросы ее осмысления

Точкой отсчета истории ставропольской региональной литературы можно признать 1850 г., когда на страницах издававшейся с этого времени газеты «Ставропольские губернские ведомости» стали появляться первые художественные произведения. И с тех пор она прошла определенный путь развития. Хроника основных литературных событий такова:

1. 1850 г. 15 апреля. Публикация на страницах газеты «Ставропольские губернские ведомости» первого литературного произведения: отрывок из стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенние воды».

2. 1853 г. 31 октября. Публикация на страницах газеты «Ставропольские губернские ведомости» первого рассказа: «История одной скрипки» М. Михайлова. (Перепечатка из журнала «Северная пчела»).

3. 1878 г. Выход первой художественной книги на Ставрополье: поэтический сборник А.П. Барыковой «Стихотворения».

4. 1883 г. В Ставрополе возникает «Кружок любителей изящных искусств».

5. 1884 г. Декабрь. Выход первого номера общественно-

**ПЕТР
ЧЕКАЛОВ**

Литературо- ведение

литературной и политической газеты «Северный Кавказ». Редактор – Д.И. Евсеев.

6. 1885 г. Публикация на страницах газеты «Северный Кавказ» первой поэмы «Чеченец Мачик» ставропольского автора, имя которого было обозначено так: «А. Та-ва».

7. 1885 г. Публикация на страницах газеты «Северный Кавказ» первой повести «Две жертвы» ставропольского автора: Глаголя Твердо (Псевдоним Ф.Т. Шошина).

8. 1893 г. 15 июля. Публикация на страницах газеты «Северный Кавказ» первой драмы «Дуня» ставропольского автора, осетина по происхождению, К.Л. Хетагурова.

9. 1899 г. Декабрь. В Ставрополе образовался «Литературный кружок».

10. 1903 г. Публикация на страницах газеты «Северный Кавказ» первого романа «Мутные брызги» ставропольского автора: графини Лидии Ростовой.

11. 1912 г. В Ставрополе выходит первый и одновременно последний номер литературно-художественного сборника «Наш альманах».

12. 1912 г. В Пятигорске выходит литературно-художественный журнал «Кавказские курорты».

13. 1913 г. В Пятигорске образован литературный кружок «Молодые авторы». Руководитель – Н.И. Мазуркевич.

14. 1914 г. В Пятигорске выходит литературно-художественный «Кавказский журнал».

15. 1916 г. В Пятигорске на базе кружка «Молодые авторы» образован «Кавказский отдел Комитета писателей». Руководитель – Н.И. Мазуркевич.

16. 1922 г. Сентябрь. В Пятигорске создана Терская окружная ассоциация пролетарских писателей. Руководитель – А. Славянский.

17. 1922 г. 27 октября. В Ставрополе при редакции газеты «Власть Советов» организован «Кружок

пролетарского творчества».

18. 1923 – 1926 гг. В Ставрополе выходит общественно-политический журнал «Ставрополье» с «Литературным отделом». Редактор – Ф.М. Головенченко.

19. 1926 г. «Кружок пролетарского творчества» преобразован в «Ставропольское отделение ассоциации пролетарских писателей».

20. 1931 г. Январь. «Ставропольское отделение ассоциации пролетарских писателей» переименовано в отделение Всероссийского общества крестьянских писателей.

21. 1937 г. 29 июня. Создано Ставропольское отделение Союза советских писателей. Первый руководитель – Н.Н. Коптев.

22. 1941 г. 28 января. Выход первого номера журнала «Альманах» в Пятигорске. Редактор – Э. Капиев.

23. 1946 г. Август. Возобновление издания журнала под названием «Ставропольский альманах».

24. 1953 г. «Ставропольский альманах» переименован в альманах «Ставрополье».

25. 1990 г. Образование Ставропольского краевого отделения Союза писателей России. Первый руководитель – В.К. Маляров.

26. 1992 г. Образование Ставропольского регионального отделения Союза российских писателей. Первый руководитель – В.С. Чернов.

27. 1992 г. Прекращение издания альманаха «Ставрополье».

28. 1998 г. Выход первого номера журнала «Литературный Кисловодск». Редактор – С.Я. Подольский.

29. 2001 г. Выход первого номера журнала «Южная звезда». Редактор – В.Н. Кустов.

30. 2005 г. Ноябрь. Возобновление издания альманаха «Ставрополье» под названием «Литературное Ставрополье». Редактор – В.П. Бутенко.

Осмысление своей региональной литературы на Ставрополье наиболее плодотворно проводилось в

советское время, особенно в 1960–80-е годы. В это время работали такие литературные критики, как Н. Капиева, Л. Анохина, В. Белоусов, И. Пирогова, Л. Прайсман, Т. Черная... Они регулярно откликались на появлявшиеся новые произведения на страницах периодической печати, альманаха «Ставрополье», представляя свое видение, оценку. В этом ряду особенно выделялась Т.П. Батурина, глубокий, профессионально подготовленный автор, выпустивший три книги литературно-критических работ: «И сердце, и интеллект» (Ставрополь, 1973), «Приглашение на стеклянную гору» (Ставрополь, 1979), «Пока дышу...» (Ставрополь, 1987).

Но рецензии и отзывы на текущую литературу являлись только частью проводившейся в крае популяризаторской деятельности. К 1970-м гг. наступила пора обобщающих работ, которые пытались охватить обзорно существующие в регионе литературные силы и наработанную ими творческую продукцию. Так, в 1974 г. библиографами Ставропольской краевой библиотеки Т.Г. Лифшиц и Л.А. Пастуховой была подготовлена и выпущена книга «Писатели Ставрополья» (Ставрополь, 1974) с изложением биографий, списков изданий и публикаций 30 авторов, а помимо того – еще и списки литературно-критических и литературоведческих работ об их жизни и творчестве. Это было первое серьезное издание такого рода. Через 8 лет составитель Г.П. Адрианова при помощи критиков, литературоведов края осуществила выпуск книги «Творчество» (Ставрополь, 1982), содержащей очерки о 35 ставропольчанах, членах Союза писателей СССР.

После перерыва почти в три десятилетия это начинание нашло свое продолжение. Так, в книге «Ставропольеведение» (Москва, 2010) приведены творческие портреты 26 писателей, созданных Т.К. Черной. Через год было осуществлено научное издание «Русская литература Северного Кавказа»

(Ставрополь: СГУ, 2011), где были помещены различные материалы о двух десятках ставропольских писателей. Еще через год Н. Сахвадзе издал свою книгу очерков «Ставропольские писатели» (Ставрополь, 2012). В дополненном варианте она вышла еще раз в 2015 г.

В 2017 г., к 80-летию краевой писательской организации Ставропольское региональное отделение Союза российских писателей выпустило библиографический указатель о 26 членах своей организации: «Поэты. Прозаики. Публицисты Ставрополья» (Ставрополь, 2017).

В плане изучения личности автора и его произведений из ставропольских писателей больше всего повезло И.Д. Сургучеву. Его творчеством вплотную занимается А.А. Фокин, доктор филологических наук, профессор. На сегодня им издано 3 монографии о ставропольском писателе: «Илья Дмитриевич Сургучев. Проблемы творчества» (Ставрополь, 2006), «И.Д. Сургучев – драматург» (Ставрополь, 2008), «Мистические аспекты творчества И.Д. Сургучева» (Ставрополь, 2015. – В соавторстве с Р.В. Нутрихиным). Он же совместно с Н.М. Малаховой и И.Ю. Малыгиной выступил соавтором учебного пособия «Творчество И.Д. Сургучева в антропологическом и функциональном аспектах» (Ставрополь, 2015).

Помимо того, А.А. Фокин совместно с краевой универсальной научной библиотекой им. Лермонтова регулярно организует и проводит «Сургучевские чтения». На сегодня таких конференций состоялось 15, и материалы их также издаются в виде научных сборников.

Исследованием творчества одного из ярких дореволюционных ставропольских авторов – Якова Абрамова – занимается доктор филологических наук, профессор В.М. Головкин. Им выпущена монография: «Яков Абрамов: самоактуализация в художественном

творчестве» (Ставрополь, 2008), учебное пособие: «Яков Васильевич Абрамов. Мироззрение. Метод. Поэтика» (Москва: Флинта – Наука, 2015), он же выступил редактором коллективной монографии «Я.В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России» (Ставрополь, 2013). В.М. Головкин также на базе Ставропольской краевой библиотеки проводит ежегодные «Абрамовские чтения». В ноябре 2018 года прошла юбилейная десятая конференция.

На сегодня существуют две монографии о жизни и творчестве одного из самых оригинальных и интересных писателей Ставрополья второй половины XX столетия – А.Т. Губине: Юсупова И.Н. «Этноментальные основы творчества А. Губина» (Пятигорск, 2002), Откидач Н.А., Чекалов П.К. «А.Т. Губин: творческая биография писателя и ее художественное воплощение» (Невинномысск, 2012). Также ему посвящены учебное пособие И.Н. Юсуповой «Роман А. Губина «Молоко волчицы». Проблемы поэтики и стиля» (Карачаевск, 1997) и сборник литературоведческих и литературно-критических публикаций «Литературная критика о писателях Ставрополья: Андрей Терентьевич Губин» (Ставрополь, 2010. – Сост.: Н.А. Откидач, П.К. Чекалов).

В последнее время активно изучается творчество современного писателя В.П. Бутенко, о котором существует две коллективные монографии: «Между двух истин. Судьба казачества в годы Великой Отечественной войны творчестве В. Бутенко» (Ставрополь, 2005), «Две правды: судьба казачества в трилогии В. Бутенко «Казачий алтарь» (Ставрополь, 2010) и сборник литературно-критических работ «Запечатленное время. Творчество Владимира Бутенко» (Ставрополь, 2017).

Отдельные монографии посвящены одним из лучших поэтов Ставрополья: В.Г. Гнеушеву (Донцов

А.В. «Поэтическое творчество В.Г. Гнеушева: основные мотивы и версификация». – Ставрополь, 2004) и И.В. Кашпурову (Шатохина О.А., Дробязго Т.И., Чекалов П.К. «Своеобразии творческой индивидуальности И.В. Кашпунова-лирика». – Кемерово, 2017).

Совместными усилиями отдела краеведения Ставропольской краевой библиотеки им. Лермонтова, Ставропольской краевой библиотеки для молодежи имени В.И. Слядневой и фондом им. В.И. Слядневой издана книга «Валентина Ивановна Сляднева. Судьба в поэзии» (Ставрополь, 2015. / Сост. М.В. Агаркова, В.В. Залевских, С.В. Колесова), где воспроизведены библиографические указатели всех изданий и публикаций Слядневой, а также тексты существующих о ней работ.

В 2016 г. Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В.И. Слядневой совместно с фондом им. В.И. Слядневой и Ставропольским литературным центром приступила к изданию серии «Писатели Ставрополья», и за прошедшее время выпустила 8 сборников: «Иван Кашпуров», «И.Д. Сургучев», «"Направь шаги тропю доброты"». Творчество И. Романова», «"Пою тебя, мой светлый край России"». Творчество А. Нарыжной», «"Я пришла из российских равнин"». Творчество Е. Ивановой», «О сказочнике слово... Творчество С. Бойко», «Запечатлённое время. Творчество В. Бутенко», «"Мне выпало счастье Владения словом"». Творчество В. Дмитриченко».

Хочу обратить внимание на большую и трудоемкую работу О.А. Лотковой «Литературно-художественные публикации в периодической печати Ставрополья. 1850–1917 гг.» (Невинномысск, 2006), где автор впервые попытался восстановить историю дореволюционной ставропольской литературы. Но самым фундаментальным литературоведческим трудом по исследованию истории литературы

Ставрополья является 580-страничная монография одного из самых видных ученых-литературоведов России второй половины XX века Л.П. Егоровой: «История литературы Ставрополья. XX век» (Ставрополь, 2012).

Приведенный материал свидетельствует о том, что и сегодня продолжается работа по осмыслению и изучению пройденного Ставропольской литературой пути. Но здесь нужно сделать некоторые оговорки.

В настоящее время на Ставрополье литературная критика как жанр практически прекратила свое существование: газеты и журналы почти не реагируют на выходящую книжную продукцию, хотя в крае функционируют два университета и пединститут с филологическими специальностями. В связи с этим в резолюции межрегиональных профессиональных дебатов «Региональная литература как гуманитарный сегмент культурного пространства Северного Кавказа» (Ставрополь, 15 декабря 2017 г.) обращалось внимание научной и творческой общественности, руководства Союзов писателей и ученых-филологов на необходимость принятия мер по оживлению литературной критики.

Научным исследованием истории ставропольской региональной литературы занимаются такие ученые, как Л.П. Егорова, В.М. Головкин, О.К. Страшкова, А.А. Фокин и другие. Ставропольскими филологами проделана определенная работа по осмыслению и изучению накопленного литературного материала. Но при этом абсолютное большинство всех исследований посвящено, хотя и значительным, но все же отдельным писателям конца XIX – начала XX, второй половины XX веков. А сегодня членами трех союзов писателей Ставрополья являются около ста человек, и за редким исключением о них мало что пишется.

Исследования по истории ставропольской литературы носят случайный характер. И зачастую эта

работа строится на энтузиазме отдельных личностей. В нашем регионе нет выработанной планомерной программы по освоению своей региональной литературы, как это происходит, например, в северокавказских республиках, где в институтах гуманитарных исследований идет систематическое, планомерное исследование своего фольклора и письменной литературы.

То же самое следует сказать и об учебной литературе. Если в северокавказских республиках с давних пор в школах и вузах изучается своя, местная литература, издаются специальные учебники, то на Ставрополье нет ни одного доброкачественного, профессионально выполненного учебника для школ и вузов по региональной литературе, хотя сама дисциплина «Литература Ставрополья» преподается как в школах, так и в вузах с филологическими специальностями. Ситуация просто парадоксальная.

В связи со сложившейся ситуацией в упоминавшейся выше резолюции межрегиональных профессиональных дебатов ученым-филологам СКФУ, ПГУ, СГПИ рекомендовалось обращать внимание аспирантов, магистрантов, студентов на разработку тем диссертационных, дипломных и курсовых работ, связанных с проблематикой, поэтикой, историей литературы Ставрополья, а министерству образования и молодежной политики Ставропольского края изыскать средства, организовать коллектив педагогов и профессиональных исследователей ставропольской литературы для разработки государственного стандарта, учебной программы, учебника региональной литературы как для школ, так и для вузов с филологическими специальностями.

Но на сегодня каких-либо позитивных перемен в изучении, осмыслении, подготовке соответствующих учебников по региональной литературе пока не наблюдается.

Подписано в печать 31.10.2019.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia»/ Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ №311019. Тираж 979 экз.
Дизайн и вёрстка: С.Е. Стефанова
Корректор: Н.А. Шулик
Отпечатано в типографии ООО «Мир»:
394033, г. Воронеж, Ленинский проспект, 119 А, литера Я, офис 215.
Тел.: 8-958-649-53-31.